

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, МГУ)
Балина М., д-р, проф. (США, ун-т Иллинойс Везлиан)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, ун-т Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Люблинский ун-т)
Джумайло О. А., д. филол. н., проф. (Россия, Ростов-на-Дону, Южный Федеральный университет)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт русской литературы РАН)
Краузе М., д-р, проф. (Германия, ун-т Гамбурга, Институт славистики)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, СПб., Институт лингвистических исследований РАН)
Овчинникова И. Г., д. филол. н., проф. (Израиль, ун-т Хайфы; Россия, Первый МГМУ им. И. М. Сеченова)
Полякова Е. Н., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, ун-т Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, ун-т Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, ТюменГУ)
Фэвр-Дюпэгр А., д-р, доц. (Франция, ун-т Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

Новокрещенных И. А. (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Русинова И. И. (зам. гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Абашев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Арустамова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бочкарёва Н. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бурдина С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Дускаева Л. Р., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кондаков Б. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Кушнина Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Мишланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Подюков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГГПУ)
Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Серова Т. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <http://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта Е. В. Исаева.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология, 10.01.09 – Фольклористика, 10.01.10 – Журналистика, 10.02.01 – Русский язык, 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи), 10.02.03 – Славянские языки, 10.02.04 – Германские языки, 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология, 10.02.19 – Теория языка, 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика).

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Marina Balina (USA, Illinois Wesleyan University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Olga Dzhumaylo (Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Marion Krause (Germany, University of Hamburg, Institute for Slavic Studies)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Irina Ovchinnikova (Israel, University of Haifa; Russia, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University)
Elena Polyakova (Russia, Perm State University)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen State University)
Anne Faivre Dupaigne (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Perm Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – Editor-in-Chief (Perm State University)	<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – Associate Editor (Perm State University)	<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)
<i>Natalya Shutemova</i> – Associate Editor (Perm State University)	<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)
<i>Nina Bochkareva</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614990, Perm Krai

(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>

Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site E. V. Isaeva

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Антонова А. Б. ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОШИБОК В РУССКИХ ПУБЛИЧНЫХ НАДПИСЯХ И ОБЪЯВЛЕНИЯХ (на примере г. Иркутска)	5
Дымонт Е. Е. ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВОФОРМЫ С ПЕРФЕКТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ КАК СРЕДСТВО КОГЕЗИИ В РУССКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ	16
Коломейцева Е. Б. ДЕНДИ В ЛИТЕРАТУРЕ: ОПЫТ АНАЛИЗА ЯЗЫКА ЛИТЕРАТУРЫ О ДЕНДИ	24
Котюрова М. П. ДИСКУРСИВНЫЕ «ЛОВУШКИ», ИЛИ ПРОПИСНЫЕ ИСТИНЫ РЕЧЕВЕДЕНИЯ	34
Лапина Л. Г., Лапина Е. В. МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ, ПОСВЯЩЕННОМ ПОСТСОВЕТСКИМ МИГРАНТАМ В ГЕРМАНИИ	45
Подюков И. А. АБСТРАКТНОЕ СЛОВО В СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ГОВОРАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МИРЕ И ВЕРЕ	58
Сьянова Е. И. К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО СВОДНОГО ДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЯ	68
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	78
Бережная М. С. ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА ПОВЕСТИ ДОРИС ЛЕССИНГ «ЛЕТО ПЕРЕД ЗАКАТОМ»	78
Зелезинская Н. С. ВОСПРИЯТИЕ У. ШЕКСПИРОМ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ИДЕИ САМОУБИЙСТВА	85
Клюйкова Е. А., Четина Е. М. ТВОРЧЕСТВО РОМАНА КИМА: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ В СОВЕТСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ	95
Медведев А. А. «РОЗАНОВСКИЙ СЛОЙ» В ТВОРЧЕСТВЕ АННЫ АХМАТОВОЙ	103
Фаттахова А. Р., Гареева Л. И. ДОКУМЕНТАЛЬНОСТЬ И ВЫМЫСЕЛ В РОМАНЕ АХМЕДА СААДАВИ «ФРАНКЕНШТЕЙН В БАГДАДЕ»	112
Чернышев И. Н. ОБРАЗЫ ДВИЖЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ СЮЖЕТА РОМАНА СЭМЮЭЛА БЕККЕТА «МЕРФИ» (1938)	120
ЖУРНАЛИСТИКА	127
Нигматуллина К. Р. ДИСКУРСИВНОСТЬ ПОНИМАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ	127

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY	5
Antonova A. B. LINGUOSTYLISTIC ANALYSIS OF ERRORS IN RUSSIAN-LANGUAGE NOTICES (a Case Study of Irkutsk City)	5
Dymont E. E. PERFECT VERB FORMS AS A MEANS OF COHESION IN RUSSIAN AND ITALIAN LITERARY TEXTS	16
Kolomeytseva E. B. THE DANDY IN LITERATURE: ANALYZING THE LANGUAGE OF THE LITERATURE OF DANDYISM	24
Kotyurova M. P. DISCOURSE ‘TRAPS’ OR TRUISMS OF STYLISTICS	34
Lapina L. G., Lapina E. V. METAPHORIC REPRESENTATION OF THE IDENTITY CRISIS IN GERMAN SOCIAL DISCOURSE ON POST-SOVIET MIGRANTS IN GERMANY	45
Podyukov I. A. AN ABSTRACT WORD IN SUBDIALECTS OF THE OLD BELIEVERS OF PERM KRAI AS A WAY OF EXPRESSING THE IDEAS OF THE WORLD AND FAITH	58
Syanova E. I. ON THE PROBLEM OF CREATING AN ELECTRONIC CONSOLIDATED DIALECT DICTIONARY	68
LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT	78
Berezhnaya M. S. IMAGERY SYSTEM IN THE NOVEL ‘THE SUMMER BEFORE THE DARK’ BY DORIS LESSING	78
Zelezinskaya N. S. SHAKESPEARE’S PERCEPTION OF THE CLASSICAL PHILOSOPHICAL IDEA OF SUICIDE	85
Kliuikova E. A., Chetina E. M. WORKS BY ROMAN KIM: ETHNOCULTURAL REALITIES IN SOVIET FICTION	95
Medvedev A. A. ‘ROZANOV’S LAYER’ IN ANNA AKHMATOVA’S OEUVRE	103
Fattakhova A. R., Gareeva L. I. A DOCUMENTARY ACCOUNT AND FICTION IN AHMED SAADAWI’S NOVEL ‘FRANKENSTEIN IN BAGHDAD’	112
Chernyshev I. N. IMAGES OF MOTION IN SAMUEL BECKETT’S NOVEL ‘MURPHY’ (1938)	120
JOURNALISM	127
Nigmatullina K. R. DISCOURSE ON PROFESSIONALISM IN MODERN JOURNALISM	127

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО

УДК 81'38
doi 10.17072/2073-6681-2020-1-5-15

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОШИБОК В РУССКИХ ПУБЛИЧНЫХ НАДПИСЯХ И ОБЪЯВЛЕНИЯХ (на примере г. Иркутска)

Алла Борисовна Антонова

к. филол. н., доцент кафедры русского языка как иностранного
Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации
Иркутского государственного университета
664011, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 8. allabb@yandex.ru

SPIN-код: 1616-9870

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7379-7485>

ResearcherID: F-8204-2019

Статья поступила в редакцию 14.10.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Антонова А. Б. Лингвостилистический анализ ошибок в русских публичных надписях и объявлениях (на примере г. Иркутска) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-5-15

Please cite this article in English as:

Antonova A. B. Lingvostilisticheskiy analiz oshibok v russkikh publichnykh nadpisyakh i ob'yavleniyakh (na primere g. Irkutsk) [Linguostylistic Analysis of Errors in Russian-Language Notices (a Case Study of Irkutsk City)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology]. 2020, vol. 12, issue 1, pp. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-5-15 (In Russ.)

На сегодняшний день в лингвистических исследованиях на первое место выходит антропоцентрический подход, а специфика языковых нарушений такова, что в их изучении трудно абстрагироваться от человеческого фактора. В статье дается анализ ошибок, встречающихся в публичных объявлениях и надписях г. Иркутска. Представлен также разный подход к определению «речевая ошибка» в лингвистической и методической литературе. Отмечается, что в лингвистике существует проблема разработки научно обоснованной, внутренне непротиворечивой и общепризнанной классификации речевых ошибок, описываются наиболее известные типологии речевых ошибок.

Ошибки вычленились методом сплошной выборки из текстов публичных надписей и объявлений г. Иркутска. В результате было получено 134 фрагмента, содержащие нарушения. Цель работы состояла в выявлении, описании и систематизации этих ошибок. В качестве основных методов исследования применялись интерпретативный анализ и количественный метод.

Собранный эмпирический материал позволяет сделать вывод о том, что в публичных объявлениях г. Иркутска представлены все виды ошибок. Количественный анализ свидетельствует о преобладании отдельных видов нарушений. Чаще всего имеют место пунктуационные нарушения. Второе место занимают орфографические ошибки. Речевые ошибки представлены различными видами: нарушение лексической сочетаемости, плеоназм, речевая недостаточность, тавтология, употребление слова без учета его семантики, смешение паронимов и т. д. Грамматические ошибки чаще всего связаны с неверным построением сложного предложения и нарушением норм согласования. Логические нарушения зачастую возникают при неправильном построении однородного ряда. Фактические ошибки можно объяснить невнимательностью автора текста. К намеренным нарушениям относятся эрративы, которые используются для привлечения внимания ключевой аудитории.

Проведенный анализ ошибок в публичных надписях и объявлениях демонстрирует необходимость дальнейшего изучения этого отрицательного материала, выявления наиболее «проблемных» зон и составления рекомендаций для повышения речевой культуры жителей Иркутска.

Ключевые слова: речевая ошибка; языковая ошибка; языковая норма; публичное объявление; публичная надпись; Иркутск.

Разного рода нарушения в речи всегда привлекали внимание лингвистов, давая не только пищу для размышлений, но и эмпирическую базу для теоретических выводов. Не случайно Л. В. Щерба считал, что роль разного рода ошибок, «роль этого отрицательного материала громадна и совершенно еще не оценена в языкознании» [Щерба 1956: 259]. На сегодняшний день в лингвистических исследованиях на первое место выходит антропоцентрический подход, а специфика языковых нарушений такова, что в их изучении трудно абстрагироваться от человеческого фактора. Ошибки помогают проследить взаимодействие человека и языковой системы, они являются необходимой частью речевой деятельности. Исследования, посвященные анализу ошибок, проводятся в лингвистике, лингводидактике, социолингвистике, в работах по межкультурной коммуникации. Теоретизация проблемы речевых ошибок имеет большое значение для лингвистической экспертизы текста.

В 90-е гг. XX в. Г. В. Ейгер подчеркивал важность изучения отрицательного материала при изучении нормализации. Лингвист утверждал, что отклонения от нормы целесообразно изучать в рамках ортологии – раздела языкознания, который изучает нормы языка и отклонения от этих норм [Ейгер 1990]. А швейцарский ученый Анри Фрей в 1929 г. в составленной им «Грамматике ошибок» отмечал, что многие ошибки закономерны и подсказываются аналогией или другими системными проявлениями живого языка [Фрей 2006]. Тем не менее «как бы ни изменялись слова, в каждую данную эпоху существуют очень определенные, очень твердые нормы правильной речи образованного, культурного общества, которые для каждого из нас обязательны» [Чуковский 2009: 54]. Повышение речевой культуры человека бесспорно связано не только со слепым следованием языковым догмам, но и с осмыслением закономерностей литературного языка. На сегодняшний день недостаточно быть только хранителем культурной языковой традиции. Необходимо каким-то образом участвовать в борьбе за совершенствование языка [Горбачевич 1989: 203].

Актуальность исследования обусловлена тем, что ошибки встречаются в различных ситуациях общения, однако проблема интерпретации подобных нарушений не нашла на данный

момент достаточно полного отражения в лингвистике.

Изучение методической и лингвистической литературы показывает, что ученые по-разному подходят к определению «речевая ошибка».

По мнению известного русиста Т. А. Ладыженской, весь отрицательный языковой материал можно разделить на ошибки и недочеты. Ошибка – это нарушение требований правильности речи, нарушение норм литературного языка... Недочет – это нарушение требований правильности речи, нарушение рекомендаций, связанных с понятием хорошей речи, т. е. богатой, точной и выразительной [Ладыженская 1991: 30].

Педагог, методист по русскому языку, член-корреспондент РАО М. Р. Львов определяет речевую ошибку как «неудачно выбранное слово, неправильно построенное предложение, искаженная морфологическая форма» [Львов 1975: 152].

Советский и российский лингвист С. Н. Цейтлин понимает под речевыми ошибками «любые случаи отклонения от действующих языковых норм» [Цейтлин 1982: 3].

Ю. А. Рыженко рассматривает речевые ошибки как «немотивированные (неоправданные) отступления от кодифицированных литературно-языковых норм, выделяемых в соответствии с уровнями (ярусами) языка», как «различные нарушения правильности литературной речи» [Рыженко 2016: 290].

А. Уемов пишет об отличительных характеристиках логических ошибок и о том, что логические ошибки следует отличать от фактических: «Логические ошибки относятся не к мыслям как таковым, а к тому, как связывается одна мысль с другой, к отношениям между различными мыслями. Каждая мысль может рассматриваться сама по себе вне связи с другими мыслями. Если такая мысль не соответствует реальному положению вещей, то в этом случае будет налицо фактическая ошибка» [Уемов 1958: 3].

Понятие «языковая норма» тесно связано с представлениями о правильности речи. Языковые нормы отражают внутренние закономерности языковой системы в ее непрерывном развитии и совершенствовании и подтверждаются словоупотреблением авторитетных писателей [Горбачевич 1989: 29, 31].

На сегодняшний день в лингвистике существует проблема разработки научно обоснованной,

внутренне непротиворечивой и общепризнанной классификации речевых ошибок. В научно-методической литературе встречаются различные классификации речевых ошибок, представленные учеными-лингвистами (Г. А. Анисимов, А. В. Барина, Л. О. Бутакова, М. Р. Львов, В. Е. Мамушин, В. И. Капинос, Л. С. Потапова, О. В. Рисс, Ю. А. Рыженко, Н. Е. Сулименко, Ю. В. Фоменко, С. Н. Цейтлин, П. Г. Черемисин и др.).

М. Р. Львов делит стилистические ошибки на речевые и неречевые. Первые подразделяются им на лексико-стилистические, морфолого-стилистические и синтаксико-стилистические. Ко вторым он относит логические ошибки, композиционные и ошибки, связанные с искажением фактов [Львов 1975].

М. С. Соловейчик выделяет две группы речевых ошибок: грамматические и речевые недочеты, которые вызваны неумением пользоваться языковыми средствами [Соловейчик 1979: 14].

В классификации Т. А. Ладыженской четко прослеживается разграничение системы языковых единиц и языковых средств в речи. В ее типологии представлены две группы ошибок: ошибки в структуре или форме языковой единицы (грамматические ошибки) и ошибки в функционировании языковых средств (речевые ошибки) [Ладыженская 1991].

Отметим, что все три исследователя делят ошибки на две большие группы: речевые ошибки или недочеты и неречевые или грамматические ошибки.

С. Н. Цейтлин дифференцирует ошибки на системные, композиционные и просторечные. Системными ошибками исследователь называет «нарушение языковой нормы вследствие слишком прямолинейного следования системе языка» и считает их принадлежностью исключительно детской речи. К композиционным ошибкам она относит местоименное дублирование одного из членов предложения, чаще всего подлежащего. С. Н. Цейтлин проводила исследование речи в онтогенезе и выделила три больших класса ошибок речи школьников: 1) ошибки, свойственные только письменной речи: орфографические, пунктуационные; 2) ошибки, свойственные только устной речи: фонетические, акцентологические; 3) ошибки, не зависящие от формы речи: морфологические, словообразовательные, лексические, синтаксические, фразеологические и стилистические [Цейтлин 1982].

По мнению П. Г. Черемисина, речевые ошибки можно разделить на пять видов: 1) пунктуационные, 2) орфографические, 3) грамматические, 4) словарные и 5) стилистические ошибки [Черемисин 1973].

О. Б. Сиротина в своей типологии речевых ошибок выделяет следующие группы нарушений: разговорный порядок слов и ассоциативный принцип построения текста. Ко второй группе лингвист относит неправильное использование местоимений, неполноту предложений в письменной речи и замену книжных конструкций разговорными [Сиротина 1983].

И. Ю. Голованова полагает, что в современной русистике существуют разнообразные подходы к разработке классификаций ошибок. Среди принципов, положенных в основу типологизации, исследователь выделяет четыре: подход «от формы», представленный в традиционных уровнях классификации (В. Н. Капинос, В. Ф. Сергеев, Ю. Н. Фоменко, С. Н. Цейтлин); с точки зрения стилеобразующих факторов (С. А. Арефьева, М. Н. Кожина), с позиций коммуникативной целесообразности и с точки зрения участников коммуникации (Б. Н. Мучник); с опорой на функционально-деятельностную основу, т. е. в зависимости от типа выполняемой речемыслительной операции или типа квалифицируемого смысла (О. В. Кукушкина, А. А. Леонтьев) [Голованова 2004].

Е. М. Епихина, анализируя в своей работе коммуникативные ошибки, классифицирует их следующим образом: 1) системные / стилевые нарушения языковых норм (акцентологические, грамматические, орфографические, лексические, орфоэпические и паравербальные ошибки); 2) адресантные и адресатные нарушения общения (ошибки при речевом оформлении мысли либо при ее интерпретации); 3) релевантные и нерелевантные ошибки (вызывающие либо не вызывающие коммуникативный сбой); 4) культурно-обусловленные / ситуативные нарушения коммуникативных норм (ошибки иностранцев и носителей родного языка, недостаточно внимательных к собеседникам); 5) жанрово-дискурсивные / логические ошибки (недостаточное владение жанровой компетенцией и неумение логически выстроить речь); 6) ошибки, обусловленные либо не обусловленные патологией речемыслительных процессов; 7) реальные и фиктивные ошибки (соответствующие коллективно разделяемым стереотипам общения либо произвольно устанавливаемым интерпретативным ходам) [Епихина 2014: 5].

Как справедливо отмечает Н. В. Данилевская, «сегодня в рамках свободной (не подвергающейся профессиональному, в том числе лингвистическому контролю) массовой коммуникации не только изобилует пренебрежительное отношение к языку и самому процессу текстопорождения, когда люди пишут “на авось” и, не задумываясь

над результатом своего словотворчества, эксплицируют мысли так же примитивно, как понимают и чувствуют жизнь на бытовом уровне; но можно говорить и о том, что в такого рода коммуникации сегодня интенсивно реализуется принцип пренебрежения к Другому. Сегодня типичной является коммуникативная ситуация, когда автору речи безразлично, *что* о нем подумают, *как* поймут его текст, *каким* окажется коммуникативный акт «на выходе»» [Данилевская 2012: 36] (курсив наш. – А. А.).

В качестве материала для исследования языковых нарушений нами были выбраны публичные объявления и надписи в г. Иркутске. Подобного рода тексты Н. В. Данилевская условно называет уведомительными, понимая под ними тексты, предназначенные для сообщения гражданам о результате совершенного ими действия (напр., товарные чеки), о наличии / существовании какого-либо факта действительности (напр., объявления, ценники на продаваемом товаре или сопровождающие его небольшие по объему уточняюще-конкретизирующие замечания), различные номинативы (тексты, представляющие товар на обертках, фантиках, упаковках, коробках и др.), рекламные тексты уличных вывесок, баннеров, щитов [там же: 31]. Уведомительные тексты в современном медийном пространстве имеют массовый характер, поэтому они оказывают большое влияние на языковой вкус общества и на его речевую практику. В этой связи возникает логичный вопрос, что отражают эти тексты: низкий уровень речевой грамотности определенной части общества или факт регрессивных процессов в развитии самого языка? [Данилевская 2013: 33].

Объявление относят к разновидностям рекламы, которая встречается, в основном, в газетах и периодических изданиях. Она также присутствует в Интернете, на радио и телевидении [Википедия]. Как известно, в каждом рекламном тексте есть конкретная авторская интенция, которая становится важным жанрообразующим признаком рекламных текстов [Миронова 2012].

Объявление – это сообщение, извещение о чем-либо, доводимое до всеобщего сведения, помещенное где-либо для широкого ознакомления [Викисловарь]. Объявление – это какая-либо важная информация (о продаже / покупке / находке, различных услугах, о приеме на работу, о проведении или отмене какого-либо предприятия, о переносе события на другое время и т. д.), предоставленная для привлечения внимания читателя. К тексту объявления предъявляются следующие требования: краткость, простота изложения, смысловая насыщенность. Отличитель-

ные особенности и структура объявления зависят от типа объявления. В частности, объявление о каком-то событии или мероприятии обычно строится следующим образом: привлечение внимания (Не пропустите! Внимание! и т. д.), обращение (Уважаемые покупатели!), описание предстоящего события (что, где, когда, планируется), формула приглашения (Ждем вас по адресу..., Приглашаем вас! и т. д.). Объявление – это текст различной длины, содержащий в своей структуре как минимум три компонента (к кому обращаются, что сообщают, кто обращается), в конце объявления почти всегда содержится идентификатор (т. е. номер телефона, адрес, электронная почта).

Надпись – это короткий текст на чем-либо, содержащий различные указания или сведения по поводу принадлежности, назначения, содержания и т. п. того предмета, на котором он написан [Карта слов].

Под публичной надписью мы понимаем короткий текст информативного характера, содержащий в своей структуре (в отличие от публичного объявления) один компонент: *что сообщают*.

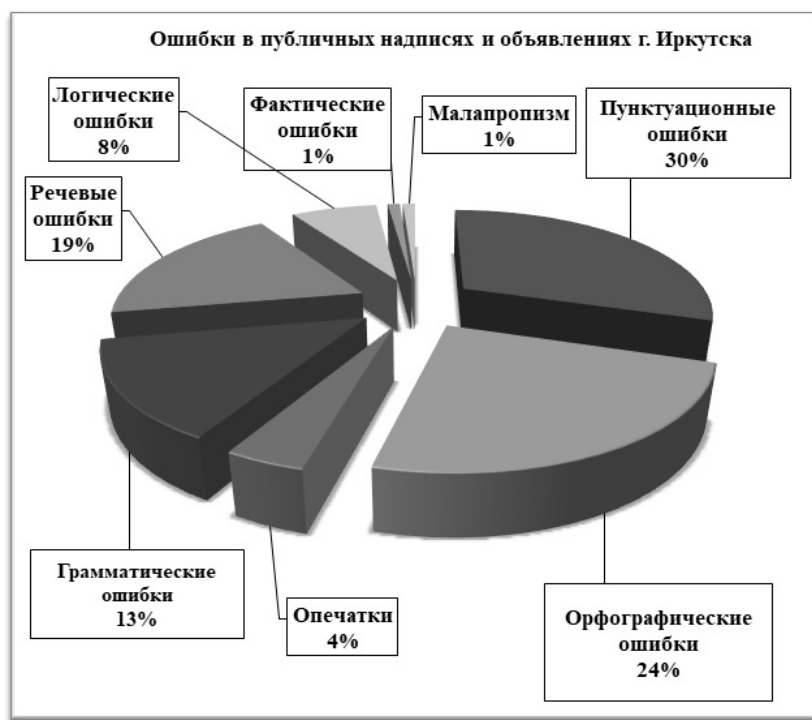
Основываясь на классификациях П. Г. Черемисина и М. Р. Львова, мы делим ошибки на орфографические, пунктуационные, грамматические, речевые, логические, этические и фактологические. Нами были проанализированы 83 текстовых фрагмента, в которых мы обнаружили 134 нарушения норм русского языка. Проведенный анализ показал, что в публичных надписях и объявлениях г. Иркутска встречаются все виды ошибок. Их распределение в количественном и процентном отношении можно видеть в представленной таблице, а также в диаграмме.

Количественное и процентное соотношение различных видов ошибок в публичных объявлениях и надписях г. Иркутска

The Number and Percentages of Different Types of Errors in Irkutsk Notices

Виды ошибок	Кол-во, %
1. Языковые ошибки	77 (58 %)
Пунктуационные	40 (30 %)
Орфографические	32 (24 %)
Опечатки	5 (4 %)
2. Грамматические ошибки	18 (13 %)
3. Речевые	25 (19 %)
4. Логические	11 (8 %)
5. Фактические	2 (1 %)
6. Эпративы	1 (1 %)
Количество (всего)	134

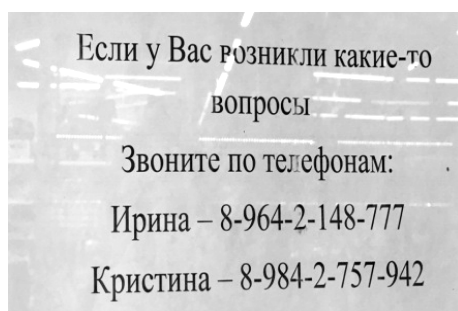
Для наглядности представим процентное соотношение ошибок на диаграмме (см. рисунок).

Процентное соотношение всех видов ошибок в публичных надписях и объявлениях г. Иркутска
Percentages of Different Types of Errors in Irkutsk Notices

Как видно из таблицы и рисунка, по количественному показателю первое место занимают языковые ошибки (58 % общего количества нарушений). Среди них чаще всего (в 30 % случаев) имеют место пунктуационные нарушения, которые состоят, как правило, в пропуске запятых при обособлении обращений, придаточных предложений и определительных оборотов, а также в их излишней постановке в простом предложении. Нередко наблюдается контаминация пунктуационных и орфографических ошибок. Рассмотрим несколько примеров.

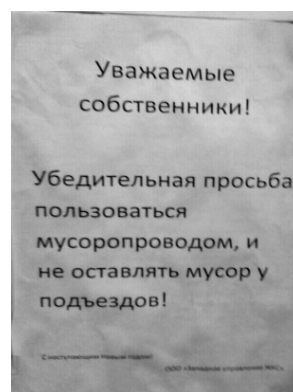
Пример 1

В данном объявлении (пример 1) пунктуационная ошибка состоит в отсутствии запятой (перед словом вопросы) при отделении придаточного предложения со значением условия от главного предложения в составе сложноподчиненного предложения. Кроме этого, содержится орфографическая ошибка, поскольку главное предложение должно писаться со строчной буквы.

В следующем примере поставлена лишняя запятая перед словом «мусоропроводом». Как известно, однородные члены, соединенные однородным соединительным союзом и, запятыми не отделяются.

Пример 2

Второе место занимают орфографические ошибки (24 %). К наиболее распространенным можно отнести ошибки в написании двойных согласных, гласных в падежных окончаниях существительных, а также *ь* в глаголах.

В следующем объявлении (пример 3) ошибка состоит в нарушении норм управления. Так, правописание словосочетания *по предъявлении* определяется двумя правилами. Окончание существительного среднего рода с неодносложной основой на *-ие* в предложном падеже единственного числа имеет в безударном положении, в отступлении от общего правила, окончание *-и*. Это

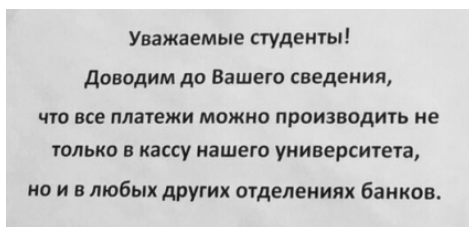
сочетание входит также в разряд устойчивых сочетаний с предлогом *по* с существительным на *-ие*, которые близки по своей роли в предложении к предлогу. Соответственно, правильным является вариант *по предъявлению* [Правила русской орфографии и пунктуации].

Пример 3

В объявлении ниже (пример 4) ошибка состоит в употреблении со словом *касса* винительного падежа вместо предложного. Хотя ситуация с нормативностью неоднозначна, тем не менее литературной норме соответствует предложный вариант *оплатить в кассе* (пройти к кассе / в кассу) [Грамота]. В пользу постановки в предложном падеже в данном объявлении свидетельствует и присутствие второго однородного члена, также употребленного в форме предложного падежа (*в других отделениях*).

Пример 4

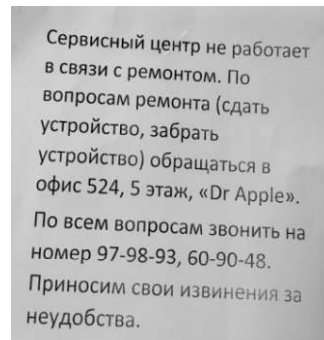
В проанализированных нами объявлениях г. Иркутска часто встречаются также речевые ошибки (19 %) и представлены они различными видами: нарушение лексической сочетаемости, плеоназм, речевая недостаточность, тавтология, употребление слова без учета его семантики, смешение паронимов, неоправданное употребление слов со стилистической окраской, не соответствующей официально-деловому стилю, неуместное употребление экспрессивных, эмоционально-окрашенных слов и т. д. Рассмотрим примеры.

Типичным примером лексических ошибок является нарушение лексической сочетаемости (см. объявление сервисного центра – пример 5).

Согласно нормам сочетаемости русского языка после глагола *позвонить* должен употребляться предлог *по* в словосочетании *позвонить по*

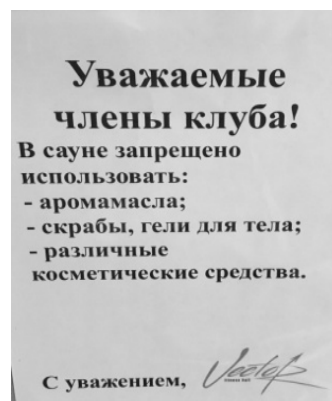
какому-л номеру, а не предлог *на* [Словарь сочетаемости слов русского языка 1983: 185]. Кроме того, в данном контексте необходимо использовать форму множественного числа существительного *номер*, поскольку указаны два телефонных номера.

Пример 5

В следующем примере ошибка вызвана неправильным выбором слова.

Пример 6

Дадим определение косметическим средствам. Косметические средства – это средства, предназначенные для личной гигиены, профилактики заболеваний кожи и косметических дефектов, а также для улучшения внешности человека; это средства для ухода за кожей, волосами, губами и т. д. Из данного определения следует, что аромамасла, скрабы и гели для душа также являются косметическими средствами. Однако в тексте объявления (пример 6) употребление слова *различные* означает, что аромамасла, скрабы и гели для тела не являются косметическими средствами. Вместо слова *различные* здесь следует употребить слово *другие*.

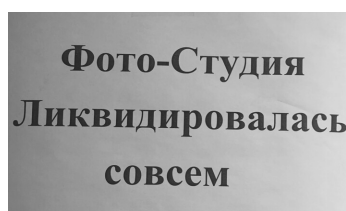
Нарушение лексической сочетаемости может быть вызвано смешением паронимов (пример 7). Ср.: «Приносим извинения за представленные неудобства». Очевидно, в тексте имеет место смешение паронимов *предоставленный / представленный*.

Пример 7

Одним из видов речевых ошибок является речевая избыточность, которая состоит в употреблении лишних слов. Рассмотрим один из возможных случаев.

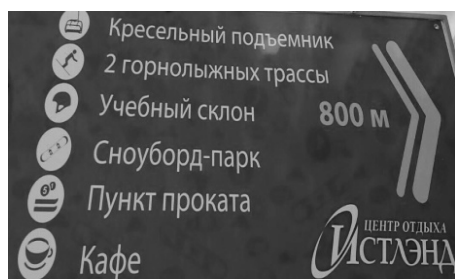
Пример 8

В представленном примере (пример 8) нарушение вызвано совместным использованием слов *ликвидировалась* и *совсем*. В объявлении нарушена также орфографическая норма русского языка – слово *ликвидировалась* должно быть написано с строчной буквы. Кроме того, неправильно написано слово *Фотостудия*, которое пишется слитно.

Четвертое место по количественному признаку занимают грамматические ошибки (13%), которые чаще всего связаны с неверным построением сложного предложения, а также ошибочным образованием форм существительного и нарушением норм согласования. См., например, следующее объявление:

Пример 9

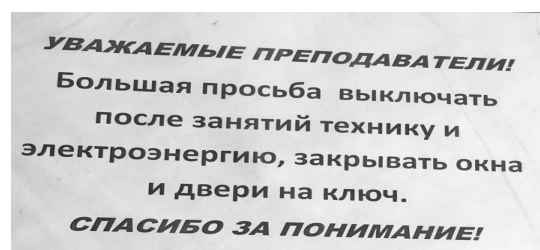

В данном примере мы имеем дело с нарушением морфологических норм русского языка. Если определение относится к существительному, зависящему от числительного *два*, то при словах женского рода это определение должно употребляться в именительном падеже. Следовательно, в рассматриваемом объявлении правильным должно быть такое написание: *две горнолыжные трассы*.

Логические ошибки занимают пятое место (8% от общего числа) и связаны с нарушением логической правильности речи. Подобные нарушения часто возникают при смешении родовых и видовых категорий, неправильном построении однородного ряда, когда в перечислении происходит наложение объемов понятий.

В приведенном далее тексте объявления (пример 10) логическая ошибка состоит в сопоставлении двух логически неоднородных понятий: *техника* и *электроэнергия*. См.:

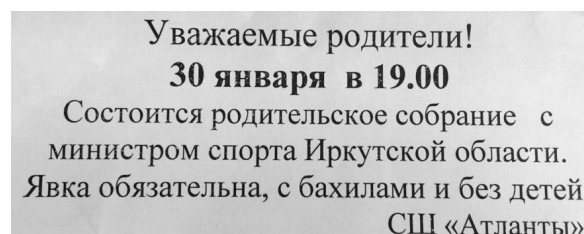
Пример 10

Как видно, *техника* в данном контексте – это собирательное существительное, которое обозначает разные механические устройства. *Электроэнергия* – это абстрактное существительное, имеющее значение «энергия электрического тока» [Большой толковый словарь русского языка].

Сопоставление неоднородных понятий становится ошибкой и в тексте следующего объявления (пример 11). В одном ряду находятся несопоставимые понятия: *бахилы* и *дети*. Ср.:

Пример 11

Приведем еще один пример с логической ошибкой, причиной которой стало сопоставление в рамках одной синтаксической конструкции неоднородных понятий:

Пример 12

Судмедэкспертиза, юристы и переводы – это различные по объему и содержанию понятия. Устраняя нарушение, можно написать так: *Здесь не оказывают услуги судмедэксперты, юристы и переводчики...*

В текстах публичных надписей и объявлений нам также встретились два примера, содержащие фактическую ошибку, которая относится к нарушению такого коммуникативного качества речи, как фактологическая точность (см. пример 13).

Пример 13

Очевидно, что перепутана хронология в ценах. Действующая цена перечеркнута и ошибочно заявлена ранее существующая более высокая стоимость товара.

Отдельно следует отметить эрративы. Эрратив – это слово или выражение, которое подвергается носителем языка, владеющим литературной нормой, умышленному искажению. Эрративы используются для создания особого эффекта [Википедия].

В своей диссертации Е. М. Епихина относит подобные девиации к орфографическим ошибкам (например, «аффтатр жжот») и отмечает, что сегодня они находят наиболее широкое рас-

пространение в сфере интернет-коммуникации [Епихина 2014: 13].

Мы считаем, что подобную намеренную деформацию слова для создания особого эффекта следует отнести не к ошибкам, а к языковой игре. Нами был обнаружен один пример эрратива (пример 14).

Пример 14

В данном случае владелец магазина намеренно использовал этот прием для привлечения внимания потенциальных покупателей к необычному названию. Замена слова *парикмахерский* на сходное по звучанию и не существующее в русском языке *парикмастерский* служит в данном случае стилистическим приемом.

Итак, анализ методической и лингвистической литературы показал, что ученые по-разному подходят к определению понятия «ошибка» и используют различные подходы к составлению типологии нарушений. На сегодняшний день в лингвистической науке существует проблема разработки научно обоснованной, внутренне непротиворечивой и общепризнанной классификации ошибок.

Завершая размышления о состоянии этого пласта современной массовой коммуникации (публичные объявления и надписи, локализованные в г. Иркутске), следует подчеркнуть необходимость серьезной, ответственной работы авторов с подобными текстами, а также бережного отношения к языку, его законам и нормам.

На наш взгляд, ошибки в публичных объявлениях и надписях г. Иркутска вызваны низкой речевой культурой авторов текстов. Перспективным представляется дальнейшее изучение ошибок в объявлениях и надписях г. Иркутска с целью разработки рекомендаций, способствующих повышению речевой культуры горожан.

Список литературы

- Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Википедия. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 02.12.2019).
- Викисловарь. URL: <http://en.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 02.12.2019).

Голованова И. Ю. Проблема анализа речевых ошибок в контексте онтогенеза языковой компетенции: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 258 с.

Горбачевич К. С. Нормы современного русского языка. М.: Просвещение, 1989. 208 с.

Грамота – Справочно-информационный портал русского языка. URL: <http://gramota.ru/> (дата обращения: 02.12.2019).

Данилевская Н. В. Ослабление диалогичности как проявление кризиса массовой коммуникации // Речевое общение: спец. вестник / под ред. А. П. Сковородникова. вып. 14(22). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2012. С. 29–37.

Данилевская Н. В. Деструкция литературной нормы в современной массовой коммуникации // Речевая коммуникация в средствах массовой информации: материалы II Междунар. науч.-практ. семинара (17–19 апр. 2013 г.) / под ред. В. В. Васильевой, В. И. Конькова. СПб., 2013. С. 32–35.

Ейгер Г. В. Механизм контроля языковой правильности высказывания. Харьков: Основа, 1990. 183 с.

Епихина Е. М. Эмблематические коммуникативные ошибки: дис. ...канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 155 с.

Карта слов – Карта слов и выражений русского языка URL: <https://kartaslov.ru> (дата обращения: 02.12.2019).

Ладыженская Т. А. Методика развития речи на уроках русского языка: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1991. 240 с.

Львов М. Р. Речь младших школьников и пути ее развития. М.: Просвещение, 1975. 170 с.

Миронова А. А. Жанры рекламы: к проблеме квалификации // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2012. Вып. 71, № 32(286). С. 67–71.

Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: АСТ, 2009. 432 с.

Рыженко Ю. А. К проблеме классификации речевых ошибок // Научные труды КубГТУ. 2016. № 6. С. 290–298.

Сиротинина О. Б. Русская разговорная речь: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1983. 125 с.

Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М.: Рус. яз., 1983. 688 с.

Соловейчик М. С. Нарушение языковых норм в письменной речи младших школьников // Начальная школа. 1979. № 5. С. 13–18.

Уемов А. И. Логические ошибки. Как они мешают правильно мыслить. М.: Госполитиздат, 1958. 120 с.

Фрей А. Грамматика ошибок. М.: КомКнига, 2006. 304 с.

Цейтлин С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1982. 143 с.

Черемисин П. Г. К вопросу о классификации речевых ошибок в сочинениях учащихся средней школы // РЯШ. 1973. № 2. С. 34–40.

Чуковский К. Живой как жизнь: о русском языке. М.: АСТ: Зебра Е, 2009. 304 с.

Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании: хрестоматия по истории языкознания XIX–XX вв. / под ред. В. А. Звегинцева. М.: Просвещение, 1956. С. 252–264.

References

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Ed. by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p. (In Russ.)

Wikipedia. Available at: <http://en.wikipedia.org/wiki/> (accessed 02.03.2017). (In Russ.)

Wiktionary. Available at: <http://en.wiktionary.org/wiki/> (accessed 22.03.2017). (In Russ.)

Golovanova I. Yu. *Problema analiza rechevykh oshibok v kontekste ontogeneza yazykovoy kompetentsii*. Diss. kand. filol. nauk [The problem of speech error analysis in the context of the ontogenesis of linguistic competence. Cand. philol. sci. diss.]. Chelyabinsk, 2004. 258 p. (In Russ.)

Gorbachevich K. S. *Normy sovremennogo russkogo yazyka* [The norms of the contemporary Russian language]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1989. 208 p. (In Russ.)

Gramota – Spravochno-informatsionnyy portal russkogo yazyka. [Literacy – Reference and information portal]. Available at: <http://gramota.ru/> (accessed 02.05.2017). (In Russ.)

Danilevskaya N. V. *Oslablenie dialogichnosti kak proyavlenie krizisa massovoy kommunikatsii* [The diminution of dialogueness as a manifestation of the crisis of mass communication]. *Rechevoe obshchenie: spets. Vestnik* [Speech Communication: special Bulletin], 2012, vol. 14(22), pp. 29–37. (In Russ.)

Danilevskaya N. V. *Destruktsiya literaturnoy normy v sovremennoy massovoy kommunikatsii* [The destruction of literary norm in modern mass communication]. *Recheyaya kommunikatsiya v sredstvakh massovoy informatsii: Materialy II Mezhduнародного nauchno-prakticheskogo seminar (17–19 aprelya 2013 g.)* [Speech communication in the

mass media: Proceedings of the 2nd International scientific and practical seminar. April 17–19, 2013]. Ed. by V. V. Vasil'eva, V. I. Kon'kov. St. Petersburg, 2013, pp. 32–35. (In Russ.)

Eyger G. V. *Mekhanizm kontrolya yazykovoy pravil'nosti vyskazyvaniya* [The mechanism to control linguistic accuracy of an utterance]. Kharkiv, Osnova Publ., 1990, pp. 165–182. (In Russ.)

Epikhina E. M. *Emblematicheskie kommunikativnye oshibki*. Diss. kand. filol. nauk [Emblematic communicative errors. Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd, 2014. 155 p. (In Russ.)

Karta Slovo – Karta slov i vyrazheniy russkogo yazyka [Map of words – Map of Russian words and expressions]. Available at: <https://kartaslov.ru> (accessed 02.06.2017). (In Russ.)

Ladyzhenskaya T. A. *Metodika razvitiya rechi na urokakh russkogo yazyka: Kn. dlya uchitelya* [The Methods of speech development in Russian language lessons]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1991. 240 p. (In Russ.)

L'vov M. R. *Rech' mladshikh shkol'nikov i puti ee razvitiya* [The speech of primary school students and the ways of its development]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1975. 170 p. (In Russ.)

Mironova A. A. Zhanry reklamy: k probleme kvalifikatsii [Genres of advertising. On the problem of classification]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. Filologiya. Iskusstvovedenie [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Studies], 2012, vol. 71, issue 32(286), pp. 67–71. (In Russ.)

Pravila russkoy orfografii i punktuatsii. Polnyy akademicheskii spravochnik [The rules of Russian spelling and punctuation. Comprehensive academic reference book]. Ed. by V. V. Lopatin. Moscow, AST Publ., 2009. 432 p. (In Russ.)

Ryzenko Yu. A. K probleme klassifikatsii rechevykh oshibok [On the issue of speech errors classification]. *Nauchnye trudy KubGTU* [Scientific works of the Kuban State Technological University], 2016, issue 6, pp. 290–298. (In Russ.)

Sirotnina O. B. *Russkaya razgovornaya rech': Posobie dlya uchitelya* [Russian spoken language: Teacher's book]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1983. 125 p. (In Russ.)

Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka [The Russian Collocations Dictionary]. Ed. by P. N. Denisov, V. V. Morkovkin. Pushkin State Russian Language Institute. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1983. 688 p. (In Russ.)

Soloveychik M. S. Narusheniye yazykovykh norm v pis'mennoy rechi mladshikh shkol'nikov [Language norm deviation in the speech of primary school children]. *Nachal'naya shkola* [Primary School], 1979, issue 5, pp. 13–18. (In Russ.)

Uemov A. I. *Logicheskie oshibki. Kak oni meshayut pravil'no myslit'* [Logical errors. How they prevent from correct thinking]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1958. 120 p. (In Russ.)

Frey A. *Grammatika oshibok* [The Grammar of errors]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 304 p. (In Russ.)

Tseytlin S. N. *Rechevye oshibki i ikh preduprezhdenie: Posobie dlya uchiteley* [Speech errors and their prevention: Teacher's book]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1982. 143 p. (In Russ.)

Cheremisin P. G. K voprosu o klassifikatsii rechevykh oshibok v sochineniyakh uchashchikhsya sredney shkoly [On the problem of speech error classification in the compositions of secondary school children]. *RJaSh* [The Russian Language at School], 1973, issue 2, pp. 34–40. (In Russ.)

Chukovskiy K. *Zhivoy kak zhizn': o rus. yaz.* [Alive like life: about the Russian language]. Moscow, AST: Zebra E Publ., 2009. 304 p. (In Russ.)

Shcherba L. V. *O troyakom aspekte yazykovykh yavleniy i ob eksperimente v yazykoznanii: Khrestomatiya po istorii yazykoznaniiya 19-20 vv.* [On a triple aspect of linguistic phenomena and the experiment in linguistics: Reader on the history of language studies of the 19th–20th centuries]. Ed. by V. A. Zvegintsev. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1956, pp. 252–264. (In Russ.)

**LINGUOSTYLISTIC ANALYSIS OF ERRORS
IN RUSSIAN-LANGUAGE NOTICES
(a Case Study of Irkutsk City)**

Alla B. Antonova

Associate Professor in the Department of Russian as a Foreign Language
Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University
8, Lenina st., Irkutsk, 664011, Russian Federation. allabb@yandex.ru

SPIN-code: 1616-9870

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7379-7485>

ResearcherID: F-8204-2019

Submitted 14.10.2019

The article is devoted to the analysis of errors in notices found in Irkutsk city. Nowadays, language studies are characterized by the prevalence of the anthropocentric approach, and the nature of language errors is difficult to distinguish from the human factor. The article analyzes the notion ‘speech error’ in language studies and methodological literature. It is noted that today in linguistics there is a problem of developing a scientifically well-grounded, internally coherent and generally accepted classification of speech errors; the best known classifications are described.

The errors were selected from Irkutsk notices by means of the continuous sampling method. As a result, there were obtained 134 text fragments containing mistakes. The research purpose was to identify, describe and classify those. The main research methods were interpretative analysis and quantitative analysis.

The empiric material allowed us to make a conclusion that there are all types of errors present in Irkutsk notices. The quantitative analysis showed which of those are predominant. Punctuation errors are most frequent. Spelling errors come second. Speech errors are presented in various types: combinability errors, pleonasm, ellipsis, tautology, using a word regardless of its semantics, confusion of paronyms, etc. Grammar mistakes are most often connected with wrong framing of a complex sentence and agreement errors. Logical errors are frequent in case of wrong framing of a homogeneous set. Factual errors can often be ascribed to the author’s inattention. Erratives refer to deliberate mistakes aimed at attracting attention of a target audience.

The conducted analysis demonstrates the necessity for further study of this negative material in Irkutsk in order to identify the most problematic areas and compile reference books for boosting Irkutsk citizens’ speech culture.

Key words: speech error; language error; language norm; notice; Irkutsk.

УДК 81'36

doi 10.17072/2073-6681-2020-1-16-23

ГЛАГОЛЬНЫЕ СЛОВОФОРМЫ С ПЕРФЕКТНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ КАК СРЕДСТВО КОГЕЗИИ В РУССКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Екатерина Евгеньевна Дымонт

методист

Центр образования «Коалиция»

119270, Россия, г. Москва, ул. Хамовнический вал, 6. katiad@mail.ru

SPIN-код: 2856-4850

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4588-6602>

Статья поступила в редакцию 03.02.2020

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Дымонт Е. Е. Глагольные словоформы с перфектным значением как средство когезии в русских и итальянских художественных текстах // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 16–23. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-16-23

Please cite this article in English as:

Dymont E. E. Glagol'nye slovoformy s perfektnym znacheniem kak sredstvo kogezi v russkikh i ital'yanskikh khudozhestvennykh tekstakh [Perfect Verb Forms as a Means of Cohesion in Russian and Italian Literary Texts]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 1, pp. 16–23. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-16-23 (In Russ.)

Анализируется функционирование глагольных форм с перфектным значением в художественных текстах на русском и итальянском языках. Материалом исследования послужил театральный монолог Алессандро Барикко «Новеченто» и его перевод на русский язык Наталии Орешинной, а также произведения современных русских прозаиков (Л. Улицкой, В. Пелевина и др.). Основное внимание уделяется определению композиционных функций словоформ с перфектным значением, в частности, влиянию данных словоформ на линейное развертывание текста. По мнению автора, такое влияние обусловлено семантической двуплановостью перфекта. Ключевая идея статьи заключается в обосновании у перфекта (как в русском, так и в итальянском языках) особых, собственно текстообразующих функций. Показано, что свойство перфекта влиять на связность текста и линейность его восприятия адресатом основано на природе самой перфектной семантики, которая репрезентируется при функционировании глаголов в перфектном значении не только в русском языке, но и в других языках, в том числе итальянском. Это позволяет считать функцию текстовой когезии у перфектных словоформ языковой фреквенталией. Выявляются условия реализации функции текстовой когезии в русском и итальянском языках: синкретичность семантики перфекта, позиция рассматриваемых словоформ в сложном синтаксическом целом, а также их взаимодействие с другими элементами контекста (словоформами, актуализирующими перфектное значение, дейктическими элементами, синтаксическими конструкциями).

Ключевые слова: перфект; перфектное значение; текстовые категории; текстообразование; когезия; проспекция; ретроспекция; дейксис; текстовые функции.

1. Введение

Текстовым функциям глаголов совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) вида посвящено немало работ, в частности, исследования Ю. С. Маслова [Маслов 2004], Г. А. Золотовой

[Золотова 2000], Е. В. Падучевой [Падучева 1996], В. Б. Кашкина [Кашкин 1991], М. Ю. Сидоровой [Сидорова 2000], В. В. Кашпур, Ю. В. Филь, А. А. Шаповал [Кашпур и др. 2013] и др. Однако в большинстве случаев речь идет либо о функци-

ях глаголов СВ и НСВ в целом, т. е. без учета их частных значений, либо о роли аориста и имперфекта, продвигающих и останавливающих повествование. Перфект в этом аспекте исследован меньше, его особые функции в тексте изучались, главным образом, на материале тех языков, в которых эти функции имеют формальные средства выражения [Кашкин 1991; Маслов 2004; Сидорова 2000 и др.]. Однако словоформы с перфектным значением, являясь многоплановым и синкретичным языковым явлением, обладают большим потенциалом с точки зрения выполнения различных текстовых функций, которые, по нашему мнению, требуют специального изучения. В связи с этим в данной статье решаются следующие основные задачи: 1) установить роль словоформ с перфектным значением в реализации текстовой категории когезии (связности) в художественном тексте на русском языке; 2) наметить пути анализа названной функции перфекта в художественном тексте на итальянском языке и в его русском переводе с учетом соответствия или несоответствия переводного текста тексту оригинала. В качестве материала для решения последней задачи использован театральный монолог А. Барикко «Новеченто» и его перевод на русский язык Н. Орешинной.

2. Специфика функционирования перфекта в тексте

Перфект, как неоднократно отмечалось многими исследователями, имеет особую – синкретичную – семантику, совмещающую в себе стальной и акциональный компоненты, более ранний и более поздний временные планы, а также отражающую причинно-следственные отношения между событиями и явлениями. Поэтому словоформы с перфектным значением могут выполнять в тексте одновременно несколько функций, а именно: 1) выступать как средство когезии в линейном развертывании текста; 2) выполнять сюжетно-событийные функции, т. е. обеспечивать регресс, прогресс, остановку повествования и др.; 3) играть важную роль в ориентации излагаемых событий по отношению к дейктическому центру (реальному или воображаемому). При этом важно подчеркнуть, что формы со значением перфекта не специализируются на выражении этих функций, а реализуют их во взаимодействии с другими языковыми средствами [Кашкин 1991; Сидорова 2000 и др.]. Следовательно, целесообразно говорить о текстовых функциях не только перфектных словоформ как таковых, но шире – о функциях перфектных ситуаций (о категориальных ситуациях см.: [Теория функциональной грамматики 1987]).

Под функциями когезии в лингвистике текста понимается участие словоформ в текстообразовании, т. е. их влияние на линейное развертывание текста. И. Р. Гальперин, определяя текст как целостное, завершённое речевое произведение, акцентирует внимание на важной его особенности – двойственности восприятия [Гальперин 1981: 18]. По мнению исследователя, существование текста одновременно подвижно и стабильно: с одной стороны, текст линейно разворачивается во времени в процессе прочтения, с другой – он воспринимается целостно, как завершённое произведение. Перемещение повествователя по временной оси подразумевает как наличие этой направленной оси (что обуславливает линейное развертывание текста), так и способность авторского сознания управлять движением по этой оси, оказаться в любой момент времени в любой ее точке (что показывает целостность восприятия текста) [там же: 15]. В реализации этих текстовых категорий активно участвуют глаголы в перфектном значении.

Особая роль перфекта в текстообразовании определяется спецификой его семантики: перфектные формы обладают синкретичным значением и способностью выражать в свернутом виде целую ситуацию, состоящую из разных стадий. Перфектный глагол способен быть «триггером» (пусковым механизмом) текстового фрагмента и служить **сигналом изменения линейности повествования** (обычно эта функция реализуется при вводе фрагментов, раскрывающих воспоминания персонажа или его рефлексии на ранее произошедшие события). Новое состояние, наступившее после совершения действия, требует описания, фиксации – и глагол в перфектном значении «стимулирует» такое описание.

Перфектный глагол может задавать направление последующим элементам текста (следующей предикативной части или следующим высказываниям в ССЦ) и предопределять их содержание. В этом случае перфект выполняет **проспективную** функцию, указывая на последующее восполнение недостающей информации. Например, после семантически недостаточных глаголов *рассказал, увидел, понял* в тексте раскрывается, что именно говорящий *рассказал, увидел или понял*. Нельзя не отметить особенность синтаксической валентности подобных глаголов – их способность вводить изъяснительную придаточную предикативную единицу.

Представим механизм реализации проспективной текстовой функции глагольной формы с перфектным значением: перфект фиксирует действие как уже произошедшее и приведшее к каким-либо последствиям, изменению положения дел, в то время как последующее повествование,

раскрывая содержание ситуации, реализует лексико-семантическую валентность глагола в перфектном значении.

В проспективной функции, как правило, выступают глаголы СВ, так как они отражают возникновение новой ситуации, чему соответствует начало нового ССЦ. В первую очередь это глаголы восприятия, в том числе и ментального (*увидел, заметил, вообразил, показалось, выяснилось, узнал* и др.), и глаголы речи (*рассказал, поведал, сообщил* и др.). Например, глагол *увидела* в приведенном ниже фрагменте уже включает в свое значение результат восприятия, но последующая предикативная часть (*как молодая Симка с синей чашкой в руках сидит*) представляет тот же самый результат не в динамике, а статично, раскрывая его содержание:

Ирина очень отчетливо вдруг увидела, как молодая Симка с синей чашкой в руках сидит перед жесткой белизной их семейного стола... А она, Ирочка, сидит под золоченым круглым столиком в углу комнаты и смотрит на странную гостью... (Л. Улицкая «Бронька»).

Аналогичную функцию в следующем контексте выполняет глагол **выплыл**:

Бог знает из какой глубины выплыл вдруг образ Маргаритинового одноклассника Миши, жестоко в нее влюбленного с первого класса и обивавшего ее порог еще в десятом, когда Маргарита была уже невестой Серго. Этому женоподобному тонкорукому скрипачу Серго не придавал тогда никакого значения... (Л. Улицкая «Чужие дети»).

В обоих фрагментах проспекцию изложения «запускают» глаголы в перфектном значении с семантикой зрительного восприятия, при этом во втором фрагменте в этом значении метафорически употреблен глагол движения *выплыл* (образ). Названные глаголы в силу специфики своего лексического значения выражают как сам акт восприятия, так и его результат, требующий конкретизации. Глаголы с другими лексическими значениями также способны выполнять проспективную текстообразующую функцию при условии наличия в их лексическом значении семы перфектности, маркирующей изменение того или иного состояния. Другими словами, в глагольной словоформе должна быть заложена в свернутом виде перфектная ситуация. Поэтому проспективную функцию могут выполнять и некоторые бытийно-локативные глаголы типа *оказался, остался*. Однако в том случае, если глагол не имеет семантики восприятия, требуются дополнительные «усилия» контекста, например, синтаксические показатели раскрытия микротемы, соотношения общего и частного, как в приведенных ниже фрагментах:

Лю Шуньфу и Сюй Сюйюн изобрели все: бумагу, шелк, компас, рисовые колобки и иероглифы, хотя по ним это совсем не было заметно (Т. Толстая); *Моя бабушка в Париже наловчилась не просто готовить, но мыслить французскими категориями. Например, она всегда делала майонез сама. Я тоже пробовала, но у меня не хватало ни терпения, ни тонкости* (Т. Толстая).

Анализ приведенных примеров позволяет заключить, что проспекция как специфическая функция глагольных словоформ лежит на пересечении двух явлений: во-первых, свойстве определенных лексем стимулировать последующий контекст к раскрытию их содержания и, во-вторых, нелинейности повествования. Следует подчеркнуть, что нелинейность повествования, о которой идет речь, или, иными словами, неравномерность выдачи информации адресату, связана именно с перфектностью: при нейтрализации перфектного значения, сближении его с аористическим данное свойство теряется, так как теряется смысловой акцент на результате действия и возникновении новой ситуации. Следовательно, важными факторами реализации данных функций глагольными словоформами являются так называемые актуализаторы перфектного значения – языковые средства контекста, окружающего глагольную словоформу, благодаря которым она воспринимается именно как единица с перфектным значением.

Кроме функции проспекции, словоформы с перфектным значением выполняют в художественном тексте функцию **ретроспекции изложения**, т. е. отсылки читательского восприятия к предыдущим фрагментам текста. При ретроспекции перфектный глагол целостно вводит ситуацию, которая в левом контексте уже была выражена другими средствами. Иногда глагол в перфектном значении указывает на завершающую стадию ситуации, развернутой в предшествующем фрагменте ССЦ, например:

Фокусник делал вид, что его совершенно не заботит происходящее с его реквизитом. При танцующая на месте, он придуривался – поворачивался к зрителям спиной, наклонялся и молотил себя ладонью по выпяченному заду, потом начинал свирепо тыкать в их сторону своей волшебной палочкой или воздевал вверх руки, словно призывая на их голову небесное воинство. <...> Некоторое время фокусник в красно-желтой маске был еще виден – он все приплясывал и махал своей палочкой. Потом он скрылся из виду (В. Пелевин «Пэ в пятой»).

Функция ретроспекции реализуется, как правило, в постпозиции – в конце ССЦ. В приведенном фрагменте глагол в перфектном значении в

составе устойчивого словосочетания *скрылся (из виду)* репрезентирует завершение ситуации в контексте всего высказывания *Потом он скрылся из виду*. Как видим, перфект выражает ретроспекцию наряду с лексическими средствами: повтором слов с семантикой зрительного восприятия и наречием *потом*, сигнализирующим о продолжении повествования. Таким образом, заключительное высказывание ССЦ указывает на то, что в левом контексте имело место описание того, как выглядел объект; и именно контраст глагола СВ в перфектном значении *скрылся из виду* с глаголами НСВ в имперфектном значении (*наклонялся, молотил, придуривался...*) играет важную роль в переключении внимания читателя с описания ситуации на результирующее обобщение.

При реализации ретроспекции важны такие аспекты, как переключение регистров (с репродуктивного на информативный) и выраженный дейксис. Для ретроспекции языковые средства, обеспечивающие связи между высказываниями внутри ССЦ, оказываются еще более значимыми, чем для проспекции, так как проспекцией вводится новая информация, развивающая микротему, а ретроспекцией уже развернутая микротема подводится к своему логическому завершению.

Важным фактором для реализации функции ретроспекции является лексическое значение глагола. В приведенной ниже иллюстрации глагол *наложился* самой лексической семантикой эксплицирует ситуацию, о которой шла речь ранее, см.:

*Вообще, оттенков мнений было много, но происходило со всеми одно и то же: когда без видимых причин свет гас, после короткой и безнадёжной борьбы с судорогами страха все впадали в оцепенение, а придя в себя (когда светила опять загорались), помнили очень мало. То же самое происходило и с Шестипалым, пока он жил в социуме, а сейчас ... страх перед наступившей тьмой **наложился** на равный ему по силе страх перед одиночеством.* В этом фрагменте можно увидеть переключение с репродуктивного речевого регистра на информативный, осуществляемое в том числе и за счет контраста видо-временных глагольных форм с имперфектным и перфектным значениями: *происходило, гас, впадали – **наложился***.

Единичный глагол в перфектном значении может располагаться в начале, в конце или в середине ССЦ. В препозиции он, как правило, выполняет проспективную функцию, в постпозиции – ретроспективную, а в интерпозиции – комбинированную проспективно-ретроспективную (перфект «концентрического» типа).

3. Композиционные функции словоформ с перфектным значением в художественных текстах на русском и итальянском языках

В рамках данной статьи нам представляется важным рассмотреть также композиционные функции словоформ с перфектным значением в тексте, переведенном на русский язык с итальянского языка.

Прежде всего следует отметить, что связанность перфекта с дейксисом, со сферой говорящего отмечается именно исследователями текстов на итальянском языке. (Ср. суждение К. Ласорса: «Сущность развития перфекта – отношение к моменту речи через три координаты: я, здесь, сейчас. Начальная точка этого развития – описательные обороты классического латинского языка типа *librum scriptum habeo*» [Ласорса 1998].)

Так как для итальянского перфекта характерна ориентированность на сферу говорящего, актуализаторами перфектной формы часто являются личные и указательные местоимения и местоименные наречия (показатели дейксиса). Помимо этого, перфектные формы не ограничиваются синкретизмом темпоральных планов и регулярно используются с целью введения дополнительного модального плана. Значимой особенностью итальянского перфекта, по нашему мнению, является то, что временная двуплановость перфекта в итальянских текстах (и в унаследовавших эти закономерности их русских переводах) часто сопрягается с модальной двуплановостью. Это свойство перфектных ситуаций наблюдается прежде всего в тех эпизодах, где перед автором стоит задача столкновения, сопоставления разных уровней или способов восприятия одного и того же события. В подобных контекстах часто в центре внимания оказывается именно перфектная словоформа как ядро микроситуации, причем чаще всего это перфект концентрического композиционного типа, отсылающий адресата как к предыдущему, так и к последующему фрагментам ССЦ. Приведем два примера, которые демонстрируют проспективно-ретроспективную функцию перфекта:

(1) *Мсье Парден, шеф-повар, прибывший прямо из Парижа, куда он, впрочем, сразу же и **вернулся**, после того, как лично **обнаружил** забавное обстоятельство, что не видит на этом корабле кухни, как пронизательно **подметил**, среди остальных, Мсье Камамбер, каюта 12, он сегодня жаловался, что **обнаружил** умывальник, наполненный майонезом, вещь странная, так как обычно в рукомойниках мы **держим** нарезки, это из-за отсутствия кухни, обстоятельство, которому приписывается среди прочего отсутствие на этом корабле настоящего повара, ко-*

торым бесспорно являлся мсье Парден, быстро вернувшийся в Париж, из коего непосредственно и **прибыл** в напрасной надежде найти здесь кухню...

*Monsieur Pardin, lo chef, direttamente proveniva da Parigi, dove peraltro e` subito **tornato** dopo **aver verificato** di persona la curiosa circostanza che vede questa nave priva di cucine, come **ha argutamente notato**, tra gli altri, monsieur Camembert, cabina 12 che oggi **si e` lamentato per aver trovato** il lavabo pieno di maionese, cosa strana, perche` di solito nei lavabi teniamo gli affettati, questo per via dell'inesistenza delle cucine, cosa, a cui va attribuita tra l'altro l'assenza su questa nave di un veru cuoco, quale certamente era monsieur Pardin, subito tornato a Parigi da cui proveniva direttamente, nell'illusione di trovare qui, sopra, delle cucine...*

(2) Но если ты / Но если я встану на этом трапе, и передо мною вдруг развернутся миллионы клавиш, миллионы клавиш и миллиарды, которые будут всегда бесконечны и это – самая горькая правда, они не кончатся никогда, все эти клавиши бесконечны / И если клавиши бесконечны, то для них нет музыки в мире.

Ты сел играть не на ту скамейку: на этом пиано играет Бог / Мой бог, ты видел эти дороги? Одних дорог там несколько тысяч, как вы умудряетесь выбрать одну?

Ma se tu / Se io salgo su questa scaletta, e davanti a me si srotola una tastiera di milioni di tasti, milioni e miliardi / Milioni e miliardi di tasti, che non finiscono mai e quella tastiera e` infinita / se quella tastiera e` infinita, allora / Su quella tastiera non c'è musica che puoi suonare.

Ti sei seduto su un seggiolino sbagliato: quello e` il pianoforte su cui suona Dio / Cristo, ma le vedevi le strade? Anche solo le strade, ce n'era a migliaia, come fate voi laggiu` a scieglierne una?

Приведенные примеры показывают, насколько разнообразной может быть функция когезии у перфекта при разных временных и модальных характеристиках. Так, композиция **первого** фрагмента построена на лексических и семантических повторах нескольких глаголов в перфектном значении (*вернулся, прибыл, обнаружил, подметил – e` tornato, aver verificato, ha notato, aver trovato*), как бы «закольцована» ими. Повествование движется по замкнутому кругу: речь идет об одном событии, но поданном с разных точек зрения. В этом фрагменте представлено довольно сложное взаимодействие ретроспективно-проспективных и модальных функций перфекта.

Первый перфект *вернулся* – ретроспективный в текстовом плане, но проспективный в содержательном (*вернулся после того, как обнаружил...*), при этом в его лексическом значении содержится сема ретроспекции. Глагол *обнаружил*, напро-

тив, выполняет функцию текстовой проспекции, но содержательной ретроспекции. Дальнейшие, повторные, употребления этих глаголов усиливают идею круговорота, возвращения, так как к содержательному и собственно текстовому уровню функционирования подключается еще и метатекстовый уровень: каждое новое употребление этих глаголов отсылает нас к предыдущим.

Если сами глагольные перфектные словоформы выполняют ретроспективно-проспективные функции, то комплекс перфектных актуализаторов «работает» в сфере выражения модальных значений (и даже шире – в сфере выражения модусных категорий). Анализируемый текстовый фрагмент насыщен показателями авторизации и субъективной оценки (выраженными придаточными предикативными единицами, вводными конструкциями, а также наречием-обстоятельством: *как он пронизательно заметил; вещь странная, так как обычно...; бесспорно; впрочем*). При этом данные языковые средства сопрягаются в одном контексте с перфектными формами, что обуславливает двухуровневое восприятие фрагмента. С одной стороны, событие мыслится как произошедшее в действительности в определенный момент времени (собственно содержательный, «референтно-денотативный» уровень). С другой стороны, это же событие отражается в сознании повествователя и других героев, подвергается рефлексии, сопоставлению с положением дел в другое время (*обычно...*), оценке (*вещь странная*) – эти явления образуют интерпретационный, «сигнификативный» уровень текста.

Второй фрагмент показывает еще одну распространенную функцию перфекта – «метонимизацию», художественное обобщение. Здесь перфект выступает в функции связи обобщенной ситуации с ее конкретным воплощением (или обобщения конкретной ситуации). Характерно, что с композиционной точки зрения этот перфект является концентрическим, т. е. ретроспективным по отношению к предыдущему фрагменту и проспективным по отношению к последующему; он совмещает в себе признаки «запускающего» и «обобщающего» перфекта.

4. Выводы

Анализ речевого материала позволяет прийти к следующим выводам:

1. Словоформы с перфектным значением и перфектные ситуации играют важную роль в реализации текстовой категории когезии как в оригинальном русском тексте, так и в тексте, переведенном на русский язык с итальянского языка. В обоих языках перфект является элементом, связывающим воедино разные текстовые фраг-

менты и задающим линейное направление восприятия читателем сюжета произведения. Это свойство перфектного глагола базируется на особой природе семантики перфекта: синкретичной, всегда характеризующейся двуплановостью, сопоставительностью, интерпретационностью, более высокой степенью обобщения по сравнению с другими глагольными частнограмматическими значениями.

2. В переведенном с итальянского оригинала тексте (как и в оригинальном русском тексте, но, пожалуй, с еще большей интенсивностью) перфектные ситуации выступают в контекстах, где требуется выразить сопоставление различных этапов или аспектов определенной ситуации, восприятие динамики ситуации говорящим, его субъективную оценку. При этом роль перфектности как таковой заключается в фиксации важного изменения позиции / восприятия говорящего и в формировании информативного речевого регистра, а также в фиксации обобщений на разных уровнях, самого факта субъективной интерпретации того или иного события, в то время как конкретные модальные смыслы передаются периферийными элементами перфектной ситуации – контекстными актуализаторами перфектного значения.

3. Большая значимость дейктических элементов при реализации перфектных ситуаций в итальянском тексте накладывает отпечаток на его русский перевод, и мы можем видеть в переводном тексте некоторые особенности итальянской перфектной ситуации, переданные в русском тексте языковыми средствами, актуализирующими перфектное значение и связь перфектной ситуации с дейктическим центром.

4. Показательной чертой текста, переведенного с итальянского языка на русский, является более интенсивное употребление перфекта в ретроспективной функции – отсылки читательского внимания к более раннему текстовому фрагменту с целью его обобщения. Данное свойство итальянского перфекта базируется на его повышенной дейктической ориентированности: в итальянском тексте достаточно часто при перфектных глаголах употребляются дейктические местоимения, актуализирующие именно ретроспективные связи.

5. При реализации ретроспекции оказываются важными такие аспекты изложения, как переключение регистров (с репродуктивного на информативный) и выраженный дейксис. При этом для ретроспекции языковые средства, обеспечивающие связи между высказываниями внутри ССЦ, оказываются еще более значимыми, чем для проспекции, так как при проспекции в раскрывающейся части вводится новая информация,

развивающая микротему, а при ретроспекции уже развернутая микротема подводится к своему логическому завершению.

В целом, в тексте на русском языке активнее работают проспективные связи, поскольку в русском языке перфектность сама по себе больше связана с лексическим значением глагола, чем с формальными показателями. Для текстов на итальянском языке более характерна комбинированная проспективно-ретроспективная функция перфектных словоформ, так как специфика итальянского синтаксиса, а именно активное использование дейктических элементов, работает на актуализацию ретроспективных связей.

Список источников

- Varicco A.* Novecento (1900). Giangiacomo Feltrinelli Editore Milano, 1994. 84 p.
Барикко А. Новеченто (1900-й. Легенда о пианисте). М.: Азбука, 2001. 70 с.
Пелевин В. О. Generation P. М.: Вагриус, 1999. 336 с.
Пелевин В. О. Все повести и эссе. М.: Эксмо, 2005. 416 с.
Толстая Т. Н. Река Оккервиль. М.: Эксмо, 2005. 464 с.
Улицкая Л. Е. Рассказы. М.: Эксмо, 2009. 480 с.

Список литературы

- Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М.: Языки слав. культуры, 2002. 736 с.
Воейкова М. Д. Вариативность морфологических характеристик предиката в вопросно-ответных единствах (на материале русского языка) // Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб.: Наука, 2000. С. 281–299.
Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 148 с.
Дьмарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 281 с.
Золотова Г. А. Категория времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 8–29.
Ильенко С. Г. Текстовая реализация и текстообразующая функция синтаксических единиц // Ильенко С. Г. Русистика: Избранные труды. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. С. 359–375.
Кашкин В. Б. Функциональная типология перфекта. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 128 с.
Кашиур В. В., Филь Ю. В., Шаповал А. А. Актуальные характеристики русского и английского глагола в языке и тексте (на материале по-

вести М. А. Булгакова «Собачьё сердце» и его переводов) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 377. С. 22–29.

Ласорса Съедина К. Конвергенции и расхождения в эволюции современного русского и итальянского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. III Междунар. конгресса исследователей русского языка (МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. факультет, 20–23 марта 2007 г.). URL: <https://www.philol.msu.ru/~rlc2007/abstracts/?sectionid=14> (дата обращения: 10.02.2020).

Маслов Ю. С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки слав. культуры, 2004. 840 с.

Маслов Ю. С. Перфектность // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 195–209.

Мисайлова Т. И. Дейксис как актуализация компонентов речевой ситуации и денотативного содержания в повествовательном и описательном художественных текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2005. 23 с.

Падучева Е. В. Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 465 с.

Пунынин Ю. А. Семантика перфектности и дейксис (на материале русского языка) // Теоретические проблемы функциональной грамматики: материалы Всерос. науч. конф. (Санкт-Петербург, 26–28 сентября 2001 г.). СПб.: Наука, 2001. С. 55.

Сидорова М. Ю. Функциональная амбивалентность видо-временных форм в поэтическом тексте // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2000. № 1. С. 95–110.

Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. 352 с.

Anderson Lloyd B. The «perfect» as a universal and as a language-particular category // P. J. Hopper (ed.). Tense-aspect: Between semantics and pragmatics. Amsterdam: Benjamins, 1982. P. 227–264.

Squartini M., Bertinotto P. M. The Simple and Compound Past in Romance languages // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 403–439.

References

Bondarko A. V. *Teoriya znacheniya v sisteme funkcional'noy grammatiki: Na materiale russkogo yazyka* [Theory of meaning in the system of functional grammar. A case of study of the Russian Language]. Moscow, LRC Publishers Publ., 2002. 736 p. (In Russ.)

Voeykova M. D. Variativnost' morfologicheskikh kharakteristik predikata v voprosotvetnykh edinstvakh (na materiale russkogo yazyka) [The variability of morphological characteristics of the predicate in question-and-answer unity (a case study of the Russian language)]. *Problemy funkcional'noy grammatiki. Kategorii morfologii i sintaksisa v vyskazyvanii* [The issues of functional grammar. The categories of morphology and syntax in a statement]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000, pp. 281–299. (In Russ.)

Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 148 p. (In Russ.)

Dymarskiy M. Ya. *Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyy tekst* [The issues of text formation and literary text]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 1999. 281 p. (In Russ.)

Zolotova G. A. *Kategoriya vremeni i vida s tochki zreniya teksta* [The categories of tense and aspect from the point of view of text]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], 2002, issue 3, pp. 8–29. (In Russ.)

Il'enko S. G. *Tekstovaya realizatsiya i tekstoobrazuyushchaya funktsiya sintaksicheskikh edinit* [Text implementation and text-forming function of syntactic units]. S. G. Il'enko. *Rusistika: Izbrannye trudy* [S. G. Ilyenko. Russian studies. Selected works]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2003, pp. 359–375. (In Russ.)

Kashkin V. B. *Funktsional'naya tipologiya perfekta* [The functional typology of the perfect]. Voronezh, Voronezh State University Press, 1991. 128 p. (In Russ.)

Kashpur V. V., Fil' Yu. V., Shapoval A. A. *Aspektual'nye kharakteristiki russkogo i angliiskogo glagola v yazyke i tekste (na materiale povesti M. A. Bulgakova 'Sobach'e serdtse' i ego perevodov)* [Aspects of Russian and English verb in language and text (by example of M. A. Bulgakov's The Heart of a Dog and its translations)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2013, issue 377, pp. 22–29. (In Russ.)

Lasorsa S'edina K. *Konvergentsii i raskhozhdeniya v evolyutsii sovremennogo russkogo i ital'yanskogo yazyka* [Convergences and discrepancies in the evolution of the modern Russian and Italian languages]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'* [Russian language: its historical destinies and the present time]. *Trudy III Mezhdunarodnogo kongressa issledovateley russkogo yazyka* [Proceedings of the 3rd International Congress of Russian language researchers]. Available at: <https://www.philol.msu.ru/~rlc2007/abstracts/?sectionid=14> (accessed 10.02.2020). (In Russ.)

Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy. Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected works. Aspectology. General linguistics]. Moscow, LRC Publishers Publ., 2004. 840 p. (In Russ.)

Maslov Yu. S. Perfektnost' [The perfect aspect]. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [The theory of functional grammar. Introduction. Aspects. Temporal localization. Taxis]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, pp. 195–209. (In Russ.)

Misaylova T. I. *Deiksis kak aktualizatsiya komponentov rechevoy situatsii i denotativnogo sodержaniya v povestvovatel'nom i opisatel'nom khudozhestvennykh tekstakh*. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Deixis as actualization of components of a speech situation and denotative content in narrative and descriptive literary texts. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Ulan-Ude, 2005. 23 p. (In Russ.)

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya: Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa* [Semantic research: Semantics of tense and aspect in the Russian language. Semantics of the narrative]. Moscow, LRC Publishers Publ., 1996. 465 p. (In Russ.)

Pupynin Yu. A. *Semantika perfektnosti i deiksis (na materiale russkogo yazyka)* [Semantics of the

perfect and deixis]. *Teoreticheskie problemy funktsional'noy grammatiki: Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Sankt-Peterburg, 26–28 sentyabrya 2001 g.)* [Theoretical issues of functional grammar. Proceedings of the all-Russian scientific conference (St. Petersburg, September 26–28, 2001)], St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, p. 55. (In Russ.)

Sidorova M. Yu. *Funktsional'naya ambivalentnost' vido-vremennykh form v poeticheskom tekste* [Functional ambivalence of aspect-tense forms in poetic text]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Philology Bulletin], 2000, issue 1, pp. 95–110. (In Russ.)

Teoriya funktsional'noy grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost', Vremennaya lokalizovannost'. Taksis [The theory of functional grammar. Introduction. Aspects. Temporal localization. Taxis]. Leningrad, 1987. 352 p. (In Russ.)

Anderson Lloyd B. The 'perfect' as a universal and as a language-particular category. *Tense-aspect: Between semantics and pragmatics*. Amsterdam, Benjamins, 1982, pp. 227–264. (In Eng.)

Squartini M., Bertinetto P. M. The simple and compound past in Romance languages. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin, Mouton de Gruyter, 2000, pp. 403–439. (In Eng.)

PERFECT VERB FORMS AS A MEANS OF COHESION IN RUSSIAN AND ITALIAN LITERARY TEXTS

Ekaterina E. Dymont

Teaching Methods Specialist

Education Center 'Coalition'

6, Khamovnicheskii val st., Moscow, 119270, Russian Federation. katiad@mail.ru

SPIN-code: 2856-4850

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4588-6602>

Submitted 03.02.2020

The article analyzes the functioning of verb forms with perfect semantics in literary texts written in Russian and Italian (in a comparative aspect). The material for the study included the theatrical monologue by Alessandro Baricco *Novocento* and its translation into the Russian language by Natalia Oreshina, as well as works by contemporary Russian writers (L. Ulitskaya, V. Pelevin, etc.). The focus is on the compositional functions of word forms with perfect meaning (the influence of these word forms on the linear unfolding of the text), based on the semantic duality of the perfect. Due to this property, word forms with perfect meaning can perform a variety of binding functions in a text, namely: act as a means of cohesion in the linear unfolding of the text; perform plot functions, i.e. provide regression, progress, stop the narration, etc.; play an important role in the orientation of the events described in relation to the deictic center (real or imaginary), and others. According to the researcher, perfect word forms have a great potential in terms of implementing various text categories. The key idea of the article is to highlight special, text-forming functions of the perfect form (both in Russian and Italian). Since the property of the perfect to influence the linearity of perception of a text and to link text fragments is based on the nature of the perfect semantics, this type of function is characteristic not only of Russian verbs in the perfect sense, but also of the perfect form in other languages, that is, it is a kind of language frequentia. The paper identifies the conditions and criteria that contribute to the implementation of these functions in Russian and Italian, in particular, the syncretic nature of the perfect semantics, the position of the considered word forms in the paragraph, as well as their interaction with other elements of context.

Key words: perfect; perfect meaning; text categories; text formation; cohesion; prospection; retropection; deixis; text functions.

УДК 811.111–112

doi 10.17072/2073-6681-2020-1-24-33

ДЕНДИ В ЛИТЕРАТУРЕ: ОПЫТ АНАЛИЗА ЯЗЫКА ЛИТЕРАТУРЫ О ДЕНДИ

Екатерина Борисовна Коломейцева**к. филол. н., доцент кафедры русского языка № 1****Первый Санкт-Петербургский государственный****медицинский университет им. академика И. П. Павлова**197022, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, 6–8. tillyriddle@yandex.ru

SPIN-код: 7591-1171

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0224-2965>

Статья поступила в редакцию 27.03.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:*Коломейцева Е. Б. Денди в литературе: опыт анализа языка литературы о денди // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 24–33. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-24-33***Please cite this article in English as:***Kolomeytseva E. B. Dendi v literature: opyt analiza yazyka literatury o dendi [The Dandy in Literature: Analyzing the Language of the Literature of Dandyism]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 1, pp. 24–33. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-24-33 (In Russ.)*

Предпринимается попытка рассмотрения дендистской литературы как отдельного направления художественной литературы. Исходя из того, что денди выделяются как особая социальная субкультура, связанная не только с модой, автор делает предположение о наличии в литературе о денди и написанной денди специфических особенностей речи. Оно выдвинуто на основе исследований Д. Шеффера, который подчеркивал, что денди активно изучали античную риторику и пользовались методами софистики. Сначала нами были выделены и сгруппированы присущие этой литературе особенности на разных языковых уровнях. Кроме того, дендистское транслирование «искусственной женственности» (термин Пенсона) определило необходимость акцентировать также особенности построения гендера лингвистическими средствами. Цель статьи – доказать, что дендистская литература имеет основания рассматриваться как особое направление. Учитывая ее ключевые особенности, исследователь счел целесообразным сосредоточить внимание отдельно на языке автора и языке героя произведения. Для лингвистического анализа берутся три произведения, написанные на разных языках: «Крылья» М. Кузмина, “The Portrait of Dorian Gray” О. Уайльда, “A Rebours” Ж. К. Гюйсманса. Они представляются наиболее репрезентативными для обозначенной цели статьи, так как написаны авторами-денди о героях-денди. В результате выясняется, что речевой портрет героя-денди мужского пола не всегда соответствует гендерным особенностям конструирования его речи, поскольку феминность и андрогинность преобладают над маскулинностью. Выделяется широкий спектр используемых лексических средств, что определяется как одна из специфических черт языка дендистской литературы. Язык авторов произведений, по результатам анализа, немногим отличается от языка героев-денди, но в диалогах последних чаще замечено проявление «дендистского перформатива».

Ключевые слова: художественная литература; лингвистический анализ; дендизм; гендерная лингвистика; нарратор; речевой портрет.

Дендизм зачастую ошибочно воспринимается общественным сознанием как некий экстремальный выверт моды, тогда как его следует воспринимать как особый путь проявления художественного сознания. Это не только и не столько

мода сама по себе, сколько личный стиль, образ выбравшего его лица, «спиритуализация тела, материализация духа», спрещатура и кэмп [Шиффер 2011: 28; Болон 2013: 204]. Помимо моды и самоподачи, денди зачастую склонны

проявлять себя и в литературе, а иногда и в философии. Таким образом, неправомерно сводить дендизм к одному аспекту, что отмечают, например, Е. Моонг в своей статье об истоках дендизма или Д. Керр в диссертации о дендизме [Moong; Kerr 2015: 12]. Последняя замечает, что денди не может быть сведен к «двумерной бумажной кукле-щеголоу» [Kerr 2015: 14].

Приведем цитату исследователя дендизма О. Вайнштейн: «Филологические методы оказываются особенно полезными, если вдобавок вспомнить о литературной родословной дендизма» [Вайнштейн 2000]. Известно, что многие писатели были денди в жизни: Байрон, Бульвер-Литтон и Оскар Уайльд в Англии; Пушкин и Лермонтов в России; Стендаль, Бальзак, Барбе д'Оревилю, Шарль Бодлер, Гюисманс, Марсель Пруст во Франции. Они изображали героев-денди в своих романах (классика жанра – роман «Наоборот» Гюисманса и роман «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда); сочиняли теоретические трактаты о дендизме (особенно отличились на этом поприще Бальзак, Барбе д'Оревилю и Бодлер) и, наконец, сами любили блеснуть импозантными туалетами. И оттого желающим разобраться в дендизме практически невозможно обойтись без литературных материалов. Таким образом, резонно предположить, что и в литературных трудах дендизм как общественное явление должен выразить себя тем или иным способом.

На основе трудов таких исследователей денди и дендизма, как Д. Шиффер, О. Вайнштейн, А. Скуратовская, Ж-К. Пенсон, П. Болон, трудов по истории моды Р. Барта, а также исследований Ю. Лотмана и других, удастся выявить несколько возможных критериев рассмотрения литературы, написанной денди о денди. Следует заметить, что денди являются наследниками античности в их максималистском следовании принципам калокагатии [Скуратовская 2001: 81; Барт 2003: 201]. Денди стремились к максимальному контролю над телом и духом, а потому не чурались и принципов античной риторики. Как указывает Д. Шиффер в своем исследовании, денди XVIII в. придерживались риторических принципов софистики, что позволяло «подчинить себе язык» [Шиффер 2011: 103–105]. Среди средств языка, популярных у денди, заимствованных из античной риторики, указаны «парадокс, афоризм, эпиграмма, максимы, формулы, эллипсисы, литоты, метафоры, эвфемизмы, оксюмороны, противоречия, переворачивание мнения, инверсия перспективы, чувство абсурда, использование провокации, искусство беседы, импровизация, юмор, осмеяние, цинизм, сарказм, ирония, иногда наглость» [Шиффер 2011: 198–199]. Тем

не менее, если взять перечисленные пункты за отправную точку исследований, то описание речи денди в некоторых аспектах мало чем будет отличаться от продуманной и выстроенной речи опытного ритора. Кроме того, данные характеристики применимы и к речи героев произведений, в таком случае можно ли оценить особенности нарратива автора-денди? Ю. Лотман отмечал «позу разочарованности и пресыщенности» [Лотман 1970: 200], которая также может проявлять себя, а еще можно говорить об излишней экзальтации или же, наоборот, полной холодности дендистской речи.

На основе анализа соответствующей литературы автор данной статьи выделил некоторые особенности построения речи, которые могли бы характеризовать литературу, написанную авторами дендистского круга. Эти особенности, в свою очередь, можно подразделить на те, что применимы как к прямой речи героя-денди, так и к авторскому нарративу в тексте. Характеристики нарратива и прямой речи героя могут перекрываться (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Особенности построения речи
в дендистской литературе
Peculiarities of Speech Construction
in the Literature of Dandyism**

Нарратив автора-денди	Прямая речь героя-денди
Использование иронии, острот, парадоксов, афоризмов, эпиграмм, максим, эллипсисов, литот, метафор, эвфемизмов, оксюморонов, катахрез	Использование иронии, острот, парадоксов, афоризмов, эпиграмм, максим, эллипсисов, литот, метафор, эвфемизмов, оксюморонов, катахрез
Наличие стихломифий	Лаконизм
Излишняя экзальтация или, наоборот, полное отсутствие эмоционального компонента в речи. При экзальтации: множественные междометия, эмотивы	Излишняя экзальтация или, наоборот, полное отсутствие эмоционального компонента в речи. При экзальтации: множественные междометия, эмотивы
–	Использование вкрапленный или цитат
Использование сложных оттенков цвета в описаниях одежды, интерьера, произведений искусства, сравнений	Использование сравнений в описании

Кроме перечисленных в таблице особенностей, можно обратиться и к другим. Представляется, что при анализе дендистской литературы необходим и лингвистический анализ проявления гендера. Денди не чурались женственности в

поведении, этот аспект может оказывать влияние на речевые особенности репрезентации образа. Денди являются репрезентаторами «искусственной женственности» [Penson 1995: 206].

Под «гендером» мы будем понимать далее «отражение социокультурного аспекта половой принадлежности человека» [Янчук 2003: 227]. Согласно исследованиям С. Бем, Ф. Воежели и Г. А. Пушкарь, гендер может проявляться в следующем виде: маскулинный гендер, феминный, андрогинный и аннигилированный [Бем 2004: 98–100; Пушкарь 2007: 45; Voegeli 2005: 5–10]. По мнению И. Г. Серовой, «маскулинность», мужское начало, должна проявляться через следующие характеристики: агрессивность, брутальность, мощь, крепость, грубость, сила, демонстрация волевого компонента, уверенность, независимость, сексуальная мощь, решительность, надменность, настойчивость [Серова 2011: 142]. Не все из перечисленных характеристик свойственны денди. Исходя из культурологических описаний дендизма, можно сделать вывод, что в дендистской литературе должен преобладать либо андрогинный, либо феминный гендерный тип, тогда как маскулинность или нарочитое стирание любых намеков на гендер находятся за рамками дендизма. Это культурологическое заключение необходимо подкрепить лингвистически. Отдельные исследователи выделяют два уровня репрезентации гендерных особенностей в лингвистике: системно-языковой уровень и реализацию гендера в речевом поведении [Богачева 2008: 44; Витлицкая 2005: 102–106]. В первом случае это выбор слов женского / мужского рода, использование залога и т. п., а во втором – конкретный набор гендерных особенностей для женского и мужского типов поведения. Для мужской речи в целом характерен выбор коммуникативных стратегий, нацеленных на успех в целях коммуникации, использование профессионализмов, терминологической лексики, динамичность, меньшая эмоциональность. Для женской речи – большая «предметность», т. е. описание чего-то, что в данный момент происходит, пассивность, эмоциональность, использование инвектив, ирония и самоирония, обилие диалогов, цитат, аллюзий [Воробьева 2015: 161–163; Кирилина, Томская 2005; Прима 2009: 37] (см. табл. 2).

Далее было выбрано несколько текстов авторов-денди и они были проанализированы по заданным критериям. Для этой цели вполне репрезентативными, на наш взгляд, являются следующие произведения: «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда, «Наоборот» Ж. Гюйсманса и «Крылья» М. Кузмина.

Таблица 2 / Table 2

**Гендерные особенности речи
Gender Peculiarities of Speech**

Гендерные особенности речи, свойственные женщинам	Гендерные особенности речи, свойственные мужчинам
Пассивные формы глагола, оценочные прилагательные, усилительные наречия или формы «наречие + наречие», гиперболизированная вежливость, гиперкорректная грамматика, консервативность в выборе форм, обилие сложных предложений. Использование гипербол, литот, метафор и т. п., парцелляции, аллюзий, цитат. Обилие диалогов. Использование компонентов с «положительной» коннотацией	Активные формы глагола, меньшая эмоциональность (как следствие, меньше оценочных прилагательных или прилагательных в сравнительной и превосходной степени, усилительных наречий), простые предложения. Монологическая речь с преобладанием абстрактных существительных. Использование терминов, профессионализмов, компонентов с «отрицательной» коннотацией, отрицательных структур

О. Уайльд традиционно считается ярким представителем культуры дендизма, именно поэтому его роман и включен в подборку. Роман «Портрет Дориана Грея» представляется вполне обоснованным выбором, так же, как и французский роман «Наоборот», автор которого был привержен дендизму как к эстетике самовыражения, к философской традиции. В русской литературе труднее найти столь же яркое и репрезентативно очевидное произведение: для А. С. Пушкина дендизм был игрой, очарованием Запада; А. Блок или имажинисты увлекались им не так долго, чтобы оставить программные дендистские произведения.

Таким образом, для целей анализа художественных особенностей выбран денди серебряного века Михаил Кузмин, заслуживший репутацию «короля эстетов». Для анализа предпочтительным оказалось его прозаическое произведение «Крылья», поскольку там имеется и нарратив автора, и прямая речь героя. Главные герои также являются денди. С позиций гендерной дифференциации отметим некоторую женственность и пассивность главного персонажа – Вани. Та же пассивность ощущается и в авторском нарративе. Уже в первом предложении читатель сталкивается с выраженными феминными особенностями повествования: *«В несколько опустевшем под утро вагоне становилось все светлее; через затопевшие окна можно было видеть почти ядовито-яркую, несмотря на конец августа, зелень травы, размокшие дороги, тележки молочниц перед закрытым шламбаумом, будки сторожей,*

гуляющих дачниц под цветными зонтиками» (Кузьмин 1906). Приведено распространенное предложение с безличной глагольной конструкцией и с преобладанием эпитетов-прилагательных, которое исследователями (С. Ю. Воробьевой, А. Кирилиной, А. М. Прима и др.) оценивается как феминная особенность. Возьмем также целый абзац с описанием героя, чтобы это проиллюстрировать: «*Рассматривая в небольшое зеркало на стене свое отражение, он безучастно смотрел на несколько незначительное круглое лицо с румянцем, большие серые глаза, красивый, но еще детски припухлый рот и светлые волосы, которые, не остриженные коротко, слегка кудрявились. Ему ни нравился, ни не нравился этот высокий и тонкий мальчик в черной блузе с тонкими бровями. За окном виднелся двор с мокрыми плитами, окна противоположного флигеля, разносчики со спичками. Был праздник, и все еще спали. Вставши рано по привычке, Ваня сел к окну дожидаться чая, слушая звон ближайшей церкви и шорох прислуги, убравшей соседнюю комнату. Он вспомнил праздничные утра там, “дома”, в старом уездном городке, их чистые комнатки с кисейными занавесками и лампадами, обедню, пирог за обедом, все простое, светлое и милое, и ему стало скучно от дождливой погоды, шарманок на дворах, газет за утренним чаем, сумбурной и неуютной жизни, темных комнат» (там же).*

С одной стороны, феминность подчеркнута множественными оценочными прилагательными и наречиями-«интенсификаторами» (*слегка кудрявились, несколько незначительное*), явной эмоциональностью отрывка и параллельными конструкциями, перечислением. С другой стороны, здесь присутствует двойное отрицание «ни..., ни...», повтор прилагательного «тонкий» в одном предложении, как будто автору не хватило лексических средств для описания, что характерно для маскулинности, как она понимается, например, у Ф. Воегели [Voegeli 2005: 5–10], когда мужчины выбирают более лаконичные средства описания. Такие литературные описания психологического состояния, конечно, характерны и для недендистских авторов, однако в дендистской литературе они могут превалировать, заменять собой внешние события повествования. (Отметим, что можно рассматривать особенности любой авторской манеры описания как маскулинные / феминные, это не прерогатива одной лишь дендистской литературы.) Во всем произведении при анализе ощущается двойственность позиции героя и автора-рассказчика: феминно-маскулинной.

Таким образом, с точки зрения проявлений гендерных особенностей текст скорее андрогин-

ный, так как присутствуют и мужские, и женские компоненты («женская сторона»: оценочные прилагательные, наречия, эмоциональность, большое количество сложных предложений, пассивный залог, использование цитат, обилие диалогов, «статуарность», нежели динамизм; «мужская сторона»: четкое выражение позиции героя (а именно: Лариона Штруппа), наличие разбросанных по тексту отрицательных структур или компонентов с отрицательной коннотацией, вульгаризмов, например, «*Да пусть же меня, противная баба!*» (Кузьмин 1906), однако в применении к главному герою феминность выражает себя наиболее полно.

Рассмотрим также, как проявляют себя дендистские мотивы и негендерные особенности в ткани текста. У нарратора присутствует большое количество сложных описаний предметов или обстановки, как то: «*...вводя Ваню в большую квадратную голубоватую комнату с белыми занавесками и пологом у кровати посередине; голубоватые стены с гравюрами святых и мадонны «доброе совета», простой стол, полка с книгами наставительного содержания, на комод под стеклянным колпаком восковая крашеная, одетая в шитый из материи костюм enfant de choeii кукла св. Луиджи Гонзага, кропильница со святой водой у двери – придавали комнате характер кельи, и только пианино у балконной двери и туалетный стол у окна мешали полноте сходства» (Кузьмин 1906).* Здесь есть и иноязычные вкрапления. При анализе дендистской литературы у всех авторов были замечены цитаты или вкрапления из латинского или французского языка (у Гюйсманса – из латыни), а также развернутые описания-сравнения. Безусловно, многие авторы используют иноязычные вкрапления, но в дендистской речи важна функция, которую они выполняют в тексте. Если, к примеру, у Л. Н. Толстого им отводится информативно-детализирующая функция, в той или иной степени они метафоризируют повествование (оторванность русского дворянства от их исконной культуры, показанная через язык и манеры), то у М. Кузьмина, Ш. Гюйсманса и О. Уайльда вкрапления выполняют бóльший набор функций. Это и аттрактивно-экспрессивная, и эмотивная, и отграничительная, и детализирующая (в том числе и декорирующая) функции, иногда интертекстуальная, функция речевой индивидуализации (в частности, граф Дез Эссент, герой романа Гюйсманса, активно использует в речи цитаты из латинских молитв и французские фразы) [Коломейцева 2016: 120–159].

Повышенная эмоциональность нарратива достигается путем употребления наречий степени, качества, прилагательных с оценочной семанти-

кой (к примеру, «...вспухший оклизлый труп с бесформенным уже лицом, голый, в одних сапогах, отвратительный и страшный...», «...две дамы в черных, но кричащих платьях...» (Кузьмин 1906), использованием ментальных предикативов («он вообразил, ему казалось, он думал» (там же) и т. п.), метафор, конструкций, начинающихся с «как...» («Как он любил эту зеленоватую просторную комнату, оглашаемую звуками Рамо и Дебюсси, и этих друзей Штрупа...» (там же). Заметим, что повышенная эмоциональность – также феминная особенность речи. Интересны приемы рассказчика и при смене повествовательных тем.

В речи героев отмечаются цитаты («И люди увидели, что всякая Красота, всякая любовь – от богов, и стали свободны и смелы, и у них выросли крылья»), афористичные высказывания («Если делать то, что доставляет удовольствие, значит, быть добрым, то я – такой», «Мы – эллины, любовники прекрасного, вакханты грядущей жизни», «Аскетизм – это, в сущности, наиболее противоестественное явление, и целомудрие некоторых животных – чистейший вымысел» (Кузьмин 1906) – нарочитая провокация). В речи героев-денди есть множественные описания с параллельными конструкциями и сравнением описываемых предметов с чем-либо из мировой классики искусства: «Всегда, когда я слышу эту первую во второй редакции, в редакции уже Тристановского Вагнера, сцену, я чувствую небывалый восторг, пророческий трепет, как при картинах Клингера и поэзии д'Аннунцио. Эти танцы фавнов и нимф, эти на вдруг открывающихся, сияющих, лучезарных, небывалых, но до боли глубоко знакомых античных пейзажах, явления Леды и Европы; эти амур, стреляющие с деревьев, как на "Весне" Боттичелли, в танцующих и замирающих от их стрел томительных позах фавнов, – и все это перед Венерой, стерегущей с нездешней любовью и нежностью спящего Тангейзера, – все это как веянье новой весны, новой, кипящей из темнейших глубин страсти к жизни и к солнцу!» (там же). Присутствует и восклицательное предложение, и насыщенное эмоциями субъективно-оценочное, а также перечисление со словом *это*. В речи Лариона Штрупа замечается сарказм: «У нее, как у девушки в сказке, при каждом слове выскакивает изо рта мышь или жаба. Положительно!..» (там же), нарочито эпатирующие собеседника высказывания: «Раз голая сущность – одна и та же, не все ли равно, как к ней дойти, – ростом ли мировой любви, животным ли порывом?» (там же).

В романе Оскара Уайльда представлены также различные гендерные структуры. С одной

стороны, это наличие оценочных прилагательных-«интенсификаторов», наречий, сложные синтаксические структуры и гиперкорректность в их выборе, многочисленные обращения к сравнениям и описаниям обстановки, пассивность, нежели динамизм, частая неопределенность (“*The birds that were singing in the dew-drenched garden seemed to be telling the flowers about her*”, “*...appeared almost to dislike hearing music*” (Wilde). Тем не менее встречаются перформативные высказывания героев-денди, активные формы глаголов, компоненты с отрицательными коннотациями (в частности, при описании изменений портрета героя или в этом отрывке: “*A crooked smile, like a Malay crease, writhed across the face of one of the women. She tossed her head and raked the coins off the counter with greedy fingers*” (ibid.), двойные отрицания “*neither... nor*” и т. д. Таким образом, снова дендистский текст в гендерном аспекте относится к андрогинному типу.

Остановимся чуть подробнее на текстовых особенностях проявления дендизма. Развернутые описания (в тексте есть много примеров, ограничимся одним): “*The studio was filled with the rich odour of roses, and when the light summer wind stirred amidst the trees of the garden, there came through the open door the heavy scent of the lilac, or the more delicate perfume of the pink-flowering thorn*” (ibid.). В данном случае развернутые описания присутствуют и в нарративе, и в речи героев. Некоторые герои выражаются более сдержанно и лаконично, но Лорд Генри чаще всего афористично: “*Vice and virtue are to the artist materials for an art*”, “*...there is only one thing in the world worse than being talked about, and that is not being talked about*”, “*Being natural is simply a pose, and the most irritating pose I know*”, “*I like persons better than principles, and I like persons with no principles better than anything else in the world*” (ibid.) и т. д. В тексте присутствует и ирония, рассмотрим пример: “*A portrait like this would set you far above all the young men in England, and make the old men quite jealous, if old men are ever capable of any emotion*”, “*My dear fellow, she tried to found a salon, and only succeeded in opening a restaurant. How could I admire her?*” (ibid.). Лорд Генри старается не относиться серьезно ни к чему, прикрываясь дендистской позой, иронией или стремление шокировать собеседника помогают ему в этом. Подчеркнутая эмоциональность видна во втором примере ввиду использования риторического вопроса в ситуации, где можно обойтись без эмоций.

Авторский нарратив не чужд оксюморонам, например: “*He felt a terrible joy at the thought that some one else was to share his secret, and that the*

man who had painted the portrait that was the origin of all his shame was to be burdened for the rest of his life with the hideous memory of what he had done” (Wilde), сочетание *terrible joy*. Это предложение интересно проанализировать и по его структуре, оно синтаксически гиперкорректно: гиперкорректно в выборе глагольных времен, избыточен союзами, кроме того, в нем дважды задействована форма *was to + V*, не слишком характерная для обычной речи. Как уже отмечалось, и у рассказчика, и у героев в речи присутствуют цитаты и вкрапления (в частности, “*Four husbands! Upon my word that is trop de zele*”. “*Trop d’audace, I tell her*”, said Dorian” (ibid.). В некоторых острых повествовательных моментах автор обращается к стихломифии для придания динамики повествованию:

“*Still, we have done great things*”.

“*Great things have been thrust on us, Gladys*”.

“*We have carried their burden*”.

“*Only as far as the Stock Exchange*”.

....

“*It is a malady*”.

“*Love?*”

“*An illusion*”.

“*Religion?*”

“*The fashionable substitute for belief*”.

“*You are a sceptic*”.

“*Never! Scepticism is the beginning of faith*” (ibid.).

В нарративе имеются эмотивы, такие как междометия, восклицательные структуры и риторические вопросы: “*As the thought crept through his brain, he grew pale with terror, and the air seemed to him to have become suddenly colder. Oh! in what a wild hour of madness he had killed his friend!*” (ibid.), что, кроме всего прочего, относится к проявлениям феминности в речи.

Итак, в тексте О. Уайльда при анализе обнаруживаются все выделенные выше особенности дендистского текста. По замечанию Е. Гениевой, «...живое начало исчезало, его убивали манерность и претенциозность» [Гениева 1994: 375], отсюда характерный для романа «переизбыток описания дорогих тканей, редкостных безделушек, экзотических цветов». Тем не менее при написании «Портрета Дориана Грея» О. Уайльд брал за образец еще более эстетский роман Ш. Гюйсманса «Наоборот» («*À rebours*»), который более чем наполовину состоит не из динамического повествования и смены сюжетных поворотов, а из подобных описаний интерьеров, картин, музыки, пищи и т. д. Обратимся к этому роману.

Сразу же приведем в пример хотя бы одно из описаний книги (иногда такие описания занимают по несколько страниц): “*Jadis, alors qu’il*

recevait chez lui des femmes, il avait composé un boudoir où, au milieu des petits meubles sculptés dans le pôle camphrier du Japon, sous une espèce de tente en satin rose des Indes, les chairs se coloraient doucement aux lumières apprêtées que blutait l’étoffe” (Huysmans). Автору не чужда страсть к параллелизму и перечислению, перегруженности эпитетами: “*D’autres fois encore, quand le spleen le pressait, quand par les temps pluvieux d’automne, l’aversion de la rue, du chez soi, du ciel en boue jaune, des nuages en macadam, l’assaillait, il se réfugiait dans ce réduit, agitait légèrement la cage et la regardait se répercuter à l’infini dans le jeu des glaces, jusqu’à ce que ses yeux grisés s’aperçussent que la cage ne bougeait point, mais que tout le boudoir vacillait et tournait, emplissant la maison d’une valse rose*” (ibid.) – предложение исключительно длинное, повторяется союз *quand*, притяжательные структуры с *de*. Как представляется автору статьи, дендистский текст всегда характеризуется «перегруженностью», использованием максимально возможного количества приемов и средств, что может проявляться на разных языковых уровнях.

В гендерном аспекте в данном тексте, по сравнению с другими, почти не встречаются проявления маскулинности; феминность обнаруживает себя через множество особенностей: излишняя правильность речи автора и героя, наличие повышенной экспрессии, перегруженность предложений эпитетами и их распространенность [Воробьева 2015: 159–170]. Маскулинный аспект присутствует только в профессиональном описании предметов церковного обихода (профессиональная лексика церковнослужителей), тогда как обращение к религиозному дискурсу исследователями традиционно рассматривается в рамках феминности. В романе практически отсутствуют прямая речь и диалоги, он представляет собой в основном «закадровый монолог» рассказчика, а монологическая речь, по А. Кириллиной, М. Томской, – это, в свою очередь, маскулинная особенность текста [Кирилина]. Таким образом, здесь, как и в других проанализированных текстах, представлен смешанный андрогинный тип.

Что касается проявлений дендизма через призму языка, здесь также не обошлось без цитат: “*Any where out of the world. – N’importe où, hors du monde*” (Huysmans), вкраплений из латыни в названиях книг, например: “*Psychomachia*”, “*Carmen apologeticum*”, “*Vexilla regis*”, “*De viribus herbarum*” (ibid.). Сквозь множественность деталей и сложность синтаксических структур проглядывает и авторская ирония, вкрапления выполняют функцию создания комического эффекта. Представим несколько фрагментов:

“Enfin, il avait fait préparer une haute salle, destinée à la réception de ses fournisseurs; ils entraient, s’asseyaient les uns à côté des autres, dans des stalles d’église, et alors il montait dans une chaire magistrale et prêchait le sermon sur le dandysme, adjurant ses bottiers et ses tailleurs de se conformer, de la façon la plus absolue, à ses brefs en matière de coupe, les menaçant d’une excommunication pécuniaire s’ils ne suivaient pas, à la lettre, les instructions contenues dans ses monitoires et ses bulles” (ibid.). Такое сравнение церковной этики и наиболее светского аспекта жизни – моды – действует как элемент дендистского эпатажа, который потом доводится до предела описанием устройства ночного горшка из церковной скамьи или примером украшения панциря черепахи драгоценностями. То же в следующей сцене, продолжающей «церковные» сравнения: “...en donnant aux hommes de lettres des dîners retentissants, un entre autres renouvelé du XVIIIe siècle, où, pour célébrer la plus futile des mésaventures il avait organisé un repas de deuil” (Huysmans).

Встречаются в романе и афористичные высказывания: “L’artifice paraissait à des Esseintes la marque distinctive du génie de l’homme”, “...le monde est, en majeure partie, composé de sacripants et d’imbéciles”, перевернутый библейский афоризм “Fais aux autres ce que tu ne veux pas qu’ils te fassent” (ibid.) и др. В редкой для книги прямой речи Дез Эссента встречается и эмотив (междометие), стремление к провокации, эпатажу: “Tu n’y es pas; oh! mais pas du tout, fit-il; la vérité c’est que je tâche simplement de préparer un assassin” (ibid.). В стремлении к искусственности герой доходит до абсурда, что можно проиллюстрировать сравнением женщины и локомотива: “Et puis, à bien discerner celle de ses œuvres considérée comme la plus exquise, celle de ses créations dont la beauté est, de l’avis de tous, la plus originale et la plus parfaite: la femme; est-ce que l’homme n’a pas, de son côté, fabriqué, à lui tout seul, un être animé et factice qui la vaut amplement, au point de vue de la beauté plastique? est-ce qu’il existe, ici-bas, un être conçu dans les joies d’une fornication et sorti des douleurs d’une matrice dont le modèle, dont le type soit plus éblouissant, plus splendide que celui de ces deux locomotives adoptées sur la ligne du chemin de fer du Nord?” (ibid.) – обилие сравнительных степеней прилагательных и риторических вопросов можно рассматривать как эмотивы. В другом отрывке описано восхищение перед питательными клизмами, что также абсурдно в контексте романа: “Ce serait délicieux, se disait-il, si l’on pouvait, une fois en pleine santé, continuer ce simple régime. Quelle économie de temps, quelle radicale délivrance de l’aversion qu’inspire aux gens sans appétit, la viande! quel

définitif débarras de la lassitude qui découle toujours du choix forcément restreint des mets! quelle énergique protestation contre le bas péché de la gourmandise! enfin quelle décisive insulte jetée à la face de cette vieille nature dont les uniformes exigences seraient pour jamais éteintes!” (ibid.). Здесь присутствуют эмоциональные повторы с *quelle*, восклицательные предложения, эмотив *cette vieille nature* – «старушка природа», явная метафора клизма = искусственная донельзя жизнь героя.

На основе сравнительно небольшой, хотя и репрезентативной подборки можно сделать общие выводы о наличии характерных особенностей дендистской прозы:

1. Гендерные нетипичные черты: преобладание феминности и андрогинности над маскулинностью в структуре построения текста, что выражается через излишнюю эмоциональность (оценочность, прилагательные, в том числе и в сравнительной степени, наречия, «интенсификаторы-усилители», риторические вопросы, повторы в синтаксической структуре, восклицательные предложения), громоздкость распространенных сложных предложений, гиперболизированность описаний, гиперкорректность в синтаксисе, «предметность» текста. Маскулинный аспект в основном проявляет себя в проанализированных произведениях в наличии некоторых отрицательных структур, а также в частом намеренном отказе от диалогов в пользу монологов или нарратива.

2. Наличие объединяющих особенностей рассмотренных текстов, которые трактуются как особенности именно дендистской прозы, как то: широкий спектр лексических средств при описаниях, использование множества стилистических приемов, таких как ирония, метафора и сравнение, оксюморон, гипербола или литота и др. В литературе о денди ирония и сравнение как приемы стоят на первом месте. Здесь необходимо подчеркнуть, что многие писатели используют широкую палитру стилистических приемов и средств языка, пользуются иронией и сравнением, но в дендистской литературе «перегруженность» приемами является доминантой стиля. Важно также ответить на вопросы: для чего авторы-денди используют столь богатый арсенал средств языка и каковы функциональные особенности стилистических приемов? По мнению автора статьи, в этом проявляется стремление денди к «подчинению языка» искусственной идеальной красоте. Для всего этого богатства стилистической палитры доминирующей является исключительно декоративная функция.

3. В синтаксическом плане встречается огромный разброс: от парцелляции и стихломифий до распространенных предложений, осложненных

оборотами. Чаще встречаются вторые, тогда как к первым автор прибегает лишь в особых кульминационных моментах, т. е. использует их как эмотивные компоненты ситуации. Отдельного исследования заслуживает анализ репрезентации эмоций в дендистской прозе, так как даже при беглом прочтении обнаруживается палитра различных компонентов-эмотивов, начиная от оценочных прилагательных и кончая параллельным построением предложений.

Что касается сравнения речи героя-денди и речи автора-нарратора, очень часто в них нет существенных различий: и тот и другой прибегают к многословным сравнениям, цитатам и вкраплениям, часто используют развернутые синтаксические структуры. Выявлено лишь одно различие: «дендистский перформатив» (термин Д. Шеффера) проявляется через афористичность некоторых высказываний, стремление к эпатажу (в языке через совмещение несовместимого, абсурдность, языковую игру, к примеру, “*best sins – best things*” у О. Уайльда). Таким образом, целесообразным представляется проведение более развернутого анализа с выявлением дальнейших особенностей на разных уровнях языка.

Список источников

Кузмин М. Крылья. СПб., 1906. URL: http://az.lib.ru/k/kuzmin_m_a/text_0270.shtml (дата обращения: 09.10.2019).

Wilde O. The Portrait of Dorian Gray. URL: <https://www.gutenberg.org/files/174/174-h/174-h.html> (дата обращения: 23.11.2019).

Huysmans J. K. À Rebours. URL: <http://www.gutenberg.org/files/56149/56149-h/56149-h.html> (дата обращения: 10.12.2019).

Список литературы

Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с франц., вступ. статья и сост. С. Н. Зенкин. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.

Богачева М. В. Специфика гендерной дифференциации языковых средств // Вестник Днепрпетровского университета. Серия: Языкознание. 2008. Т. 16, вып. 14. С. 43–49. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/vdumo_2008_16_14_10 (дата обращения: 12.02.2019).

Болон П. Искушение дендизмом / пер. Т. Клигина. М.: Гараж, 2013. 314 с.

Бем С. Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / пер. с англ. М. Шапошниковой. М.: Росс. полит. энцикл., 2004. С. 330–336.

Вайнштейн О. Б. Европейский дендизм XIX века: литература, традиция и поэтика поведения: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 432 с.

Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. М.: НЛО, 2012. 706 с.

Вайнштейн О. Б. Поэтика дендизма: литература и мода // Иностранная литература. 2000. № 3. URL: <http://forlit.philol.msu.ru/lib-ru/vainshstein1-ru> (дата обращения: 12.02.2019).

Витлицкая Е. В. Лингвистическая репрезентация гендерных стереотипов в рекламе: На материале англоязычных и русскоязычных текстов: дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2005. 144 с.

Воробьева С. Ю. Дискурсивные маркеры феминной субъектности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2015. № 5(29). С. 159–170.

Геньева Е. Оскар Уайльд // История всемирной литературы: в 8 т. М.: Наука, 1994. Т. 8. С. 374–378.

Кирилина А., Томская М. Лингвистические гендерные исследования. URL: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/2005_2_7.html (дата обращения: 10.01.2019).

Коломейцева Е. Б. Иноязычные вкрапления в современном художественном тексте (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 191 с.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.

Прима А. М. Концептуализация понятия «гендер» в романе Вирджинии Вулф «Миссис Дэллоуэй»: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009. 202 с.

Пушкарь Г. А. Типология и поэтика женской прозы: гендерный аспект: на материале рассказов Т. Толстой, Л. Петрушевской, Л. Улицкой: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007. 234 с.

Серова И. Г. Способы конструирования гендера в тексте и кинотексте // Вестник ТГУ. 2011. Вып. 3(95). С. 141–147.

Скуратовская А. П. Дендизм как психология жизнотворчества // Культурология: Дайджест. 2001. № 4. С. 80–81.

Шиффер Д. Философия дендизма / пер. с франц. М.: Изд-во гуманит. лит., 2011. 293 с.

Янчук Е. И. Новейший философский словарь Минск: Книжный дом, 2003. 1280 с.

Kerr D. «The Idea of Beauty in Their Persons» Dandyism and the Haunting of Contemporary Masculinity: ph.d. in philology dissertation. Bowling Green, 2015. 208 p.

Moong E. Dandyism. URL: <http://www.lafri-meuse.com/en/dandyism-roots-part-1/> (дата обращения: 07.09.2019).

Penson J. C. Habiter en poète, Essai sur la poésie contemporaine. Seyssel, France: Champ Vallon, 1995. 279 p.

Voegeli F. Differences in the Speech of Men and Women: ph.d. in philology dissertation synopsis. Dusseldorf, 2005. 57 p.

References

Barthes R. *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [The system of fashion. Articles on cultural semiosis]. Transl. from French, preface and comp. by S. N. Zenkin. Moscow, Sabashnikov Printing House, 2003. 512 p. (In Russ.)

Bogacheva M. V. Spetsifika gendernoy differentsiatsii yazykovykh sredstv [Special features of gender differentiation of language means]. *Vestnik Dnepropetrovskogo universiteta. Yazikoznanie* [Dnepropetrovsk University Herald. Language Studies], 2008, vol. 16, issue 14, pp. 43–49. Available at: http://nbuv.gov.ua/UJRN/vdumo_2008_16_14_10 (accessed 02.12.2019) (In Russ.)

Bologne P. *Iskushenie dendizmom* [Temptation of Dandyism]. Transl. by T. Kligin. Moscow, Garazh Publ., 2013. 314 p. (In Russ.)

Bem S. Linzy gendera. Transformatsiya vzgliadov na problemu neravenstva polov [The lenses of gender: Transforming the debate on sexual inequality]. Transl. from English by M. Shaposhnikova. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 336 p. (In Russ.)

Vainshtein O. B. *Evropeiskiy dendizm 19 veka: literatura, traditsiya i poetika povedeniya*. Diss. ... d-ra filol. nauk [European dandyism of the 19th century: Literature, tradition and poetics of behavior. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2005. 432 p. (In Russ.)

Vainshtein O. B. *Dendi: moda, literatura i stil' zhizni* [Dandy: Fashion, literature and the style of life]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2012. 706 p. (In Russ.)

Vainshtein O. B. Poetika Dendizma: literatura i moda [Poetics of dandyism: Literature and fashion]. *Inostrannaya literatura* [Foreign Literature], 2000, issue 3. Available at: <http://forlit.philol.msu.ru/libru/vainshtein1-ru> (accessed 02.12.2019). (In Russ.)

Vitlitskaya E. V. *Lingvisticheskaya reprezentatsiya gendernykh stereotipov v reklame: Na materiale algloyazychnykh i russkoyazychnykh tekstov*. Diss. kand. filol. nauk [Linguistic representation of gender stereotypes in advertising: A case study of texts in English and Russian. Cand. philol. sci. diss.]. Tambov, 2005. 144 p. (In Russ.)

Vorob'eva S. Yu. Diskursivnye markery femininoy sub'ektnosti [Discursive Markers of Female Consciousness (based on Modern Women's Prose)]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo universiteta. Yazikoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2015, vol. 2, issue 5(29), pp. 159–170. (In Russ.)

Genieva E. Oskar Uayl'd [Oscar Wilde]. *Istoriya vseмирnoy literatury v 8 tomakh* [The history of world literature in 8 volumes]. Moscow, Nauka Publ., 1994, vol. 8, pp. 374–378. (In Russ.)

Kirilina A. Tomskaya M. *Lingvisticheskie gendernye issledovaniya* [Linguistic gender studies]. Available at: http://magazines.russ.ru/oz/2005/2/-2005_2_7.html (accessed 01.10.2019)

Kolomeytseva E. B. *Inoyazychnye vkrapleniya v sovremennom khudozhestvennom tekste (na materiale angliiskogo yazika)*. Diss. cand. filol. nauk [Foreign-language insertions in modern literary text (a case study of the English language). Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2016. 191 p. (In Russ.)

Lotman Yu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [Fiction text structure]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 384 p. (In Russ.)

Prima A. M. *Kontseptualizatsiya ponyatiya 'gender' v romane Virginii Vulf 'Mrs Dalloway'*. Diss. ... cand. filol. nauk [Conceptualization of the notion 'gender' in Virginia Woolf's novel 'Mrs. Dalloway']. Cand. philol. sci. diss.]. Krasnodar, 2009. 202 p. (In Russ.)

Pushkar' G. A. *Tipologiya i poetika zhenskoy prosy: gendernyy aspekt: na materiale rasskazov T. Tolstoy, L. Petrushevskoy, L. Ulitskoy* [Typology and poetics of women prose: Gender aspect: a case study of stories by T. Tolstaya, L. Petrushevskaya, L. Ulitskaya. Cand. philol. sci. diss.]. Stavropol, 2007. 234 p. (In Russ.)

Serova I. G. Sposoby konstruirovaniya gendera v tekste i kinotekste [The ways of gender constructing in text and cinema text]. *Vestnik TGU* [Tomsk State University Journal], 2011, issue 3(95), pp. 141–147. (In Russ.)

Skuratovskaya A. P. Dandizm kak psikhologiya zhiznetvorchestva [Dandyism as psychology of life-making]. *Kulturologiya: Daidgest* [Culturology Digest], 2001, issue 4, pp. 80–81. (In Russ.)

Schiffer D. S. *Filosofiya dendizma. Estetika dushi i tela* [Philosophy of dandyism. The esthetics of soul and body]. Transl. from French. Moscow, Izdatel'stvo Gumanitarnoy Literatury Publ., 2011. 293 p. (In Russ.)

Yanchuk E. I. *Noveyshiy filosofskiy slovar* [The Newest Philosophical Dictionary]. Minsk, Knizhnyy dom Publ., 2003. 1280 p.

Kerr D. *'The idea of beauty in their persons' dandyism and the haunting of contemporary masculinity*. Ph. D. in philology dissertation. Bowling Green, 2015. 208 p. (In Eng.)

Moong E. *Dandyism. Roots*. Available at: <http://www.lafrimeuse.com/en/dandyism-roots-part-1/> (accessed 07.09.2019) (In Eng.)

Penson J. C. *Habiter en poète, Essai sur la poésie contemporaine* [Live as a poet. Essays on modern poetry]. Seyssel, France, Champ Vallon, 1995. 279 p. (In Fr.)

Voegeli F. *Differences in the speech of men and women*. Ph. D. in philology dissertation synopsis. Dusseldorf, 2005. 57 p. (In Eng.)

THE DANDY IN LITERATURE: ANALYZING THE LANGUAGE OF THE LITERATURE OF DANDYISM

Ekaterina B. Kolomeytseva

Associate Professor in the Department of Russian Language No. 1

Pavlov First Saint Petersburg State Medical University

6-8, Lva Tolstogo st., Saint Petersburg, 197022, Russian Federation. tillyriddle@yandex.ru

SPIN-code: 7591-1171

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0224-2965>

Submitted 27.03.2019

The article attempts to research the literature of dandyism as a separate literary movement. Based on the fact that dandies stand out as a special social subculture connected not only with fashion, the author makes an assumption about the peculiarities of speech in literature about dandies, written by dandies. This assumption was made on the basis of D. Schaeffer's studies, emphasizing that dandies actively studied ancient rhetoric and used sophistry methods. First of all, the paper identifies and groups features inherent in the literature of dandyism at different language levels. Dandyist self-presentation through 'artificial femininity' (a term of Penson) made it also reasonable to analyze the features of gender construction by linguistic means. The article aims to prove that the literature of dandyism has reason to be regarded as a special movement based on its key features. The author considered it more appropriate to focus separately on the language of the writer and the language of the hero, because both have their own peculiarities. There were chosen three works written in different languages: *Wings* by M. Kuzmin, *The Picture of Dorian Gray* by O. Wilde and *À Rebours* by J. K. Huysmans, which were studied based on the method of linguistic analysis. These works appear to be the most representative for the aims of analysis because they were written by dandy writers about dandy heroes. The paper concludes that a speech portrait of a male dandy hero does not always correspond to gender characteristics of his speech construction, since femininity and androgyny prevail over masculinity. There was identified a wide range of lexical tools employed by the writers, which is shown in the paper to be one of the specific linguistic features of dandyist literature. According to the results of analysis, the language of the writers is not much different from the language of the dandy heroes; however, in dialogues of the latter, the 'dandyist performative' is manifested more often.

Key words: fiction; linguistic analysis; dandyism; gender linguistics; narrator; speech portrait.

УДК 81.42
doi 10.17072/2073-6681-2020-1-34-44

ДИСКУРСИВНЫЕ «ЛОВУШКИ», ИЛИ ПРОПИСНЫЕ ИСТИНЫ РЕЧЕВЕДЕНИЯ

Мария Павловна Котюрова

д. филол. н., профессор кафедры русского языка и стилистики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. kotyurova@yandex.ru

SPIN-код: 1625-0504

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5418-726X>

ResearcherID: N-9344-2017

Статья поступила в редакцию 19.11.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Котюрова М. П. Дискурсивные «ловушки», или прописные истины речеведения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 34–44. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-34-44

Please cite this article in English as:

Kotyurova M. P. Diskursivnye «lovushki», ili propisnye istiny rechevedeniya [Discourse ‘Traps’ or Truisms of Stylistics]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 1, pp. 34–44. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-34-44 (In Russ.)

Рассматриваются условия продуктивного исследования в области стилистики научного текста, которые по существу можно считать прописными истинами для молодого ученого. Это прежде всего *интерес* к научному мышлению как психологический фактор процесса успешного познания; роль интереса подчеркивается в данной статье при обращении к дискурсивному окружению исследования. Особый акцент сделан на представлении о содержании текста – научном знании, понимаемом как *эпистемическая* (научно-познавательная) *ситуация*, охватывающая онтологическую сущность изучаемого фрагмента действительности (знание *о чем?*), методологический аспект полученного результата (*как* получено?), аксиологическую сторону знания в плане его актуальности, достоверности, перспективности в более широком эпистемическом контексте. Терминированное понятие эпистемической ситуации используется в значении ‘*модель*’ в двух случаях: 1) в отношении целостного научного знания, 2) в отношении актуализированного (выдвинутого) в тексте научного знания. Значимость методологического аспекта эпистемической ситуации связана прежде всего с общим подходом к предмету исследования – в данном случае *когнитивно-дискурсивно-стилистическим* подходом к научному тексту. Онтологическая сущность эпистемической ситуации представлена в научном тексте совокупностью терминированных понятий – исходных, основных и уточняющих. Применение исходных и уточняющих, а также развитие основных понятий в тексте формирует *информативную* плотность текста. Аксиологическая сторона в статье представлена рассуждением о *мягком подходе к оценке* эпистемической ситуации, эксплицируемой посредством текста. Данный подход предполагает совмещение узкого и широкого взгляда на формирование и восприятие текста.

Ключевые слова: научный текст; познавательный интерес; когнитивно-дискурсивно-стилистический подход к изучению текста; эпистемическая ситуация как единица смысловой структуры текста; мягкая оценка содержания научного текста.

Прописная истина – всем известная, шаблонная, тривиальная мысль.
(*Ожегов С. И. Словарь русского языка*)

1. Контур дискурса темы данной работы. «Листаю» страницы в Интернете... Вдруг: «Аверинцев С. С. Похвальное слово филологии». Журнал «Юность», 1969 год! Вспыхнуло воспо-

минание: не утихает дискуссия о физиках и лириках, доходящая до бурной полемики в аудиториях, актовых залах, в общежитиях, на кухнях. А разговоры о науке... Как поднимают дух слова С. С. Аверинцева: «...дело идет о некоем подобии того, что Спиноза называл “интеллектуальной любовью”... Но разве математикой или фи-

зикой можно заниматься без “интеллектуальной любви”, очень часто перерастающей в подлинную всепоглощающую страсть?! Было бы нелепо вообразить, будто математик меньше любит число, чем филолог – слово [продолжая эту мысль, уточню: чем специалист по функциональной стилистике – «живую» жизнь слова], или, лучше сказать, будто число требует меньшей любви, нежели слово. Не меньшей, но существенно иной» [Аверинцев 1969: 99].

При чем тут современные молодые ученые? Да при том, что им по-прежнему отвечать на вопрос о значимости гуманитарнейшей науки – филологии. Нам-то, преподавателям выпускающих кафедр филологических факультетов, ответ давно ясен. Однако лишь в самом общем виде. Бесспорно, нужны и естественные, и гуманитарные науки. Более того, и те и другие пребывают в постоянном развитии. В каждом случае сложность заключена в конкретике. Например, естественные науки являются точными, математически аргументирующими те или иные положения. Но ведь и филология – точная наука; с одной стороны, ее точность также может быть измерена математически.

Вот пример. Как удивительно было, получив в 1972 г. очередную монографию М. Н. Кожиной, узнать, что «каждый речевой функциональный стиль обладает достаточным единством и четкими *стило-статистическими* параметрами, обнаруживающимися, очевидно (одного вводного слова достаточно автору, чтобы зафиксировать и прогностичность, и гипотетичность, и деликатность мысли! – М. К.), на всех языковых уровнях» [Кожина 1972: 351]. В этом исследовании применена стило-статистическая методика анализа лексико-грамматического материала, проверена эффективность стило-статистического «метода срезов», позволившего установить ряд общих закономерностей функционирования языковых средств в речевых разновидностях. Действительно: с целым рядом статистических таблиц, представленных в книге, не поспоришь! Но с другой-то стороны... Не случайно в этой же книге приведены слова акад. В. В. Виноградова: «Стилистика является своего рода вершиной исследования языка, теоретической основой развития национальной речевой культуры» [Виноградов 1969: 5–6]. Теперь уже общеизвестно, что точность филологии (в частности, функциональной стилистики) имеет и другую познавательную природу. Какую? Качественно иную. «В функциональной стилистике **всё** следует рассматривать под “функциональным углом зрения”» [Кожина 1966: 11]. Это как? Каким образом? Уточним...

Прежде всего неизбежно обращение к дискурсивному окружению научного текста. В связи

с этим важно учитывать воздействующие на современный научно-речевой дискурс изменения, представленные такими *тенденциями*, как: *научно-социальные* – расширение эпистемического пространства по конвейерному типу, информационный бум, девальвация и не востребованность научного знания; *когнитивные* – «сдвиг» в сторону дедуктивного пути познания и стремление к абстрактизации научного содержания, снижение уровня критичности мышления ученого, актуализация обыденного сознания и др.; собственно *лингвистические* – отступление от традиционных стилевых норм и др. Внимание к названным тенденциям будет способствовать достижению стратегической цели – осознанному владению культурой письменной научной речи.

Дискурсивное окружение продуктивной научно-исследовательской работы молодого ученого включает обширный комплекс условий, которые по существу можно считать прописными истинами. В данной статье остановимся лишь на психологических моментах, связанных с выбором (общего) научно-познавательного пути и соблюдением основного принципа любой деятельности – последовательности, а также обратим внимание на мягкий, некатегоричный характер оценки знания, развертываемого в тексте. Наша задача обусловлена пониманием текста как единицы общения, предназначенной для передачи относительно завершенного замысла в письменной форме. Эта единица общения многомерна, поэтому ее изучение, причем даже только в собственно лингвистическом отношении, многоаспектно, разнонаправленно. В связи с этим даже к ближайшему фоновому знанию относятся те или иные положения из других, прежде всего смежных, областей науки. Для начала обратим внимание на психологический компонент коммуникации автора и читателя.

На первый взгляд психология восприятия текста / научной мысли очень проста: читатель руководствуется параметром *понятно – принимаю*, а *непонятно – не принимаю* или даже кардинально оценочным *правильно – неправильно*. Особенно ярко такая психологическая особенность проявляется при восприятии нового, в то время как восприятие нового научного знания является, как известно, весьма сложным, отнюдь не однозначным интеллектуальным процессом. В типичном случае при восприятии текста открытие читателем нового, неизвестного, неизведанного сопровождается сначала сомнением, мучительным непониманием, скепсисом, затем чьим-нибудь «прозрением», открывающим путь к всеобщему принятию и признанию в качестве общеизвестного, тривиального. При этом автору необходимо терпение, даже самообладание, чтобы защи-

тить прежде всего «росток» (суть) рассматриваемой проблемы, не расплескивая энергию поиска на обсуждение периферийных, частных вопросов и ни в коем случае не «сбиваясь» на апелляцию к личности оппонента.

2. Методологическая установка. Мы вынуждены признать, что методологической динамике дальнейших рассуждений о научном тексте присущи разноплановость и неполнота, субъективность (потому неубедительность для читателя), а формулируемые положения нередко имеют «ломкий», негармоничный характер. Все это обусловлено тем, что автор научного текста призван зафиксировать полученное знание и как мысль-продукт, и как мысль-процесс, т. е. универсальное и вместе с тем уникальное явление коммуникативно-познавательной деятельности с присущими ему свойствами мышления – прежде всего аналитико-синтезирующего, креативного, критического, конструктивно-оценочного.

Цель статьи – привлечь внимание читателя к стилистике научной речи. Хотя легко представить такой диалог:

– Даже просто читать любые учебники – это трудно, скучно, неинтересно, а изучать – тем более! Я вообще не люблю математику, физику, химию...

– Ну что вы... Стилистика научной речи – это наука о «жизни языка», связанной с познанием действительности, «муками творчества», радостью открытий... и желанием поделиться этой радостью с читателями.

Специальная цель – связать трудности, с которыми сталкивается *каждый* молодой исследователь (психологические, коммуникативно-познавательные и культурно-речевые), в единый дискурсивный блок и наметить пути их преодоления. Представляется, что для этого целесообразно дать ознакомительную характеристику специфической научно-познавательной деятельности, ориентируя читателя на «объемное понимание» текста, учитывающее его дискурсивное окружение. Будем иметь в виду наиболее лаконичное определение дискурса как текста, погруженного в жизнь (Е. С. Кубрякова). Именно объемное понимание научного текста предопределяет *подход* к изучаемому предмету, известный в современной функциональной стилистике как *дискурсивно-стилистический* [Баженова 2005; Котюрова 2008] или *когнитивно-дискурсивно-стилистический* [Котюрова 2005, 2011]. Такой подход явился необходимым и достаточным при изучении целого научного текста, представляющего собой «неповторимое коммуникативное событие» [Гайда 2010: 93].

Номинация подхода акцентирует внимание на понятиях, разрабатываемых целым комплексом

наук. Назовем основные: понятие о сознании (автора текста) – психологией мышления, понятие о дискурсе – речеведением, дискурсологией, понятие о научном функциональном стиле – стилистикой. Когнитивно-дискурсивно-стилистический подход к изучению научного текста синтезирует разноплановые, можно сказать, разнонаправленные векторы формирования представлений о тексте в эпистемическом пространстве. Дискурсивный анализ предполагает гибкость, пластичность учета **любых** факторов (не только сильнодействующих стилиеобразующих) – в зависимости от воли и установки исследователя. И это открывает широкие возможности – констатирующие и интерпретационные, объяснительные. Общая установка названного подхода – единство собственно лингвистической и экстралингвистической сторон текста, обеспечивающее его адекватное изучение в пределах речеведения. Вместе с тем открывается возможность дифференцированного анализа каждой из этих сторон (отсюда лингвистика текста, грамматика текста, стилистика текста, стилистика научного текста, стилистика газетного текста, медиастилистика и др.); пристальное внимание к субъектным экстралингвистическим факторам (идиостилистика, адресантная и адресатная стилистика, стилистика кодирования и декодирования, интенциональная стилистика и др.).

Мы исходим из того, что **онтологический** компонент эпистемической ситуации связан с предметным содержанием знания, т. е. научным осмыслением явлений реального мира (природы, человека и общества). Предметное содержание выражается комплексом терминированных понятий «исходные – основные – уточняющие», совокупность которых представляет собой элементарную «анатомическую структуру» познавательной ситуации. Исходные понятия не определяются в конкретном тексте, они очерчивают «видимый горизонт, в пределах которого возникает вещь (основное понятие. –М. К.), которая нас занимает» [Ортега-и-Гассет 1996: 159]. Для порождения текста требуется изучение «родословной» основного терминированного понятия в связке с исходными и уточняющими понятиями. На фоне исходных можно развить основные понятия посредством уточняющих и тем самым внести вклад в теоретическое дисциплинарное знание. В сжатой форме совокупность исходного (**полужирным** шрифтом), основного (**прямой линией**) и уточняющего (*курсивом*) понятий обычно зафиксирована в заголовках. Например: Интервью как *эго-жанр: ориентиры человека культуры*; Оценка как конституирующий **компонент конфликтной коммуникации**; Аксиологические презумпции русского обыденного метаязыкового сознания и др.

В заголовках содержание выражено концентрированно, уплотненно, и в них легко увидеть познавательную структуру исследования. Попутно отметим: благодаря прозрачности структуры можно говорить об информативной плотности либо рыхлости текста. Научному тексту присуща свернутость преимущественно информативно-логических отношений, иначе говоря, информативно-логическая плотность, тяготеющая к образованию особых номинаций, получивших название композитивных. Композитивные номинации предоставляют автору возможность конкретизировать основное понятие, передать оттенки семантических признаков посредством согласованных и несогласованных, однородных и неоднородных определений. Так, в композитивной номинации *русское обыденное метаязыковое сознание* все конкретизаторы направлены на определенное понятие. Обычно информативная плотность текста усиливается при выражении эпистемической информации, а именно в заголовках (оглавлении), при введении проблемы, гипотезы, определении понятия, в частном и общем выводах и других фрагментах текста.

Методологический компонент характеризует познавательную деятельность в отношении способов получения, развития и обоснования научного знания, а также в плане его репрезентации в содержательно-логических формах понятий, категорий, идей, концепций и т. д. Приведем примеры заголовков статей, ориентированных на акцентирование методологического содержания эпистемической ситуации: *Лингвоаксиологический анализ* рекламного дискурса (на материале языка дальневосточного города); Текст как *объект* лингвистического исследования; Оценочность как онтологическое *свойство* художественного текста.

Аксиологический компонент соотносится с оценочной природой познания, субъект которого (ученый) является не только мыслящим человеком, но и человеком оценивающим. При этом оценке подвергается как старое, так и новое знание, получаемое лично автором. Наиболее важными характеристиками знания являются его достоверность, новизна и актуальность – универсальные параметры оценки научной информации. Нельзя не согласиться с утверждением Е. А. Баженовой, что «эти ценностные категории формируют аксиологическое пространство научного текста, конкретизированное в частнооценочных значениях» [Баженова 2019: 13]. Когнитивно-дискурсивно-стилистический подход к тексту предполагает наличие целостного представления о его содержательной структуре, которое можно составить действительно лишь «под

функциональным углом зрения». Необходимость именно целостного представления о содержательной структуре текста обусловлена воздействием целого ряда различных экстралингвистических факторов.

Когнитивно-дискурсивно-стилистический подход синтезирует по существу различные экстралингвистические факторы, оказывающие влияние на создание текста. Какие это факторы? Прежде всего стилеобразующие, значит, сильнодействующие. В современной функциональной стилистике установлено, что основной, базовый, комплекс стилеобразующих факторов составляют формы общественного сознания, соответствующие им виды деятельности и сферы общения [Кожина 1968; Кожина, Дускаева, Салимовский 2008]. Очевидно, что *формы, виды и сферы* – это номинации таких понятий, которые абстрагированы от речевой действительности и соотнесены с весьма высоким уровнем обобщения. Внимание же к реальному тексту позволяет определить другие совокупности экстралингвистических факторов, получившие название дискурсивных факторов, в частности таких, как субъект научно-познавательной деятельности, стиль мышления автора, этапы познавательной деятельности, ее структура, область научного знания и др. [Котьюрова 1988, 2008, 2011, 2012; Котьюрова, Соловьева 2017, 2019]. Важно отметить, что дискурсивные факторы также абстрагированы от речевой действительности, не менее сложны в познавательном отношении. Компонентом *когнитивный* в номинации рассматриваемого подхода мы акцентируем значимость влияния когнитивных характеристик субъекта познавательной деятельности с доминирующим стилем мышления – дискретно-логическим, континуально-психологическим, метафорическим или критическим [Котьюрова, Тихомирова, Соловьева 2011].

Представляется возможным (и необходимым) воспользоваться общеизвестной информацией из науковедения о том, что знание можно рассматривать разнопланово: и с позиций формальной логики (научные понятия, обобщения, концепции, теории, законы), т. е. в плане его результативности, и в динамике, т. е. в процессе его получения. В связи с этим бесспорно, что не может быть одинаково изложено знание, логически структурированное (например, классификация как результат расположения предметов, явлений на одном основании / шкале), и знание, получаемое интуитивно, нередко из фактов, «рассеянных» в познавательном пространстве; знание, полученное либо экспериментально, либо из конфликта концепций; в конце концов, знание эмпирическое и теоретическое. В связи с этим

подчеркнем, что разнообразие, объемность, богатство научного знания обуславливают необходимость мягкого подхода (заметим: не снисходительного!) к оценке научного текста и его содержания. Мягкий подход имеет вполне определенное основание, соотносимое с возникновением как совершенно различных видов знания, так и тесно связанных с первоначальными, пусть и отпочковавшихся от них. Очевидно, что специфика видов знания так или иначе проявляется в тексте.

3. Совокупность терминов в тексте представляет собой ориентир для читателя любого научного произведения. Такая совокупность объединяет исходные, основные и уточняющие терминированные понятия. К **исходным** относим известные адресанту и адресату так называемые фоновые, терминированные понятия, не определяемые в тексте. Несмотря на их по существу периферийный характер, исходные понятия выполняют в тексте важную коммуникативную функцию объединения автора и читателя благодаря формированию общего когнитивного пространства. В данной работе фоновыми как для автора, так и для читателя выступают следующие понятия: *условия* продуктивной исследовательской работы молодого ученого, в состав которых включается *интерес* к научному мышлению как психологический фактор процесса успешного познания; *последовательность* как принцип любой деятельности, в частности текстопорождения; *оценка* нового знания, выраженного в тексте.

В качестве **основного** понятия, т. е. «ростка», оберегаемого нами, культивируемого, уточняемого далее, из обширной стилистической проблематики, связанной со смысловой структурой научного текста, актуализируем понятие «эпистемическая ситуация». Это понятие предложено нами ранее [Котюрова 1988]. Представляется важным подчеркнуть, что оно выдвинуто и введено в оборот в пределах научной школы проф. М. Н. Кожинной, применяется и развивается, т. е. теоретизируется, не только в ряде других наших работ, но и в трудах коллег, в чем проявляется положительное влияние дискурса научной школы.

В понятии «эпистемическая ситуация» обобщен комплекс компонентов научно-познавательной деятельности, выступающий основанием смысловой структуры научного текста. Такое минимальное основание создается взаимодействием трех смысловых «поток», исходящих как от объекта, так и от субъекта познавательной деятельности, – онтологического, методологического и аксиологического. В свою очередь, только дискурсивно-стилистический подход позволил определить, что смысловая структура текста

является важнейшим системным параметром данного неповторимого коммуникативного явления. Смысловая структура выражена поверхностной стороной текста и обуславливает взаимосвязи текстовых единиц. Понятие эпистемической ситуации было конкретизировано Е. А. Баженовой за счет включения коммуникативного аспекта, также оказывающего влияние на формирование научного текста и определяющего его стилистическую специфику [Котюрова, Баженова 2018: 48].

Познавательная оценка, ее роль в получении научного знания пристально, скрупулезно рассмотрена Н. В. Данилевской (2005). Это исследование значительно обогатило понимание термина «эпистемическая ситуация». Важно подчеркнуть, что эпистемическая ситуация – это модель, которая может быть представлена в тексте весьма обобщенно, лаконично, кратко совокупностью номинаций характеристик научного знания. См., например, совокупности номинаций, представленных в заглавиях (онтологическая характеристика выделена **полужирным** шрифтом, методологическая – **полужирным курсивом**, аксиологическая – **светлым курсивом**): **Лингвокультурный концепт как единица исследования**; **Категории научного текста: функционально-стилистический аспект**; **Философские основы теории индивидуальности человека**). В основном тексте совокупности номинаций фиксируют ту или иную эпистемическую ситуацию полно, развернуто, преимущественно в обобщающих частях текста, а именно в выводах и заключении, а также в аннотации, концентрированно представляющей основные положения исследования. Важно, что каждый параметр эпистемической ситуации «заполнен» в соответствии с «эпистемической волей» автора, т. е. под влиянием его познавательно-коммуникативной индивидуальности.

Понимание эпистемической ситуации в качестве модели привело Л. В. Кушнину к использованию этого термина в переводоведении (что особенно актуально в контексте глобализации научного знания), а также в практике перевода с французского языка на русский аннотаций к монографиям.

4. Трудности вхождения понятия эпистемической ситуации в научный оборот. С трудностью восприятия стилистического термина мы сталкиваемся нередко. Вот случай... В 1962 г. на заседании кафедры М. Н. Кожина (в то время доцент) аргументирует различия художественного и научного стилей парами терминированных понятий: «художественно-образная конкретизация – понятийная конкретизация» и «комплексная конкретизация – комплексная абстрактизация». И сейчас помню, как показалось тогда,

полное неприятие различий, лишь в современной стилистике совершенно ясных для специалиста и вполне доступных пониманию студента... А М. Н. Кожина и не думала «сдаваться» (как это важно в науке!), ее научное мышление было неостановимо, и в 1966 г. появилась монография «О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики». Две главы книги специально посвящены описанию специфики важнейших – в научном и социальном отношениях – функциональных стилей. Тончайший анализ *конкретного* материала не может не убедить любого непредвзятого читателя в том, что специфика использования языка заключается именно в *качественно-функциональном* отношении, что должно составить предмет будущих стилистических исследований [Кожина 1966: 210]. При этом специфика речевых разновидностей, соотносимых с функциональными стилями, может быть *понята* «непременно при комплексном подходе» [там же: 10], значит, не только в пределах собственно лингвистики, но и в содружестве с другими, прежде всего смежными, науками. На мой взгляд, в этих словах заключен основной пафос-завещание проф. М. Н. Кожиной своим ученикам и последователям.

Завет Учителя (известно: мы не маугли, лишённые социального контекста) обусловил мою ориентацию на психологию научного творчества, что позволило пересмотреть и уточнить бытующее *в то время* мнение об «отсутствии индивидуализации» [Кожина 1968: 204] как свойства научного функционального стиля речи. Давало свои плоды и правило, усвоенное с первого курса филологического факультета. Приведу его в формулировке из той же статьи С. С. Аверинцева: «Слово и текст должны быть для настоящей филологии существенней, чем самая блистательная “концепция”» [Аверинцев 1969: 100]. Естественному ходу познавательного процесса присуще внимание не просто к мысли ученого (что является целью любого читателя), но к мысли, выраженной в тексте специально отобранными языковыми единицами (как? каким образом? почему именно такими? в чем проявилось, по С. С. Аверинцеву, «авторское своеволие»?). Как помнится, именно такое пристальное внимание к анализируемым текстам из трудов ученых в области гуманитарных и естественных наук привело к разработке концепции идиостилистики научной речи [Кот'yорова, Тихомирова, Соловьева 2011]. Кстати, важно отметить, что данная концепция, несомненно, подтверждает жизнеспособность теории функциональной стилистики, возможность открывать и формулировать новые – с учетом развития как лингвистики, так и смежных наук (логики, психологии творческо-

го мышления, психолингвистики, социологии, социопсихолингвистики и других) – проблемы, ставить новые задачи и находить непростые решения. Это лишь один пример, свидетельствующий о реальной динамике научного знания, если оно соответствует общенаучным принципам его формирования, т. е. получения и оформления (см. об этом, например: [Комарова 2012]).

5. Прописные истины. Рассмотрим дискурсивные «ловушки», сопровождающие познавательно-коммуникативную деятельность исследователя, – познавательно-психологические и текстоцентрические. Эти моменты в разной степени переживает каждый исследователь, именно поэтому нам представляется возможным считать их *прописными истинами*. Мы остановимся на некоторых, связанных между собой лишь опосредованно – пределами дискурса познавательно-коммуникативной деятельности.

На основании многолетней исследовательской работы обратим внимание прежде всего на моменты не собственно лингвистические (ясно, что они различны), а неизбежные психологические. Из них «вечнозеленым», первично актуальным представляется *интерес* в качестве «чисто» психологической составляющей познавательной деятельности. Это, можно сказать, движущая сила творческой личности молодого ученого. Вот и **первая истина!** Я имею в виду отнюдь не только тот интерес, который как искра вспыхивает и неожиданно угасает, но главным образом устойчивый, стабильный познавательный интерес, освещающий всю деятельность ученого. Разумеется, в разных обстоятельствах может возникнуть интерес либо к самому предмету, т. е. «центру» познавательной деятельности, либо к «периферии», т. е. дискурсивному окружению предмета. Может быть, на основе ранее полученного знания (например, при частичном знакомстве с обширной литературой вопроса о творчестве А. С. Пушкина) или благодаря «познавательному любопытству», когда речь идет о совершенно незнакомом предмете / явлении. Кстати, интерес к предмету как научному понятию может совершенно отсутствовать, однако в процессе преодоления «познавательной неприязни» приходит вознаграждение – состояние исследователя, кажется, близкое к «интеллектуальной любви». Несомненно, иногда «привлекающую» роль играет увлеченность научного руководителя исследовательской деятельностью, его обаяние, харизматичность...

...Впрочем, здесь всё индивидуально. Однако самое главное состоит в том, что интерес, увлеченность охватывает именно познавательную деятельность, процесс мышления, саму мысль. Это условие осложняется проблемой соотноше-

ния мышления и речи, необходимостью придать мысли речевую форму.

В связи со сказанным обратим внимание на такую «мелочь» при порождении научного текста, как несовпадение мысли и речи. Известна сугубо психологическая трудность при написании текста, обусловленная «соблазном поспешности», который приходится преодолевать при развертывании «сгустка» мысли в линейную структуру. В процессе создания текста необходимо соблюдать прежде всего принцип *последовательности* описания тех или иных этапов исследования. Это **вторая истина**. Нельзя не учитывать мгновенность мысли, в отличие от линейной словесной процессуальности, протяженности ее текстового облачения. Познавательный и собственно речевой ритмы деятельности могут не совпадать, причем неполнота выражения мысли автору не мешает (ему «всё понятно»), для читателя же (всегда непредсказуемого) чрезвычайно важно, чтобы текст был доступен пониманию, а значит, должен быть «гармонично плотным», не страдающим ни «рыхлостью», ни «вязкостью» (см. о типах текста: [Котюрова, Тихомирова, Соловьева 2011]).

Подчеркнем, что автору важно учитывать *последовательность* как простейший принцип любой деятельности, трактуемый применительно к порождению текста в качестве психолингвистической характеристики познавательно-коммуникативного процесса. При когнитивно-эмоциональном напряжении познавательная активность нередко не сопровождается психолингвистической готовностью, поскольку, как известно, мысль опережает порождение речи / текста. При этом познавательное нетерпение в одних случаях обуславливает скачкообразное движение мысли, что приводит – в лучшем случае – к достаточно легко восполняемым лакунам, в других же нарушение последовательности мысли, пропуск обширного фрагмента рассуждения обуславливает «мучительное непонимание» текста читателем. Именно поэтому важно держать под контролем психолингвистическую сторону процесса, стремясь к созданию гармоничного текста, иначе говоря, помнить: автору понятно *всё*, читателю – *в целом*, а сугубо вдумчивый читатель, например редактор, «недоволен» *частностями*.

Предваряя рассмотрение материала, подчеркнем, что для иллюстрации наличия «лакун» в тексте необходимы достаточно пространственные фрагменты (в отличие, например, от чисто логических ошибок, легко выявляемых в минимальном контексте). Рассмотрим фрагмент текста:

Изучение экономической картины мира связано с рядом трудностей, напрямую связанных с характером экономического знания. Экономика,

с данной точки зрения, является «наукой на распутье»: с одной стороны, это «точная эмпирическая наука, опирающаяся на математический анализ и определяющая закономерности (законы, нормы) человеческого поведения при ведении хозяйства».

С другой стороны, вся история человека, на протяжении которой он ведет хозяйственную деятельность, исследует ее, отмечена «всплесками» и «спадами» активности и качественным изменением экономических реалий и самого экономического процесса. Недавние экономические потрясения убедительно доказали, что экономика не может быть сведена к математическим или статистическим расчетам и определенным точным закономерностям, так как в основе своей является социальной наукой и принципиально зависит от ценностных доминант культуры нации.

Автор интерпретирует (выражает субъективное мнение) явления объективной экономической картины мира, определяя трудности ее изучения, связанные с характером экономического знания. Ясно, что для успешной коммуникации необходима как теоретическая, так и эмпирическая компетенция автора и читателя – так называемое фоновое знание. Однако коммуниканты не могут обладать адекватным знанием. Этим обусловлена необходимость следовать *прописным истинам* текстообразования. «Пиком славы» научного текста является соответствие эталонному (хорошему) научному тексту. Модель «Качество эталонного текста» рассматривалась нами: [Котюрова, Баженова 2018; Котюрова 2012]. В реальных же научных текстах нередко наблюдается их несоответствие абстрактной модели, что приводит к различным погрешностям в тексте.

В приведенном отрывке обратим внимание на погрешности, связанные с нарушением последовательности в организации и выражении мысли автора:

1) в одном смысловом ряду использованы *метонимические значения* номинации *экономика*: ‘человеческое поведение при ведении хозяйства’ и ‘экономический процесс’, ‘экономические реалии’ и ‘точная эмпирическая наука’. Отсюда возникает «лакуна», требующая пояснения значений слова *экономика* в данном контексте;

2) противопоставление «с одной стороны – с другой стороны» содержательно непрозрачно, неясно для читателя, поскольку опущено выражение основания сопоставления: а) точная наука – в подтексте: *неточная наука*, б) эмпирическая наука – в подтексте: *теоретическая наука*; в) опирается на математический анализ – в подтексте: *не опирается* на математический анализ;

3) «интрига» противопоставления опирающаяся на математический анализ (в подтексте: может опираться) – не может быть сведена к математическим расчетам оказывается по существу «сдвинутой», поскольку употреблены семантически не противопоставленные выражения, обозначающие в данном контексте методологически нагруженные понятия, *опираться на математический анализ – быть сведенной к математическим расчетам*;

4) не учтены различия общеупотребительных значений слов и значений слов широкой семантики типа *анализ, подход, доказывать, статический и динамический аспекты изучения* экономической картины мира.

Необходимо отметить, что «поспешность» автора, приводящая к алогизмам, лакунам, ассоциативным отступлениям и т. д., не просто мешает восприятию «частного» содержания, но разрушает необходимую целостность сообщаемых положений (даже если целостность в общем достигнута).

Третья истина соотносится с одним из важнейших компонентов формируемой эпистемической ситуации – *оценкой* излагаемого научного знания. При его создании автор неизбежно должен формировать *эпистемическую* (научно-познавательную) *ситуацию* как смысловое единство таких компонентов, как: а) воспринятое из трудов предшественников исходное понятие, не определяемое в данном тексте; б) основное понятие, введенное автором и развиваемое им в тексте; в) уточняющие понятия, непосредственно относящиеся к основному терминированному понятию. Здесь каждый автор сталкивается с необходимостью решать технологическую задачу – как ввести предлагаемое терминированное понятие. Кажется, ясно, что необходимо дать определение этого понятия. Однако не случайно в науковедении и функциональной стилистике рассматриваются различные приемы введения научного понятия в текст, причем не только посредством определения, но и через описание. Значит, не всегда возможно дать определение, особенно дефиницию, т. е. отнести к общему и охарактеризовать частные свойства предмета / явления. Пример из науковедения: широко известно терминированное понятие *пушистое множество*, не имеющее общепринятого определения. [Нечеткое множество (иногда размытое, расплывчатое, туманное, пушистое) – понятие, введенное Лотфи Заде в 1965 г. в статье «Fuzzy Sets».] Л. Заде расширил классическое канторовское понятие множества, допустив, что характеристическая функция (функция принадлежности элемента множеству) может принимать любые значения в интервале 0,1, а не только значения 0

или 1. Является базовым понятием нечеткой логики [Заде, Лотфи]. На основании, конечно, не только этого, но и многих других терминов, не получивших строгого определения в науке на современном этапе ее развития, мы и говорим о мягкой **оценке** изложенного в той или иной статье научного знания – знания, динамичного в процессе и получения, и оформления, и постоянного развития.

«Дискурсивная ловушка» здесь связана с психологией мышления и речи, а именно со степенью категоричности выражения оценки. Мы приходим к выводу о необходимости мягкой оценки эпистемической ситуации – оценки, предполагающей единство узкого и широкого взгляда на научный текст. Уточним, что здесь речь идет не о снисходительности к автору или осуществленному исследованию, а о совмещении узкого и широкого взгляда на текст научного произведения.

Узкий взгляд мы соотносим с оценкой *от адресанта*, которому «всё понятно», который организует содержание текста в соответствии со своей познавательной компетенцией, методологической установкой, психолингвистической готовностью к порождению текста. При этом автор нередко допускает погрешности в виде «лакун» либо «топтания» вокруг не основных, а уточняющих понятий, тем самым допуская неполноту, скачкообразное движение мысли, нелогичность или перегружая текст избыточной информацией, делая «вязким», что определенно затрудняет его восприятие читателем. Такой взгляд на текст опирается на индуктивный путь познания – движение от частного к общему.

Широкий взгляд на научный текст мы соотносим с оценкой *от адресата*, который не ограничен рамками эксплицированного, т. е. «видимого», текста – текста вне дискурсивной установки. В таком случае автор (и читатель) неизбежно стремится организовать движение своей мысли, учитывая представление не только о формально-логических требованиях к речи, но и об *эталонном* академическом тексте, его модели, абстрактной схеме концепции: идея – гипотеза – аргументы (теоретические и эмпирические) – обобщения – выводы. Действительно, такой подход к оценке научного текста вполне можно считать широким (дедуктивным), поскольку он основывается не на реальном процессе получения нового знания, а на общем представлении о некоем абстрактном (идеальном) тексте, мифе, ожидании, мечте о нем. Вместе с тем только широкий (вне связи с узким) взгляд на текст при его оценке можно считать ограниченным. В статье об эффективности научных текстов проф. О. Б. Сиротина совершенно справедливо пи-

шет: «Лингвисту необходимо помнить, что дедукция в отношении исследования речи **очень опасна**: всегда (или во всяком случае нередко) можно найти в безбрежном океане речи какие-то случайные ее факты в подтверждение своей на самом деле неоправдавшейся гипотезы» [Сиротина 2019: 266]. Оценка реального содержания научного текста, несомненно, должна объединять узкий и широкий взгляд на текст, иначе говоря, основываться на когнитивно-дискурсивно-стилистическом подходе к научному тексту. Значит, соответствовать мягкому – индуктивно-дедуктивному – оценочному принципу, управляющему и порождением, и восприятием научного, особенно теоретического, текста как уникального коммуникативного феномена. Подчеркнем: уникального, а не универсального.

Для подтверждения такого обобщения обратимся к жанру статьи – наиболее распространенному, типичному в научной сфере коммуникации. Здесь нельзя обойти такой сильнодействующий социальный фактор, как глобализация. Это один из важнейших факторов развития научного знания. В свою очередь, это основополагающее положение является **дедуктивным**, т. е. общим для научного мышления, научного творчества, динамики научного знания в целом. Поэтому, на наш взгляд, отнюдь не в каждой из 16–18 разновидностей статей, известных в стилистике научной речи, необходимо актуализировать, следуя инструкции, такие общие параметры, как актуальность, теоретическая и практическая значимость, новизна по отношению к зарубежным исследованиям. Не случайно эти параметры описываются стереотипно, как бы «под копирку», не удивляя читателя «неожиданной» информацией. В то же время механическая борьба с плагиатом, распространяемая на «автоплагиат», сопровождается избыточным запретом на цитирование концептуально важных положений, разработанных автором ранее. Без такого выдвигания (посредством повторения) ценная как для общего фонда научного знания, так и для научного социума статья может оказаться невостребованной (см. об этом: [Котюрова, Кушникова 2015]).

Размышляя о прописных истинах для молодого исследователя научного текста (и не только научного, что естественно для речеведения), приходим к следующему обобщению. Функциональный подход к изучению текста, конкретизированный в качестве когнитивно-дискурсивно-стилистического, может быть осуществлен благодаря применению и развитию терминированного понятия «эпистемическая ситуация», которое может выполнять разные функции: 1) *фоновое понятие* о познавательном пространстве; 2) *модель* смысловой структуры целого научного

текста, а также фрагмента не только основного текста (дефиниции, описания понятий, обобщения, выводы и др.), но и фрагмента, представляющего собой периферийный текст (заголовок, оглавление, аннотацию и др.); 3) *единица* смысловой структуры научного текста. Такое наполнение содержания терминированного понятия «эпистемическая ситуация» способствует формированию голографического представления о микро- и макроструктуре научного текста, значит, возможности его изучения «с любой точки отсчета».

Завершая рассуждение о «дискурсивных ловушках» речеведения, пожелаю молодому исследователю поддаться очарованию научным познанием, научной мыслью, зафиксированной в тексте, и прорываться в эпистемическое пространство, чтобы внести посильный вклад в изучение неисчерпаемой проблематики научного текста.

Список литературы

- Аверинцев С. С. Похвальное слово филологии // Юность. 1969. № 1. С. 98–102.
- Баженова Е. А. Дискурсивно-стилистический подход к изучению научного текста // Стилистика–XIV. 2005. С. 317–334.
- Баженова Е. А. Аксиологическое пространство научного текста // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. междунар. науч. конф. (15–17 окт. 2019 г.). Екатеринбург: Изд. дом «Азур». 2019. С. 13–14.
- Виноградов В. В. Предисловие к книге А. И. Ефимова «Стилистика русского языка». М.: Просвещение, 1969. С. 3–10.
- Гайда Ст. Что есть стиль? // Стереотипность и творчество в тексте / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2010. Вып. 14. С. 99–102.
- Данилевская Н. В. Роль оценки в механизмах развертывания научного текста / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2005. 380 с.
- Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М.: Мир, 1976. 166 с.
- Заде Л. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 27.06.2019).
- Кожина М. Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики / Перм. ун-т. Пермь, 1966. 213 с.
- Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. / Перм. ун-т. Пермь, 1972. 395 с.
- Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. 818 с.
- Котюрова М. П. Когнитивно-функционально-стилистический подход к культуре письменной

речи // Стереотипность и творчество в тексте / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2005. Вып. 9. С. 120–127.

Котюрова М. П. О выражении субъекта знания в научной речи (на материале русского языка) // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М.: Наука, 1986. С. 73–85.

Котюрова М. П., Баженова Е. А. Культура научной речи: текст и его редактирование. М.: Флинта, 2018. 280 с.

Котюрова М. П., Кушнина Л. В. О девальвации и (не)востребованности научного знания // Стереотипность и творчество в тексте / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2015. Вып. 19. С. 69–82.

Котюрова М. П., Тихомирова Л. С., Соловьева Н. В. Идиостилистика научной речи. Наши представления о речевой индивидуальности ученого / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2011. 394 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1987. 797 с.

Сиротинина О. Б. Есть ли специфика в достижении эффективности научных текстов? // Филология в XXI веке. 2019. Спецвыпуск. С. 264–270.

References

Averintsev S. S. Pokhval'noe slovo filologii [The word of praise to philology]. *Yunost'* [Youth], 1969, issue 1, pp. 98–102. (In Russ.)

Bazhenova E. A. Diskursivno-stilisticheskiy podkhod k izucheniyu nauchnogo teksta [Discourse-stylistic approach to studying scientific text]. *Stilistika-XIV* [Stylistics-XIV], 2005, pp. 317–334. (In Russ.)

Bazhenova E. A. Aksiologicheskoe prostranstvo nauchnogo teksta [Axiological space of scientific text]. *Aksiologicheskie aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy: Tezisy dokladov mezhdunar. nauch. konf. (15–17 oktyabrya 2019 g.)* [Axiological aspects of modern philological research: Proceedings of an international scientific conference (October 15–17, 2019)]. Yekaterinburg, AZUR Publ., 2019, pp. 13–14. (In Russ.)

Vinogradov V. V. Predislovie k knige A. I. Efimova 'Stilistika russkogo yazyka' [Preface to the book 'Russian stylistics' by A. I. Efimov]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1969, pp. 3–10. (In Russ.)

Gaida St. Chto est' stil'? [What is the style?]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotype and creativity of the text]. Perm, Perm State University Press, 2010, issue 14, pp. 99–102. (In Russ.)

Danilevskaya N. V. Rol' otsenki v mekhanizmax razvertyvaniya nauchnogo teksta [The role of evaluation in deployment mechanisms of scientific text]. Perm, Perm State University Press, 2005. 380 p. (In Russ.)

Zadeh L. Ponyatie lingvisticheskoy peremennoy i ego primeneniye k prinyatiyu priblizhennykh resheniy

[The concept of a linguistic variable and its application to approximate reasoning]. Moscow, Mir Publ., 1976. 166 p. (In Russ.)

Zadeh Lotfi. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed 27.06.2019). (In Russ.)

Kozhina M. N. O spetsifike khudozhestvennoy i nauchnoy rechi v aspekte funktsional'noy stilistiki [On the specific features of artistic and scientific speech in terms of functional stylistics]. Perm, Perm State University Press, 1966. 213 p. (In Russ.)

Kozhina M. N. O rechevoy sistemnosti nauchnogo stilya sravnitel'no s nekotorymi drugimi [On the speech systemic nature of the scientific style in comparison with some others]. Perm, Perm State University Press, 1972. 395 p. (In Russ.)

Komarova Z. I. Metodologiya, metod, metodika i tekhnologiya nauchnykh issledovaniy v lingvistike [Methodology, method, techniques and technology of scientific linguistic studies]. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 2012. 818 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P. Kognitivno-funktsional'no-stilisticheskiy podkhod k kul'ture pis'mennoy rechi [Cognitive-functional-stylistic approach to written speech culture]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotype and creativity of the text]. Perm, Perm State University Press, 2005, issue 9, pp. 120–127. (In Russ.)

Kotyurova M. P. O vyrazhenii sub'ekta znaniya v nauchnoy rechi (na materiale russkogo yazyka) [Knowledge subject representation in scientific speech (a case study of the Russian language)]. *Obshchie i chastnye problemy funktsional'nykh stiley* [General and particular issues of functional styles]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 73–85. (In Russ.)

Kotyurova M. P., Bazhenova E. A. Kul'tura nauchnoy rechi: tekst i ego redaktirovaniye [Culture of scientific speech: text and its editing]. Moscow, Flinta Publ., 2018. 279 p. (In Russ.)

Kotyurova M. P., Kushnina L. V. O deval'vatsii i (ne)vostrebovanosti nauchnogo znaniya [On the devaluation and slack demand for scientific knowledge]. *Stereotipnost' i tvorchestvo v tekste* [Stereotype and creativity of the text]. Perm, Perm State University Press, 2015, issue 19, pp. 69–82. (In Russ.)

Kotyurova M. P., Tikhomirova L. S., Solov'eva N. V. Idiostilistika nauchnoy rechi. Nashi predstavleniya o rechevoy individual'nosti uchenogo [Idiostylistics of scientific speech. Our ideas about a scientist's speech individuality]. Perm, Perm State University Press, 2011. 394 p. (In Russ.)

Ozhegov S. I. Slovar' russkogo yazyka [The Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russkiy Yazyk Publ., 1987. 797 p. (In Russ.)

Sirotinina O. B. Est' li spetsifika v dostizhenii effektivnosti nauchnykh tekstov? [Are there any specific features in achieving the effectiveness of scientific text?] *Filologiya v 21 veke* [Philology in the 21st century], 2019, special issue, pp. 264–270. (In Russ.)

DISCOURSE 'TRAPS' OR TRUISMS OF STYLISTICS

Maria P. Kotyurova

Professor in the Department of Russian Language and Stylistics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. kotyurova@yandex.ru

SPIN-code: 1625-0504

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-5418-726X>

ResearcherID: N-9344-2017

Submitted 19.11.2019

The article discusses conditions of productive research in stylistics of scientific text that may be considered truisms for young scientists. In the first place, it is an interest in scientific thinking as a psychological factor for successful learning; the role of this interest is represented in the paper in the framework of discourse context of research. A particular attention is paid to representation of text content – scientific knowledge, which is considered to be an epistemic situation covering the ontological essence of reality under research, methodological aspects of accomplished results, axiological aspects of knowledge in terms of its relevance and reliability in a broader epistemic context. The notion of epistemic situation is used as a model in two cases: 1) concerning the whole scientific knowledge, 2) concerning the actual scientific knowledge presented in a text. The significance of methodological aspects of epistemic situation is primarily associated with the general approach to a research object, namely the cognitive-discourse-stylistic approach to scientific text. The ontological essence of epistemic situation is represented in scientific text as a complex of terminological notions – initial, basic, and specializing ones. These notions form an information density of a text. The axiological aspects are represented as a mild approach to assessing epistemic situation. This approach implies combination of a narrow and a broad view on text formation and perception.

Key words: scientific text; cognitive interest; cognitive-discourse-stylistic approach to text; epistemic situation as a sense unit of text; mild assessment of scientific text content.

УДК [81'373.612.2:81'42](430)
doi 10.17072/2073-6681-2020-1-45-57

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ В НЕМЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ, ПОСВЯЩЕННОМ ПОСТСОВЕТСКИМ МИГРАНТАМ В ГЕРМАНИИ

Лариса Григорьевна Лапина

к. филол. н., доцент кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. lapina48@mail.ru

SPIN-код: 4181-4364

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7550-7779>

ResearcherID: D-8543-2017

Евгения Витальевна Лапина

к. филол. н., доцент кафедры лингводидактики

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. janerm@list.ru

SPIN-код: 1609-1628

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2091-0840>

ResearcherID: D-1049-2017

Статья поступила в редакцию 26.11.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лапина Л. Г., Лапина Е. В. Метафорическое представление кризиса идентичности в немецком общественном дискурсе, посвященном постсоветским мигрантам в Германии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 45–57. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-45-57

Please cite this article in English as:

Lapina L. G., Lapina E. V. Metaforicheskoe predstavlenie krizisa identichnosti v nemetskom obshchestvennom diskurse, posvyashchennom postsovetskim migrantam v Germanii [Metaphoric Representation of the Identity Crisis in German Social Discourse on Post-Soviet Migrants in Germany]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 1, pp. 45–57. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-45-57 (In Russ.)

Рассматриваются способы метафорического представления кризиса идентичности в немецком общественном дискурсе, посвященном постсоветским мигрантам в Германии. В современном западноевропейском обществе вместе с ростом миграционных процессов и социально-культурными трансформациями понятие кризиса идентичности мигрантов становится все более релевантным. Для Германии эта тема приобрела особую актуальность с точки зрения перспектив и вызовов успешной интеграции представителей разных миграционных потоков. В данной статье анализируются когнитивные метафоры кризиса идентичности постсоветских мигрантов. Во внимание принимаются исторические и законодательные предпосылки возникновения этого сообщества, а также присущая ему специфика формирования и переживания кризиса идентичности.

Делается вывод о том, что языковое сопровождение и осмысление в эссе комплексных общественных процессов, к которым относится миграционное движение, неизбежно сопровождается появлением и актуализацией в тексте пространственных метафорических моделей, связанных с разграничением пространств и с нахождением и перемещением в этих пространствах субъектов миграции. В процессе развертывания базовые пространственные метафоры обрастают разветвленной сетью со-

относительных вторичных метафорических номинаций. Особое значение в составе базовых пространственных метафор имеет функционирование причастных форм: они подчеркивают процессуальный характер миграции: динамику перемещения мигрантов и проявления кризиса идентичности в условиях гетерогенного миграционного общества.

Ключевые слова: метафора; общественный дискурс; миграционное общество; постсоветские мигранты; кризис идентичности.

Интенсивные миграционные процессы второй половины XX – начала XXI в. нашли отражение в немецком общественном дискурсе. Вопросы интеграции мигрантов в немецкое общество, проявление толерантности по отношению к ним, с одной стороны, и неприязненного отношения, с другой стороны, уже несколько десятилетий являются объектом многочисленных исследований. Особенно актуальными оказываются при этом проблемы кризиса идентичности как представителей принимающего общества, так и членов миграционного сообщества. Показательными являются, например, заявления о том, что миграционный кризис подрывает основы немецкого общества и особенно его средний слой (“die Mitte der Gesellschaft”), что беженцы изменяют Германию (“Flüchtlinge verändern Deutschland”), что в миграционных обществах, к которым относится и Германия, общество начинает воспринимать себя вне рамок национального государства (“Vergesellschaftung jenseits des Nationalstaates”), что в кризисные времена необходимо переосмысление понятия национальной идентичности (“nationale Identität in Krisenzeiten”) [Zufluchtsgesellschaft Deutschlands 2016]. У кризиса идентичности есть и лингвистические аспекты: изучение языковых механизмов и миграционного лексикона, ведущих к обогащению общественного дискурса (обозначение участников миграционных процессов, этапов миграции, противоборствующих сторон миграционного кризиса и т. п.). В меньшей степени лингвистические исследования ведутся на уровне текста, что определяет новизну данного исследования. В частности, действенным средством осмысления кризиса идентичности является обращение к его развернутому метафорическому представлению в тексте.

Понятие кризиса идентичности во многом связано с идеями американского психолога Э. Эриксона, отмечавшего, что идентичность индивида основывается на двух принципиальных признаках: на ощущении тождества самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве. Важно также, чтобы и тождество и непрерывность признавались окружающими [Эриксон 2006: 58–59].

Как правило, остро встает вопрос об идентичности личности, основывающейся на языке и ли-

тературе, искусстве и социальных практиках, обычаях и нравах, иначе говоря, элементах, обеспечивающих осознание культурной общности и представляющих ее память. В результате эмиграции изменяются языковые и ценностные ориентиры, новое окружение не следует устоявшимся правилам и нормам поведения. Кризис представлений о пространственной и временной непрерывности идентичности личности коренным образом меняет структуру этой идентичности. Идентичности мигранта могут меняться в течение относительно короткого периода времени, превращая стабильную в социальном плане личность в переселенца с неопределенным статусом. Идентичности могут также накладываться одна на другую, создавая множественную, гибридную идентичность. По мнению культурологов, гибридизация ассоциируется с ощущением промежуточности своего существования на данном этапе, пребывания между прошлыми и будущими образами идентичности: “in-between the designations of identity, ... this interstitial passage between fixed indications opens up the possibility of a cultural hybridity” [Bhabha 2004: 4]. Идеи национальной и культурной идентичности резко обострились в Европе в связи с миграционным кризисом 2015–2016 гг., когда в центре внимания оказались беженцы из зон военных конфликтов и регионов экономического бедствия. Однако миграционный кризис сказался также и на других потоках переселенцев, которые внешне вполне благополучно интегрировались в немецкое общество.

Оказавшись с середины XX в. в эпицентре миграционного движения, Германия приняла или пересмотрела целый ряд законов с целью упорядочения процесса миграции. Так, в 2010 г. федеральное министерство по труду и социальной политике уточнило ключевые понятия «лицо с миграционным прошлым» (“Person mit Migrationshintergrund”), «переселенец» (“Aussiedler”) и «поздний переселенец» (“Spätaussiedler”) [Verordnung zur Erhebung der Merkmale des Migrationshintergrundes 2010]. В 2017 г. в Законе о беженцах [Asylgesetz 2017] был унифицирован статус беженца (Asylbewerber); первая версия этого закона была принята еще в 1992 г. и подверглась коррекции в 2008 г. Закон о беженцах является сегодня основным законодательным актом по миграции в Германии.

В данной статье мы обращаемся к одному из потоков переселенцев, выезжавших в Германию из бывших республик Советского Союза. Как известно, практика выдачи разрешений на выезд в Германию стала складываться в Советском Союзе после вступления в силу 1 января 1987 г. соответствующего закона. Приток в Германию переселенцев из России практически прекратился в 2006 г. В Германии правовая сторона возвращения немцев на историческую родину регулировалась ст. 116, абз. 1 Основного закона ФРГ [Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland 2014] и Федеральным законом по делам изгнанных и беженцев от 19.05.1953 [Bundesvertriebenengesetz 2009], который был обнародован в новой версии 10.08.2007 и частично изменен 06.07.2009. При въезде в страну этим категориям лиц сразу же предоставлялись все гражданские права и помощь в интеграции.

Существенную часть этого миграционного потока, согласно Закону по делам изгнанных и беженцев, составляли российские немцы, до 31.12.1992 имевшие статус переселенцев (Ausiedler), а затем получившие статус поздних переселенцев (Spätaussiedler). Наряду с российскими немцами, начиная с 1990 г. из республик бывшего Советского Союза (в особенности, из таких крупных городов, как Москва, Петербург, Рига, Киев, Днепрпетровск и Одесса) в Германию на специальных условиях прибыли также 215 000 евреев и членов их семей, которые получили статус особого контингента беженцев (jüdische Kontingentflüchtlinge). Контингент еврейских беженцев отличался некоторыми социологическими характеристиками, особым употреблением языка и средств массовой информации, политическими установками и отношением к Советскому Союзу и России, однако не считался проблемной категорией переселенцев, так как на них распространялись особые условия приема в Германии.

Материалом для нашего анализа послужило эссе Дмитрия Капительмана “Was ist Heimat? Im Camp der Bestmöglichangekommenen” [Kapitelman 2017]¹, немецкого писателя и журналиста с еврейскими корнями, родившегося в 1986 г. в Киеве и выехавшего в 1994 г. в Германию вместе с родителями в составе особого контингента еврейских беженцев. В эссе представлена миграционная проблематика, которая касается поздних переселенцев. Обращение к ней показательное хотя бы потому, что тема интеграции в Германии постсоветских мигрантов казалась к моменту написания эссе уже практически исчерпанной. Однако эссе показало, что внешне благополучно прошедшая интеграция поздних переселенцев в

Германии оставила глубокие следы в их судьбе и ментальном лексиконе. Это утверждение касается, впрочем, не только особого контингента еврейских беженцев, но и турецких гастарбайтеров [Özdamar 2004] и переселенцев других национальностей.

Одним из ключевых понятий эссе Дмитрия Капительмана является понятие родины (Heimat), вынесенное в заглавие. Автор-мигрант пытается дать ответ на вопрос “Was ist Heimat?” («Что такое родина?»). Поскольку однозначного ответа на этот вопрос у лиц с миграционным прошлым, как правило, не существует, у них может возникнуть кризис идентичности. Толковые словари интерпретируют семантику слова “Heimat” как место, в котором человек чувствует себя дома, как место рождения, место проживания, отечество (“Ort, an dem man zu Hause ist, Geburts-, Wohnort; ... Vaterland”), а смысловой объем соотносительного понятия “Heim” как “Wohnung, Haushalt (bes. einer Familie); Wohnstätte für einen bestimmten Personenkreis”. В древне-верхне-немецком языке “Heim” имело значение “Heimat, Wohnort, Haus” [Wahrig 1997: 613].

В качестве предмета исследования выступили текстовые репрезентации когнитивной метафоры гибридной идентичности в эссе Д. Капительмана. Эссеистику как своего рода художественно-документальную литературу, «литературу факта» [Спивак-Лаврова 2018: 115], основывающуюся на собственном жизненном опыте и рефлексии, связанной с этим опытом, но в то же время имеющую ярко выраженное общественное звучание, мы относим к ярким текстовым репрезентациям общественного дискурса. Свойственное эссе ассоциативное и свободное по форме изложение позволяет органично сочетать элементы документалистики, актуальность и полемическую заостренность с выходом на самые «неудобные» политические и социальные проблемы, субъективный отбор фактов и их эмоциональное предъявление, пронзительную самоиронию. Как правило, эссе не претендует на исчерпывающее освещение предмета, оно допускает различные интерпретации. Присущая эссе полифоничность наиболее полно соответствует структуре множественной идентичности. Исследователи жанровой поэтики эссе видят ее неразрывную связь с метафорическим моделированием действительности: «Эссе задает утопическую перспективу, заставляя автора экспериментировать с теми сюжетами и мотивами, лексическими и метафорическими конструкциями, которые с точки зрения общепринятой поэтики следовало бы признать невозможными» [Голышко-Вольфсон 2010: 202].

Возобновление интереса к жизненным траекториям мигрантов из бывших республик Советского Союза повлекло за собой необходимость уточнения понятий, связанных с их статусом [Panagiotidis 2017]. Так, Я. Панагиотидис предлагает называть всех выходцев из бывшего Советского Союза постсоветскими мигрантами (“post-sowjetische Migranten”), а не русскоязычными, как было ранее. Собирательное понятие “post-sowjetische Migranten” базируется, по его мнению, на статистически достоверной категории страны происхождения, а не на расплывчатом критерии языка, тем более что русскоязычное население Германии представляет собой довольно разнородную группу людей численностью (по разным оценкам) от 3 до 6 миллионов человек при весьма разном уровне владения русским языком [Panagiotidis 2017: 23].

Как оказалось, постсоветских мигрантов в Германии не миновал кризис идентичности, действенным средством осмысления которого в общественном дискурсе оказывается метафора. Результаты многочисленных исследований в области когнитивистики свидетельствуют о том, что человеку свойственно метафорическое восприятие окружающей действительности [Лакофф, Джонсон 2004: 195]. К. Тилли указывает, что по существу вся привычная для человека категориальная система метафорична, т. к. основана на способности человека к аналоговому мышлению [Tilley 1999: 16].

Со времен Аристотеля метафору классифицировали как сокращенное сравнение; представители традиционной теории (Аристотель, В. В. Виноградов, В. Н. Телия, Э. Кассирер и др.) видели в ней образное и риторическое средство, принадлежащее поэтической речи. Однако в связи с возникновением когнитивистики и ее пристальным вниманием к ментальным операциям метафоризация была признана когнитивным процессом, структурирующим наше мышление и восприятие, когда «неизвестное становится известным, а известное, в свою очередь, совершенно новым» [Баранов, Караулов 1991: 190]. Концептуальная метафора – универсальный гносеологический механизм, способ концептуализации, категоризации, познания и объяснения мира [Лакофф, Джонсон 2004; Чудинов 2001]. Она позволяет нам упорядочить элементы окружающей действительности, служит продуктивным средством формирования вторичных номинаций, представляя сущности одной понятийной области через другую. Метафора формирует сознание человека, поскольку актуализирует в его мыслительной деятельности определенную систему связей и представлений. Именно поэтому

Дж. Лакофф говорил о метафорических моделях, с помощью которых мы структурируем мир вокруг нас. Метафорические модели выступают в языке как элементы целостной системы ассоциативных связей, которая фиксируется в сознании носителей языка. Данная система имеет регулярный характер, она устойчива и основывается на прочности когнитивных структур в ментальном мире человека.

Метафорические модели строятся на основе базисных представлений, во многом являющихся универсальными для общечеловеческой картины мира. Процесс метафоризации позволяет совместить практический и интеллектуальный опыт человека, универсальные категории и концепты определенной национальной картины мира, индивидуальные представления и сложившиеся и закрепленные культурой архетипические и мифические образы. В процессе освоения окружающей действительности субъект познания не только вербализует предметы и явления окружающего мира. С помощью аналогово-образных механизмов мышления, находящих выражение в языке через сопоставления, ассоциативные репрезентации и аналогии, он моделирует духовное пространство, в котором воплощаются нематериальные сущности. Будучи результатом процесса метафорического кодирования жизненного опыта, когнитивные фрагменты, не имеющие однозначных единиц измерения, получают конкретную (например, пространственную) интерпретацию, как это будет показано ниже на конкретном материале, а внутренний мир человека опредмечивается и становится доступным для научного анализа. В современных гуманитарных дисциплинах семантика метафор помогает составить представление о механизмах порождения, коммуникации и восприятия нового знания, а исследование распространенности тех или иных метафорических моделей является средством изучения культурно-исторической, социально-экономической и политической парадигм.

Концептуальная метафора и метафорическое моделирование весьма распространены в различных видах дискурса и являются одним из основных средств идейно-художественной концептуализации действительности. Сопоставительный анализ метафорического словоупотребления позволяет выделить доминантные метафорические модели, характерные для творчества того или иного автора, литературной школы или освещения определенной научной темы. В нашем случае метафоры, будучи проекцией национального и культурного сознания, способны передавать сложный комплекс представлений о миграционном обществе, преобразовывать подсознатель-

ные ощущения в систему вербальных репрезентаций противоречивого опыта лиц с миграционным прошлым.

В когнитивной лингвистике накоплен богатый опыт исследования метафоры как средства познания мира и репрезентации его в дискурсе. Вслед за Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, А. Н. Барановым, Ю. Н. Карауловым, А. П. Чудиновым, Э. В. Будаевым [Лакофф, Джонсон 2004; Баранов 1994; Баранов, Караулов 1991; Чудинов 2001; Будаев 2008] и другими исследователями под метафорой мы понимаем способ мышления, концептуализации и категоризации окружающей действительности, создающий целостную языковую картину мира. Метафорической основой мировидения является сам человек, его опыт, социальная среда и деятельность в процессе бытия [Веснина 2010: 50]. Ключевыми для анализа обычно становятся метафорические образы идентичности, рождающиеся на стыке культур.

Анализ текста эссе свидетельствует о том, что интеграция не есть ассимиляция, а дальнейшие поиски обострились в период миграционного кризиса проблемы идентичности, который во многом вызван и обусловлен несовместимостью жизненного опыта постсоветских переселенцев, накопленного ими до въезда в Германию, и реалий принимающей страны. Тем более что в некоторых случаях (например, при почти принудительной смене «неподходящих» имен и фамилий при переселении в Германию) германские ведомства действовали весьма настойчиво и жестко: “Meine Großeltern, Rachel und David Kapitelman, haben Leonid mal erklärt, dass der Name mit der langen Rabbitradiation der Familie zusammenhängt. Kapitelman ist im Jiddischen der besonders talmudkundige Mann, der gern und oft Kapitel aus der heiligen Schrift herbetet. Und weil mein Vater Angst davor hatte, dass die Antisemiten der Ukraine wünschen, dass mir Judenkind das Faringosept in der Kehle stecken bleiben möge, beschloss er, dass ich nicht Kapitelman heißen soll. Was heute, 21 Jahre nach unserer Auswanderung nach Germania, dazu führt, dass ich mit deutschen Behörden um mein Recht auf den Namen des Talmudkundigen ringe. Denn Namensänderungen für Bestmöglichangekommene mit ukrainischem Pass sind administrativ so unkompliziert wie die Wassersuche auf dem Mars” (5)².

Анализируемый текст имеет форму повествования от лица автора о поисках родины и своей идентичности, поскольку кризис идентичности налицо: автор сам обнаруживает в себе черты принадлежности к нескольким мирам и одновременно не является полноценной частью ни одного из них. Рефлексия автора по поводу этого

кризиса идентичности находится в центре повествования. Прибытие полуеврейской семьи в Германию в составе особого контингента беженцев в 1994 г. (даже спустя 21 год после этого события) – это не завершившаяся успешная история интеграции, как утверждают официальные источники, а незаживающий болезненный процесс: “Deswegen sitzen wir hier, die Integriertverlorenen, singen süßbitter und halten uns manchmal die Ohren zu, wenn die Lobreden losschleppern. Weil sie das Bild einer abgeschlossenen Erfolgsgeschichte verfestigen, wo in Wahrheit ein schmerzhafter Prozess weitertobt” (7).

Повествование не имеет строгих хронологических рамок, тем не менее в тексте разбросаны многочисленные упоминания актуальных событий недавнего и отдаленного прошлого, в том числе в форме привязанных к определенному месту и времени лингвострановедческих словреалий Советского Союза и России (“Rossiya 24”, “Hilfsgüter an dankbare syrische Kinder”, “Stalin”, “Nichtregierungsorganisationen”, “die NGOs”), Германии (“die Zugezogenen aus den Nachfolgestaaten der Sowjetunion”, „ein verschärftes Asylrecht und schnellere Abschiebungen”, “bevorstehende Bundestagswahlen”, “einen gesonderten deutschen Schuld kult mittragen”), Украины (“die Antisemiten der Ukraine”, “demokratisch gewählte ukrainische Diebe”) и Израиля (“Rabbitradiation der Familie”, “Kapitelman”, “der Talmudkundige”, “der besonders talmudkundige Mann”, “Jiddisch Hanukkah”, “Gesetze der Halacha”, “Museum of the Jewish People”, “das Heilige Land”) и др. Эта языковая канва текста позволяет восстановить миграционную историю одной конкретной семьи (в частности, путем указания на перемещения семьи между странами и городами, намеков на предстоящие выборы в Германии, ведущие к расширению спектра политических партий в бундестаге и к возможному ухудшению положения мигрантов; вынужденную смену имени матери при переезде в Германию; ситуацию с евреями эфиопского, арабского и палестинского происхождения в Израиле и т. п.), которую можно во многом экстраполировать на весь соответствующий миграционный поток.

В эссе сталкиваются три национальных сообщества, соответственно три интерпретационные модели со своими собственными параметрами описания событий, метафорически представленные отгороженными друг от друга несовместимыми территориями – “садами” (“Gärten”) этнических немцев и израильтян на территориях их постоянного проживания в Германии и Израиле и “лагерем” (“Camp”) еврейских беженцев в Германии.

Сад исконно выросших в Германии (на органической почве) этнических немцев (“Garten der organisch (Auf)gewachsenen”) ассоциируется не только с возделанной, ухоженной, культивируемой, но и упорядоченной территорией, отгороженной от остального мира. Как известно, в системе жизненных ценностей немцев сад занимает одно из самых приоритетных позиций. Согласно данным словарей, “Garten” имеет индо-германские корни (*ghorto-s или *ghordho-s “Flechtwerk, Zaun, Hürde”; “Umzäunung, Eingehegtes”) [Duden “Etymologie” 1989: 218]. В германских языках “*garda” имело значение “Haus als umzäunter Besitz”. В современном немецком языке “Garten” толкуется как “abgegrenztes Gelände zum Kleinanbau von Nutz- od. Zierpflanzen...”, например, “einen Garten anlegen, einzäunen” [Wahrig 1997: 520].

Сад этнических немцев персонифицирован двумя обитателями, с которыми автор-повествователь пытается выстроить межкультурный диалог, и порой ему даже кажется, что это ему удается, когда речь заходит о бытовых вопросах. На метафорическом уровне коммуникативный барьер выглядит тогда, как до смешного низенький, дырявый и ни от чего не спасающий забор: “Beim Thema unfreiwilliges Abfuhrmittel lachten wir alle drei herzlich, und der Identitätszaun schien lächerlich niedrig, löchrig und unbedeutend lumpig” (6).

Одним из собеседников автора-повествователя является противник приема иностранцев в Германии, он с трудом скрывает свое раздражение по поводу прибывающих мигрантов и их притязаний на равные с этническими немцами права. Враждебностью коренного населения по отношению к большим группам людей с миграционным прошлым заявил о себе в связи с миграционным кризисом новый социально-психологический феномен немецкого общества – “gruppenbezogene Menschenfeindlichkeit (GMF)” [Deutschland 2015: 125].

Второй собеседник из общества этнических немцев, напротив, представляет другую сторону общественного противостояния, а именно – коренных немцев, лояльно расположенных к мигрантам, демонстрирующих культуру гостеприимства (Willkommenskultur) и рассматривающих мигрантов как потенциальных сограждан (potenzielle Mit-Bürger), а не маргинализированное сообщество беженцев (marginalisierte Flüchtling-scommunity), например: “Gut”, sagten sie höflich und ein wenig geduckt, weil sehr darauf bedacht, nichts politisch Inkorrektes zu sagen. Zumindest einer von beiden. Der zweite schwieg säuerlich und schien irgendwie gereizt” (4). “Ein paar Momente später fasste der Grimmige etwas Vertrauen und

fragte mich rundheraus: “Ganz ehrlich, so richtig seid ihr Bestmöglichangekommenen aber auch nicht zu begreifen. ...!”. Der etwas zu Korrekte aus dem Garten der organisch Gewachsenen wollte seinen Begleiter schon mahrend in die rechte Seite stoßen, aber ich bat ihn mit den Augen, das nicht zu tun” (4). “Kann man das eigentlich auch in Deutschland bekommen?”, fragte der kosmopolitischere Zaungast aus dem Garten der organisch Gewachsenen interessiert” (5). “Hmm, ja, schlimm der Stalin”, sagte mein etwas unberechenbar säuerlicher neuer Freund von hinter dem Identitätszaun, so, als hätte er die deutsche Geschichte bis in den letzten Partikel Schamstaub gereinigt...” (6). “Rjumacki”, sagte ich... “Reunuschkey”, wiederholte der zu Beginn latent Aggressive aus dem Garten der organisch Gewachsenen ebenso falsch wie herzallerliebste. Um das Gespräch weiterzutreiben, fragte der von Beginn an Offene: “Das heißt, du hast dich damit abgefunden, dein Leben im Camp der Bestmöglichangekommenen zu verbringen?” (7)

Сады Израиля (“Israels Gärten der organisch Neuzusammengewachsenen”) олицетворяют государство, где принадлежащие к касте избранных и вечно гонимых (“als Jude zur Kaste der Auserwählten und ewig Gejagten zählen”) могут, наконец, как полноценные граждане (“vollwertige Bürger, als reinblutiger Jude unter Juden”) гордо прогуливаться (“durch Israels Gärten der organisch Neuzusammengewachsenen stolzieren”) и наслаждаться жизнью (7). Основным в семантике словосращения “Neuzusammengewachsene” является указание на сравнительно недавно созданное государственное образование, органично (с полным правом) объединившее 14 мая 1948 г. этнических евреев со всего мира. Однако найти родину на родине вечно не имеющих родины (“Heimat in der Heimat der ewig Heimatlosen finden”) (8) автору не удалось, так как от его взора не ускользнула печальная судьба в Израиле эфиопских, арабских и палестинских евреев, да и сам его статус еврея оказался сомнительным в глазах его отца в силу происхождения от русской матери.

В отличие от садов этнических немцев, исконно проживающих на своей территории в Германии, и от садов недавно сформированного гомогенного израильского общества в государстве Израиль, сообщество еврейских беженцев в Германии метафорически обыграно как временное пристанище, лагерь, укрепление (“Camp der Bestmöglichangekommenen”) с непрозрачными границами, хотя еврейские переселенцы принимались Германией на самых лучших условиях с целью искупления преступлений фашистской Германии перед еврейским народом во время Второй мировой войны. На временный и не

очень обустроенный характер пристанища называют палатки (“Zelte”), в которых ютятся переселенцы. Как известно, Camp, образованное от лат. *Campus* («ровная земля»), пришло в немецкий язык из английского. В современном английском языке Camp – это, в первую очередь, загородная территория, где люди живут в палатках или бараках; группа неких временных сооружений; место для летнего отдыха и обучения или тренировочная программа. В смысловой объем слова “Camp” входят также такие значения, как «люди, объединенные какой-либо позицией или идеологией, и сама эта позиция», а, кроме того, «военная служба и армейский образ жизни» [Merriam-Webster’s collegiate dictionary 1999].

Таким образом, Camp как временное пристанище актуализирует в исследуемом контексте преимущественно милитарную метафорическую модель, отождествляя место содержания мигрантов с военным поселением, оборудованным для обороны, или даже с концентрационным лагерем, созданным для ограничения свободы перемещения и общения мигрантов с внешним миром. В тексте многократно появляются наименования “Camp”, “Garten”, “Grenzgebiet”, “Entgrenzungsschlagel”, “Zaungäste”, “Identifikationszaun” и т. п., которые выражают обоюдную настороженность и даже несовместимость мигрантов и принимающего их общества. Этнически однородные общества (“Mehrheitsgesellschaften”) (4) оказались не готовыми безоговорочно адаптировать переселенцев с неоднозначным миграционным прошлым и поэтому возводят своего рода демаркационные линии.

В связи с анализом общественного дискурса мы уже обращали внимание на те сценарии, в рамках которых проявляется неприязнь к мигрантам; в основе одного из главных сценариев лежит действующий жесткий критерий определения национальной принадлежности по этническому признаку, по принципу крови [Лапина, Ермаков 2018]. В немецком общественном дискурсе это даже привело к появлению композита “Bio-Deutscher” (“этнический немец”). По мнению толерантно настроенных по отношению к мигрантам экспертов-обществоведов, миграцию можно рассматривать как вызов этому анахроническому представлению о немецкой национальности [Jakob 2016: 14]. Они полагают также, что ограничительные меры федерального правительства Германии по отношению к мигрантам иногда смыкаются с политикой апартеида. Однако на требование мигрантов отменить определение немецкого гражданства по принципу происхождения большинство немецкого населения реагирует отрицательно. Основной Закон Германии и

существующее миграционное законодательство также исходят из того, что немцем (т. е. полноправным гражданином Германии) может быть только тот, кто генетически является немцем.

Обратимся теперь к языковым механизмам, с помощью которых «сделаны» эти базовые для текста «территориальные» метафоры. Метафорические наименования исконного этнического немецкого общества, беженцев-евреев из особого контингента переселенцев в Германию и еврейского общества, объединенного в рамках государства Израиль, представлены номинативными комплексами, состоящими из определяемого имени существительного и определения к нему в форме семантически развернутого причастия II, выступающего в роли существительного в родительном падеже: “Garten der organisch (Auf)gewachsenen“, “Israels Gärten der organisch Neuzusammengewachsenen“ и “Camp der Bestmöglichchangepkommenen”.

Эти номинативные комплексы обладают своеобразной семантикой, являясь одновременно и характеризующими, и квалифицирующими. Определяемое имя существительное называет и квалифицирует тип территории, а генитивная форма причастия II (в сочетании с указаниями на качество уже завершившегося действия, выраженного причастием II: organisch, Bestmöglich-) характеризует ее обитателей: упорядоченный сад постоянно и органично проживающих в нем законных граждан (немцев); ухоженные сады консолидирующегося однородного общества в рамках исторически недавно созданного государства Израиль; временный лагерь прибывших в Германию на особых условиях, но по-прежнему внутренне неприкаянных и вынужденных определять свои собственные жизненные позиции постсоветских евреев-переселенцев. Причастные формы помогают актуализировать процессуальный характер миграции: динамику становления однородного общества (der (Auf)gewachsenen, der Neuzusammengewachsenen) и перемещения мигрантов (der Bestmöglichchangepkommenen). Можно утверждать, что метафорическое представление действительности выступает как способ организации всего текста.

Наряду с очень точно выстроенными пространственными констелляциями трех разных сообществ в эссе сосуществуют три соотносимые с ними системы нравственных ценностей и представлений, воплощенных в своих собственных языковых картинах мира: это система ценностей ориентиров самого автора-повествователя, его русской матери и его еврея-отца. Модели мировосприятия общества и ценностные представления постсоветских мигрантов всякий раз са-

мым непосредственным образом связаны с понятием «родина».

Наиболее сложно организованной и уязвимой является система взглядов автора, принимающего в целом западные ценности, социализированного в Германии, но не чувствующего себя в этой стране своим и не желающего терять духовные связи со своими родителями, тем более что в системе жизненных ценностей евреев семья кодируется очень высоко: “Sicher, ich könnte die Stiefel der Mehrheitsgesellschaft schnüren und losmarschieren. Sprache und genetische Oberfläche würden nichts verraten. Nur müsste ich diesen Schritt alleine, ohne meine Familie gehen. Denn ihre Existenzzelle stehen in viel größerer Distanz zu Deutschland” (4).

В другом месте автор пишет об этом еще более определенно: “Ein Fremder. Ich verliere die erste und ewige Heimat eines Menschen, meine Familie” (7). Как известно, Heimat является производным от Heim. В немецкой модели интегративного страноведения, попытавшейся уточнить объем современного понятия родины (“Konturen eines neuen Heimatbegriffes”), утверждается, что Heimat так или иначе связано с понятием пространства (“Raumorientierung”) и процессами модернизации индустриального общества, ведущими к разрушению природы и окружающей среды. По мнению создателей модели, в XIX в. понятие “Heimat” было сильно идеологизировано и романтизировано и являлось наследием национализма: “Heimat, das reicht in seiner massivsten Ideologisierung weit über die nationale Beschwörung des gemeinsamen Vaterlandes hinaus bis zum militanten Blut- und Boden-Mythos” [Die Deutschen in ihrer Welt 1992: 61]. Начиная с 70-х гг. прошлого века понятие “Heimat” все больше сводится к локальности и региональности (“Lokalität, Regionalität, Bedeutung einer ökologisch intakten Umwelt und des sozialen Nah-Raums”), что во многом обусловлено федеративным принципом устройства государства, когда осознание принадлежности к какому-либо региону Германии и признание его своей (малой) родиной (“ein regionales und heimatbezogenes Bewußtsein”) выражено, как минимум, настолько же сильно, как и осознание национальной идентичности [Die Deutschen in ihrer Welt 1992: 62].

Очевидно, именно поэтому автор-повествователь, у которого понятие немецкой родины не локализовано, безуспешно пытается сломать стену недопонимания и даже полного непонимания в попытках выстроить коммуникацию с принимающим обществом. Признавая, что он в какой-то степени олицетворяет стереотипы восточного европейца, но стремясь найти общий

язык с этническими немцами он прибегает к испытанному средству – совместному распитию водки: “Ich bot beiden Wodka an, damit sie sich ein wenig entspannten. Und ich hatte Spaß daran, das Stereotyp vom Wodka-Osteuropäer, der ich auch irgendwie bin, zu bestätigen” (4).

На фоне противоречивой и многомерной системы ценностей сына удивительно четко обозначены ценностные приоритеты его русской матери, безоговорочно принимающей реалии Советского Союза и современной России, российские средства массовой информации, внешнюю и внутреннюю политику России, позволяющей себе резкие выпады против современной правящей элиты Украины и «америкосов»: “Sie zog ihre Augenbrauen beispielsweise nicht hoch, als Putin die Krim annektierte – entgegen jedem modernen Verständnis von Völkerrecht. Da sagte sie nur, dass die Krim doch sowieso schon immer russisch gewesen sei. Und dass es den Menschen dort unter russischer Ägide viel besser gehen werde als in den Klauen der demokratisch gewählten ukrainischen Diebe. Und dass die Westmedien, für die ich auch arbeite, nur einseitige Lügen verbreiten und nie etwas gegen die ‚Amerikossi‘, die USA, schreiben würden. Das machte mich rasend. Aber nicht anti-russisch”(6). Высоко поднятые брови матери всякий раз выступают в качестве внешнего маркера ее пристрастного отношения к тем или иным событиям прошлого и настоящего: “Und auch Vera zog erstaunt die Augenbrauen hoch. Das tut sie nicht immer, wenn es um Russland oder die Sowjetunion geht” (5). “Sie zog ihre Augenbrauen beispielsweise nicht hoch, als Putin die Krim annektierte – entgegen jedem modernen Verständnis von Völkerrecht” (6). “Dennoch, Veras Augenbrauen bleiben grundsätzlich ungehoben, wenn es um Freiheit geht. “Damit stellen Menschen eh nur Unsinn an”, sagt sie dann gern” (6). Как правило, семантика высоко поднятых бровей и широко открытых глаз соответствует эмоции удивления, однако в контексте метафорической связи глаз и способа восприятия действительности эти мимические движения можно трактовать и как своего рода ментальный астигматизм, некоторое искажение объективной картины мира путем его исключительно положительной интерпретации. В анализируемом тексте обнаруживается большое количество и других антропоморфных метафор, когда сферой-источником метафорической экспансии выступает сфера «Человек» и появляется возможность проследить идею телесной памяти, воплощенную в языке [Лапина, Мильц 2018: 33]. Так, глаза ассоциируются с точкой зрения или позицией, одобряемой той или иной культурой (как в приведенных выше примерах), а ступни ног и обувь –

с вторжением и пересечением границ: “Für den letzten Schritt auf das vertraute Grenzgebiet habe ich dann aber doch die falschen Fremdfüße. Sicher, ich könnte die Stiefel der Mehrheitsgesellschaft schnüren und losmarschieren” (4).

Жизненные установки отца автора пронизаны беспокойством за судьбу жены и сына, которое не позволяет ему чувствовать себя комфортно ни на Украине, ни в Германии, ни в Израиле. В тексте эссе эта осторожная позиция отца неоднократно отмечается его сыном: “Kapitelman ist im Jiddischen der besonders talmudkundige Mann, der gern und oft Kapitel aus der heiligen Schrift herbetet. Und weil mein Vater Angst davor hatte, dass die Antisemiten der Ukraine wünschen, dass mir Judenkind das Faringosept in der Kehle stecken bleiben möge, beschloss er, dass ich nicht Kapitelman heißen soll. Was heute, 21 Jahre nach unserer Auswanderung nach Germania, dazu führt, dass ich mit deutschen Behörden um mein Recht auf den Namen des Talmudkundigen ringe” (5). “Einen Tag nachdem ich mit meinem lieben Vater am Ben-Gurion-Flughafen Tel Aviv gelandet war, proklamierte er, endlich in seiner Heimat angekommen zu sein. In seinen 59 Jahren zuvor hatte er diese Heimat nicht einmal aufgesucht. Und kurz bevor wir 2015 flogen (die ganze Reise war meine Initiative), kackelte er noch, dass er zwischen Disney Land und Jerusalem keinen großen Unterschied sehe. <...> Gleichzeitig glaubte er sein Leben lang, als Jude zur Kaste der Auserwählten und ewig Gejagten zu zählen, während er den philosemitischen Staatsbekenntnissen des neuen Deutschlands kaum Glauben schenkte. Trotzdem immigrierten wir vor 21 Jahren in das Land, dem Leonid nicht traute, statt nach Israel” (7). К переезду в Германию отца подтолкнуло то, что его жена не является еврейкой, соответственно, их сын всегда будет в Израиле евреем второго сорта. Но и Германия не является для него страной, близкой по духу, поскольку он не испытывает доверия к ее официальной политике толерантности по отношению к мигрантам.

Поэтому в эссе всячески актуализируется понятие несовместимости и, как следствие, существование видимых и невидимых границ между соседями, с помощью которых представители различных сообществ внутри одной страны отгораживаются друг от друга, а также «заборов» между разными странами. Линия несовместимости проходит, главным образом, по этническому признаку: “Was ist euer Problem? Ihr wollt als Deutsche behandelt werden, aber wehe, man vergisst zu erwähnen, dass ihr keine Deutschen seid! Ihr verlangt hier eine legitime Heimat und trötet dann eure Entgrenzungsschläger!” (4).

Кроме признака кровного родства, проблема идентичности имеет в тексте также бытовое, языковое, культурное и политическое измерение, которые, как правило, накладываются друг на друга. Так, автор-повествователь отрицательно относится к личности российского президента, но полностью идентифицирует себя с русским языком: “Meine wunderbare russische Muttersprache und all die emotionalen Assoziationsuniversen, die ich mit ihr empfinde, kann er mir damit nicht nehmen” (6). В тексте оговаривается, что отец автора проживал в той части Киева, которая больше идентифицировала себя с русским языком и русской культурой: “...er lebte im östlichen Teil, der sich eher mit der Sprache und Kultur Russlands identifizierte” (5). При этом сын любит своих родителей и у него нет антирусских настроений. Более того, он выражает озабоченность, что новое поколение переселенцев все меньше понимает язык и культуру своих родителей, попадая в разряд своего рода интеграционных сирот (“Integrationswaisen”): “Und so sitzen wir manchmal abends an unserem Lagerfeuer und lachen schwer darüber, dass wir die Sprache und Kultur unserer Eltern immer weniger verstehen” (4).

Политический аспект проблемы идентичности можно во многом интерпретировать как противопоставление Востока и Запада, представленное членами одной семьи. Так, автор-повествователь называет своих родителей “meine osteuropäischen Eltern” (6). В тексте подчеркивается, что сын приехал в Германию в детском возрасте (“1986 in der Sowjetunion “geboren und gemacht wurde””) (6), получил западное образование, проживает в западной части Германии, работает в западных СМИ и позиционирует себя как представителя западной демократии (“weil ich mich als Demokrat und vor allem Humanist verstehe”) (6), а его родители сформировались в условиях Советского Союза и представляют другую политическую и бытовую культуру. После переезда в Германию они живут в Лейпциге (т. е. в бывшей ГДР) и постоянно смотрят передачи центрального российского телевидения. Различающиеся политические и бытовые установки часто выливаются в словесные баталии (“verbale Kriege”) между сыном и матерью по самым разным поводам. Один из поводов (“die Überlegenheit postsowjetischer Medikamente gegenüber den westlichen Pharmazeutnissen”) (5) лежит в основе описываемых в эссе событий.

Эссе заканчивается на неопределенно-тревожной ноте. Последние реалии политической жизни, связанные с выборами, убеждают автора, являющегося сторонником западных демократических ценностей, в том, что в Германии нарастают

экстремистские настроения, не укладывающиеся в его представления о демократии и парламентаризме: “Und ich zählte die Populisten, die selbsternannten Protestparteien und den enormen Zuspruch für ihre Parolen auf. Ich dachte an Vera und Leonid, dachte wieder an die bevorstehenden Wahlen und kippte zwei Wodka mehr als meine neuen Freunde. Während mein innerer Kompass unbeeindruckt nüchtern weiterfragte: Wo gehst du jetzt hin?” (8). Очевидно, что на уровне обыденного сознания единая Европа без национальных границ утверждается с большим трудом. Вопрос в заглавии эссе (“Was ist Heimat?”), вопрос в заглавии последней части эссе (“Unterwegs in den eigenen Gärten?”) (7), пессимистичный вопрос в конце эссе (“Wo gehst du jetzt hin?”) (8) остаются без ответа. Поиски родины оказались безуспешными. Реальные судьбы людей плохо укладываются в официально прописанные сценарии миграционных событий, связанных с интеграцией даже тех мигрантов, которые прибыли в Германию на льготных условиях.

Можно, очевидно, утверждать, что отголоски проблематики Берлинской стены, 30-летие падения которой отмечалось 9 ноября 2019 г., предстают в новом историческом преломлении как новые *заборы* (преграды) между разными сегментами миграционного общества, в результате чего автору-повествователю не удастся однозначно решить проблему идентичности для себя и своей семьи, просто признав идею разнообразия принимающего общества, не отказавшись от своей привычной системы ценностей. Поиски родины в человеческом измерении оказались несостоятельными. Кризис идентичности для прибывших в Германию продолжается. Возникшие в период объединения Германии метафорические выражения “die Mauer der Sprache”, “Mauer in den Köpfen”, “psychologische Mauer”, “innere Mauer”, сопровождавшие дебаты вокруг состояния немецкого общества в тот период времени [Müller 1994], вполне применимы и к ситуации в немецком обществе в период обострения миграционного кризиса. На смену оптимистичному «регулятивному» подходу к управлению миграцией приходят более адекватные наблюдения о сложности, противоречивости, неоднозначности и разнонаправленности этого процесса, связанного с кризисом идентичности, что нашло отражение и на языковом уровне.

Текстовый анализ показал, что языковое осмысление миграционных процессов в немецком общественном дискурсе неизбежно сопряжено с появлением и актуализацией пространственно-территориальных метафор, связанных с нахождением и перемещением в этих простран-

ствах субъектов миграции с их автономными системами нравственных ценностей, поведенческих норм и своими языковыми картинами мира.

Примечания

¹ *Kapitelman D.* Was ist Heimat? Im Camp der Bestmöglichstangekommenen // *Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ).* Fremd in der Heimat? 11–12 / 2017. S. 4–8.

² Здесь и далее ссылки на источник цитирования [Kapitelman 2017] даются в круглых скобках с указанием номера страницы.

Список литературы

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994. 330 с.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю). М.: Ин-т рус. языка АН СССР, 1991. 193 с.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. М.: Флинта: Наука, 2008. 248 с.

Веснина Л. Е. Метафорическое моделирование миграции (по материалам российских печатных СМИ и данным ассоциативного эксперимента): дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010. 250 с.

Голышко-Вольфсон Дм. Эссе о невозможности эссе (Проза Аркадия Драгомощенко в контексте современной эссеистики) // *НЛЮ.* 2010. № 104. С. 202–217.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Лапина Л. Г., Ермаков М. М. Языковые и правовые аспекты европейской миграции // *Евразийский гуманитарный журнал.* 2018. № 4. С. 57–62.

Лапина Л. Г., Мильц Е. В. Язык как метафора в рассказах Х. Мантел “Learning to Talk” и Э. Оздамар “Mutterzunge” // *Евразийский гуманитарный журнал.* 2018. № 4. С. 29–38.

Спивак-Лаврова И. И. Жанр эссе: на границе литературы fiction и non-fiction // *Поволжский педагогический вестник.* 2018. Т. 6, № 1(18). С. 115–119.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ. / общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Флинта, 2006. 342 с.

Asylgesetz 2017 (AsylG), Geltung ab 01.07.1992. URL: <http://buzer.de> (дата обращения: 27.04.2018).

Bhabha H. K. *The Location of Culture*. L.; N. Y.: Routledge, 2004. 322 p.

Bundesvertriebenengesetz 2009: Gesetz über die Angelegenheiten der Vertriebenen und Flüchtlinge – BVFG / Ein Service des Bundesministeriums der Justiz in Zusammenarbeit mit der juris GmbH. URL: www.juris.de (дата обращения: 10.10.2019).

Deutschland 25. Gesellschaftliche Trends und politische Einstellungen. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2015. 344 S.

Die Deutschen in ihrer Welt: Tübinger Modell einer integrativen Landeskunde / Herausgegeben von Paul Mog in Zusammenarbeit mit Hans-Joachim Althaus. Berlin und München: Langenscheidt, 1992. 264 S.

Duden “Etymologie”: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache / 2., völlig neu bearb. und erw. Auflage / von Günther Drosdowski. Mannheim: Dudenverlag, 1989. 839 S.

Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: Textausgabe / Sonderausgabe für die Bundeszentrale für politische Bildung. Bonn: herausgegeben vom Deutschen Bundestag, 2014. 143 S.

Jakob Ch. Die Bleibenden. Flüchtlinge verändern Deutschland: Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). Zufluchtsgesellschaft Deutschland // Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 14–16 / 2016. S. 9–14.

Kapitelman D. Was ist Heimat? Im Camp der Bestmöglichstangekommenen // Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). Fremd in der Heimat? Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 11–12 / 2017, pp. 4–8.

Merriam-Webster’s collegiate dictionary. 10th ed. Springfield: Merriam-Webster Incorporated, 1999. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/camp> (дата обращения: 12.10.2019).

Müller G. Der “Besserwessi” und die “innere Mauer”. Anmerkungen zum Sprachgebrauch im vereinigten Deutschland // Muttersprache. 1994. № 2. S. 118–135.

Özdamar E. S. Berlin, Stadt der Vögel // Zebra-streifen. Neue deutsche Literatur. Moskau: Goethe-Institut, 2004. S. 139–153.

Panagiotidis J. Postsowjetische Migranten in Deutschland. Perspektiven auf eine heterogene “Diaspora”: Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). Fremd in der Heimat // Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 11–12 / 2017. S. 23–30.

Tilley C. Metaphor and Material Culture. Oxford: Mass Blackwell Publishers, 1999. 298 p.

Verordnung zur Erhebung der Merkmale des Migrationshintergrundes 2010: Migrationshintergrund- Erhebungsverordnung – MigHEV. Ausfertigungsdatum: 29.09.2010 / Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz

in Zusammenarbeit mit der juris GmbH. www.juris.de. (дата обращения: 20.08.2019).

Wahrig G. Deutsches Wörterbuch: 6., neu bearb. Auflage / Neu herausgegeben von Dr. Renate Wahrig-Burfeind. Leipzig: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1997. 1420 S.

Zufluchtsgesellschaft Deutschlands: Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ). Zufluchtsgesellschaft Deutschland // Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 14–16 / 2016. 45 S.

References

Baranov A. N. *Slovar’ russkikh politicheskikh metaphor* [The dictionary of Russian political metaphors]. Ed. by A. N. Baranov, Yu. N. Karaulov. Moscow, Pomovskiy i partnery Publ., 1994. 330 p. (In Russ.)

Baranov A. N., Karaulov Yu. N. *Russkaya politicheskaya metafora (materialy k slovaryu)* [Russian political metaphor (materials for the dictionary)]. Moscow, Institute of the Russian Language of the Academy of Sciences of USSR Publ., 1991. 193 p. (In Russ.)

Budaev E. V. *Metafora v politicheskoy kommunikatsii: monografiya* [Metaphor in political communication: monograph]. Ed. by E. V. Budaev, A. P. Chudinov. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2008. 248 p. (In Russ.)

Vesnina L. E. *Metaforicheskoe modelirovanie migratsii (po materialam rossiyskikh pechatnykh SMI i dannym assotsiativnogo eksperimenta): Diss. ... kand. filol. nauk* [Metaphoric modelling of migration (based on the material of Russian printed media and data of the associations-related experiment). Cand. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2010. 250 p. (In Russ.)

Golynko-Wolfson D. *Esse o nevozmozhnosti esse (Proza Arkadiya Dragomoshchenko v kontekste sovremennoy esseistiki)* [An essay on the impossibility of an essay (The prose of Arkadiy Dragomoshchenko in the context of modern essay-writing)], *NLO*, 2010, issue 104, pp. 202–217. (In Russ.)

Lakoff G., Johnson M. *Metafora, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p. (In Russ.)

Lapina L. G., Ermakov M. M. *Yazykovye i pravovye aspekty evropeyskoy migratsii* [Language and legal aspects of European migration]. *Evrasiyskiy gumanitarnyy zhurnal. Nauchnyy zhurnal*. [Eurasian Humanitarian Journal], 2018, issue 4, pp. 57–62. (In Russ.)

Lapina L. G., Milz E. V. *Yazyk kak metafora v rasskazakh Kh. Mantel ‘Learning to Talk’ i E. Ozdamar ‘Mutterzunge’* [Language as metaphor in the stories ‘Learning to Talk’ by H. Mantel and ‘Mut-

terzunge' by E. Ozdamar]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal. Nauchnyy zhurnal*. [Eurasian Humanitarian Journal], 2018, issue 4, pp. 29–38. (In Russ.)

Spivak-Lavrova I. I. Zhanr esse: na granitse literaturey fiction i non-fiction [Essay: On the border of fiction and non-fiction]. *Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik* [Volga Region Pedagogical Herald], 2018, vol. 6, issue 1(18), pp. 115–119. (In Russ.)

Chudinov A. P. *Rossiya v metaforicheskom zerkale: kognitivnoe issledovanie politicheskoy metafory (1991–2000): monographiya* [Russia in metaphoric mirror: the cognitive study of political metaphor (1991–2000): Monograph]. Yekaterinburg, Ural State Pedagogical University Press, 2001. 238 p. (In Russ.)

Erikson E. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Transl. from English. Ed. and preface by A. V. Tolstykh. Moscow, Flinta Publ., 2006. 342 p. (In Russ.)

Asylgesetz 2017 (AsylG), Geltung ab 01.07.1992. Available at: <http://buzer.de> (accessed 27.04.2018). (In Ger.)

Bhabha H. K. *The Location of Culture*. London and New York, Routledge, 2004. 285 p. (In Eng.)

Bundesvertriebenengesetz 2009: Gesetz über die Angelegenheiten der Vertriebenen und Flüchtlinge – BVFG. *Ein Service des Bundesministeriums der Justiz in Zusammenarbeit mit der juris GmbH*. Available at: www.juris.de (accessed 10.10.2019). (In Ger.)

Deutschland 25. Gesellschaftliche Trends und politische Einstellungen. Bonn, Bundeszentrale für politische Bildung, 2015. 344 p. (In Ger.)

Die Deutschen in ihrer Welt. Tübinger Modell einer integrativen Landeskunde. *Herausgegeben von Paul Mog in Zusammenarbeit mit Hans-Joachim Althaus*. Berlin and Munich, Langenscheidt, 1992. 264 p. (In Ger.)

Duden 'Etymologie': Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Mannheim, Dudenverlag, 1989. 839 p. (In Ger.)

Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. Textausgabe. *Sonderausgabe für die Bundeszentrale für politische Bildung*. Bonn, herausgege-

ben vom Deutschen Bundestag, 2014. 143 p. (In Ger.)

Jakob Ch. Die Bleibenden. Flüchtlinge verändern Deutschland. *Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ)*. Zufluchtsgesellschaft Deutschland. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 14–16 / 2016, pp. 9–14. (In Ger.)

Kapitelman D. Was ist Heimat? Im Camp der Bestmöglichangekommenen. *Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ)*. Fremd in der Heimat? Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 11–12 / 2017, pp. 4–8. (In Ger.)

Merriam-Webster's collegiate dictionary. 10th ed. Springfield: Merriam-Webster Incorporated, 1999. Available at: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/camp><http://www.merriam-webster.com/dictionary/camp> (accessed 11.10.2019). (In Eng.)

Müller G. 'Der Besserwessi' und die 'innere Mauer'. Anmerkungen zum Sprachgebrauch im vereinigten Deutschland. *Muttersprache*, 1994, issue 2, pp. 118–135. (In Ger.)

Özdamar E. S. Berlin, Stadt der Vögel. *Zebra-streifen*. Neue deutsche Literatur. Moscow, Goethe Institute Press, 2004, pp. 139–153. (In Ger.)

Panagiotidis J. Postsowjetische Migranten in Deutschland. Perspektiven auf eine heterogene 'Diaspora'. *Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ)*. Fremd in der Heimat. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 11–12 / 2017, pp. 23–30. (In Ger.)

Tilley C., *Metaphor and Material Culture*. Oxford, Mass Blackwell Publishers, 1999. 298 p. (In Eng.)

Verordnung zur Erhebung der Merkmale des Migrationshintergrundes 2010: Migrationshintergrund – Erhebungsverordnung – MighEV. Ausfertigungsdatum: 29.09.2010. *Ein Service des Bundesministeriums der Justiz und für Verbraucherschutz in Zusammenarbeit mit der juris GmbH*. Available at: www.juris.de (accessed 20.08.2019). (In Ger.)

Wahrig G. *Deutsches Wörterbuch*. 6., neu bearb. Auflage. Leipzig, Bertelsmann Lexikon Verlag, 1997. 1420 p. (In Ger.)

Zufluchtsgesellschaft Deutschlands. *Aus Politik und Zeitgeschichte (APuZ)*. Zufluchtsgesellschaft Deutschland. Beilage zur Wochenzeitung Das Parlament. 14–16 / 2016. 45 p (In Ger.)

**METAPHORIC REPRESENTATION OF THE IDENTITY CRISIS
IN GERMAN SOCIAL DISCOURSE ON POST-SOVIET MIGRANTS IN GERMANY**

Larisa G. Lapina

Associate Professor in the Department of Linguodidactics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. lapina48@mail.ru

SPIN-code: 4181-4364

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7550-7779>

ResearcherID: D-8543-2017

Evgeniia V. Lapina

Associate Professor in the Department of Linguodidactics

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. janerm@list.ru

SPIN-code: 1609-1628

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2091-0840>

ResearcherID: D-1049-2017

Submitted 26.11.2019

The article concerns the ways of metaphoric representation of the identity crisis in German social discourse on post-Soviet migrants in Germany. In the contemporary West European society, the growth of migration processes and socio-cultural transformations makes the notion of migrants' identity crisis highly relevant. The problem has acquired particular topicality in Germany during the recent years in terms of the prospects and challenges to successful integration of representatives of different migration streams. This article analyzes cognitive metaphors of the identity crisis among post-Soviet migrants. It studies in detail the historical and legislative preconditions that have led to the formation of this migrant community, as well as the specific features characterizing the development of this crises and how it is experienced within the community.

The conclusion is made that the language follow-through and reflection on the migration processes are inevitably accompanied by the emergence and actualization of spatial metaphoric models connected with spatial boundaries and the location and movement of migration subjects within those boundaries. A metaphor is viewed in the framework of cognitive metaphor theory as a universal cognitive mechanism and an integral part of human conceptual and verbal systems involved in the perception and categorization activity. In the process of their unfolding, basic spatial metaphors acquire a well-developed network of corresponding secondary metaphoric nominations. The functioning of participial constructions has a special meaning in the composition of basic spatial metaphors: they emphasize the processual character of migration, the dynamics of migrants' relocation and the manifestations of the identity crisis in the context of heterogeneous migration society.

Key words: metaphor; social discourse; migration society; post-Soviet migrants; identity crisis.

УДК 81'28
doi 10.17072/2073-6681-2020-1-58-67

АБСТРАКТНОЕ СЛОВО В СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ГОВОРАХ ПЕРМСКОГО КРАЯ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О МИРЕ И ВЕРЕ¹

Иван Алексеевич Подюков

д. филол. н. старший научный сотрудник Отдела истории, археологии и этнографии
Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН
614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а. podjukov@yandex.ru

SPIN-код: 8516-2258

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1844-5038>

ResearcherID: T-5603-2019

Статья поступила в редакцию 27.11.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Подюков И. А. Абстрактное слово в старообрядческих говорах Пермского края как средство выражения представлений о мире и вере // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 58–67. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-58-67

Please cite this article in English as:

Podyukov I. A. Abstraktnoe slovo v staroobryadcheskikh govorakh Permskogo kraja kak sredstvo vyrazheniya predstavleniy o mire i vere [An Abstract Word in Subdialects of the Old Believers of Perm Krai as a Way of Expressing the Ideas of the World and Faith]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 1, pp. 58–67. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-58-67 (In Russ.)

Исследуются особенности отвлеченной лексики религиозной тематики, зафиксированной в живой речи старообрядческого населения Пермского края. Описывается специфика словообразования народных терминов веры, анализируются их семантические и стилистические качества. Отмечается, что абстрактные номинации религиозного содержания выполняют в культуре старообрядчества интеллектуальную функцию. Устанавливается, что особенность данного пласта лексики заключается в представлении религиозных понятий через отсылку к ритуалу. Поскольку отвлеченная лексика фиксирует абстрактное знание, она лишена эмоциональной окраски, но нередко наполнена религиозно-философским и морально-этическим содержанием, коннотацией книжности. В ее семантике даны характеристики таких понятий веры, как Бог, святость, праведность, соблазн, грех, клевета, обозначено отношение к труду, богатству, стяжательству, обману. Абстрактные номинации представляют собой типичные для старообрядчества способы и формы отправления религиозного культа, связанные с основными этапами человеческой жизни, обрядовые эпизоды (крещение, венчание, смерть, погребение, поминание). Сохранение в говорах развернутой системы абстрактных номинаций понятий веры во многом объясняется религиозной грамотностью старшего поколения носителей традиции, ослабленностью контактов представителей согласий с внешним миром. Демонстрируется системность отвлеченных номинаций, их включенность в словообразовательные модели, существующие в языке для выражения абстрактности. Эта системность обеспечена использованием продуктивных древнерусских и диалектных словообразовательных моделей и словообразовательных формантов со значением «отвлеченное действие, состояние, признак, качество». Делается вывод о том, что отдельные номинации выступают как религиозные концепты, отражающие особенности языкового и когнитивного сознания старообрядцев.

Ключевые слова: диалектная речь; старообрядческие говоры; языковое выражение особенностей мировоззрения и этики старообрядцев; словообразовательные и семантические особенности религиозной лексики.

Лексика, связанная с такой специфической формой культуры, как религия, отражает понятия веры. В силу консервативности религиозного сознания, выраженного в типовых догматичных формах, лексике веры свойственна относительная устойчивость (сохранность во времени, архаичность), включенность в выражение религиозных концепций, которые в основном опираются не на объективное знание, а на религиозный опыт, мистику и откровения. Эта часть словаря языка фиксирует результаты познавательной деятельности человека: содержит прояснение религиозных догматов, выражает целостное понимание мира и места в нем человека. Религиозное знание, объективированное в лексике, фразеологии и вербальных текстах, структурировано в религиозной картине мира, мифологически объясняет происхождение, строение и будущее состояние мира.

Религиозная лексика в условиях изменения жесткой антирелигиозной политики все чаще становится предметом внимания лингвистов. Терминологические пласты христианской лексики исследуются Е. Р. Добрушиной [Добрушина 2012], лексико-семантические группы лексики веры описаны И. А. Королевой [Королева 2003], Н. Б. Мечковской [Мечковская 1998], С. В. Феликсовым [Феликсов 2018]. Разработан ряд словарей русской православной лексики (напр.: [Скляревская 2008; Андреева, Баско 2012]). Особое внимание исследователей обращено на христианскую лексику, функционирующую в русской диалектной среде и демонстрирующую адаптацию лексики христианства к условиям народного православия. С. Ю. Дубровина, отметив, что в народных говорах может быть выделено своеобразное «христианское койне», выражающее наивно-религиозную картину мира [Дубровина 2006: 12], исследовала народные названия событий православного календаря, персонажей народной христианской веры, единицы, относящиеся к лексике христианской морали. Ею же показаны разнообразные способы трансформации церковнославянизмов в условиях живой диалектной речи.

В целом же язык религии, особенно применяемый в живой народной речи, остается недостаточно исследованным. Не раскрыто своеобразие многих тематических групп христианской лексики в народных говорах (обозначения конфессий, народные названия богословских книг, церковных праздников, имен святых, средств религиозного этикета), не описана диалектная фразеология религиозного происхождения. Единичны работы, раскрывающие особенности одного из ярких проявлений языка христианства – старооб-

рядческой лексики народных говоров. Функционирующая в устной народной среде, эта лексика имеет немало общего и с лексикой православия, и с местными диалектами; одновременно ее отличает книжное начало, связанное с обращением старообрядцев к памятникам древнерусской книжности.

К настоящему времени создан ряд словарей старообрядческих говоров. Это «Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья», в котором представлены обрядовая лексика, слова религиозно-культурной сферы, названия предметов домашнего обихода, строительная терминология, лексика охотничьего и кедрового промыслов старообрядцев Забайкалья [Юмсунова 1999]. Издание «Диалектный словарь староверов Латгалии» Е. Е. Королёвой, где описана речь староверов-беспоповцев поморского согласия, живущих в юго-восточной части Латвии, раскрывает особенности их духовной культуры [Королева 2017]. О. Н. Паликова и О. Г. Ровнова в «Словаре говора староверов Эстонии» представили употребительные в речи староверов, живших в течение трех столетий в эстонском окружении, диалектные названия старообрядческой одежды, молений, книг [Паликова, Ровнова 2008].

Исследователи отмечают, что в старообрядческой среде постоянно и напряженно (в том числе и в повседневной жизни) обдумываются вопросы смерти, греха и покаяния, искушения, заступничества святых [Смилянская 1998: 53]; конкретика повседневности подчинена обращению к высоким абстракциям и мировоззренческим категориям. Поэтому старообрядческую речь отличает высокая частотность лексики, называющей отвлеченные понятия, свойства, качества, действия и состояния. Многие из этих названий по сути являются терминами: обозначая воспринимаемые мысленно нематериальные понятия, они отражают специальное познание мира, сугубо мировоззренческое знание. Эту особенность старообрядческой культуры хорошо иллюстрирует абстрактная лексика пермского старообрядчества. Пермский край изобилует местами компактного расселения старообрядцев самых разных течений – старообрядцев белокриницкого, поморского и часовенного согласий, бегунов. Замкнутость их жизни, вызванная религиозными представлениями, религиозная грамотность старшего поколения жителей села, ослабленность контактов с «мирским» населением позволили сохраниться языковой архаике и в том числе религиозной терминологии.

Диалектная лексика с отвлеченной религиозной семантикой образуется разнообразными способами. Это может быть, во-первых, пересеман-

тизация общерусского слова. Слово *труд* как работа, дело, требующее физических усилий, связывается носителями веры и с напряжением сил душевных: *Много трудов дают за грехи – молиться*. Усть-Уролка, Чердынский район). Моления как труд представляли собой исполнение христианского долга перед Богом и людьми, имели душеспасительный характер. Напряжение, связанное с физическим трудом (своеобразным аналогом молитвы), тоже осмысливается верующими как способ приближения к Создателю, как своеобразный залог спасения человека.

Во-вторых, в говорах отмечены религиозные слова-заимствования. Нравственно-исправительная мера, добровольно исполняемая раскаявшимся в своих поступках верующим, называется *эпитимья* – от греческого *epitimon* ‘наказание’ (*Эпитимья назначает наставник или кто может сам налагать*. Лысьва). Способом такого наказания может быть длительная молитва, задача милостыни нищим, пост, паломничество, даже воздержание на некоторое время от выполнения супружеского долга. В говорах содержательная сторона данной духовной кары может варьироваться; причина наложения эпитимьи может быть связана не только с нарушением собственно религиозного канона, но и, например, с родами. Словом *эпитимья* соответственно могли назвать, в частности, очистительные обряды для родивших, которые также проходили только с участием наставника (ср.: *Родишь, тебе только через сорок душа приходит. Молитва читается. Пятенью даст ей или лестовку промолиться или 12 поклонов Богу. Молитву прочитат, ну и всё, очищается, уже чистая будет. До этого дома отдельно ела, воду нельзя было приносить, готовить нельзя, пока ребёнка не окрестят. Когда ребёнка окрестят, груди моешь. Свекровь не брала ребёнка на руки и не целовала, свекор тоже не целовал*. Лысьва). Типично для диалектной речи при этом варьирование формы обозначения молитвенного наказания: усвоение иноязычного слова сопровождается отсечением начальной гласной (*петьня, петемья*), расподоблением гласных и передвижением ударения *епитемья*: (*Грех молиться нам с никонианами. Если я помоллилась, надо сказать настоятелю, и он епитемью наложит. Ну скажет, отмолись двенадцать поклонов или там двадцать «Богородица Дева радуйся*. Лысьва). Вероятно, сближением с исконно русскими словами *петь, опеть* для псевдоэтимологического прояснения термина мотивировано появление формы *опетенья* (*Лестовки, это надо каждый день молиться. Там опетенья дается. Три лестовки или чё каждый день молиться. Каждый день надо молиться,*

что заслужил человек за день накопил. Или вот много абортвов сделал, вот надо вот за это отвечать. Осинцево, Кишертский район).

Основной состав номинаций абстрактных религиозных понятий представлен производными словами. В словообразовательном плане абстрактная лексика старообрядческой речи демонстрирует активность тех же формантов и словообразовательных моделей, что и диалектная речь в целом (для выражения отвлеченности в говорах обычно используются суффиксы *-сть, -ство, -ствие, -ние, -ение* [Попова 2006: 160]).

Одна из наиболее частотных моделей образования абстрактных номинаций значимых для старообрядческого мировосприятия понятий представлена словами на *-ние (-ение)* со значением «отвлеченное значение действия и состояния». Использование в диалектных лексемах суффикса *-ние* чрезвычайно активно (по подсчетам В. В. Шаповала, такие слова как самые частотные отмечены среди абстрактных и в древнерусской житийной литературе: около 74 % [Шаповал 1996: 7]). С помощью этого суффикса создано название жалобы, сожаления – *воздыхание* (*Ни плача, ни печали, ни воздыхания там, на том свете*. Лысьва), которое обычно используется как книжное, устаревшее; слово *радование*, которым в религиозных контекстах обозначается чувство удовольствия (*У никоньян торопятся поют, поп кадилом тынь-тынь-дынь. Это великий грех. Это не моление – это бесу радование*. Лысьва). Концептуально значимо для верующего слово *спасеньё* (встречается и в форме *спасенье*), которое обозначает избавление от гибели, опасности, беды максимально безгрешной жизнью: *Тут одна старуха была, она вообще пенсию не получала – шла на спасеньё. Душу спасала, чтобы грехов не было никаких* (Осинцево, Кишертский район). Слово выражает идею спасения души через удаление от соблазнов здешнего мира. Прозрачная мотивированность делает его носителем концептуального смысла, средством комментирования мировоззренчески значимого понятия.

Еще одно слово с мировоззренческой семантикой – *осуждение*, которое означает один из грехов. По мнению верующих, осуждение есть форма ненависти, происходит от недостатка любви к ближним (*Осуждать – великий грех. Я не к осуждению, а к рассуждению. Быстро читать нельзя, надо каждое слово выговаривать, каждую букву, чтобы истинно произвести написанное святыми*. Лысьва). В выражении *не к осуждению, а к рассуждению* содержится религиозный призыв помочь человеку избавиться от греха, осуждать не человека, а грех. Модель до-

статочно продуктивна, по ней созданы обозначения состояний человека и природы: *болезнь* *болеть*, *дожджание* *дождь*, *надвещание* *предзнаменование* (*Иду я по борку, волки так и запевают. Потом вроде бы женщина плакала и телега скрипела. Это уж мне было надвещание вперед, в тот год умерло у меня четвёро из родни.* Поськино, Соликамский район).

Продуктивен тип образования отвлеченных существительных с помощью суффикса *-ость*: *премудрость* (*Премудрость Божия – чудеса; не боялся дедушка голой рукой раскаленный уголь взять.* Кын, Лысьвенский район), *жадность* (*Жадность нынче людей обуяла.* Лысьва), *завидность* (*Завидность будет большая; отец будет завидовать сыну, сын отцу.* Ефремы, Соликамский район), *накость* (*Пакость деют, грех творят.* Одинцово, Кишертский район). Эти образования связаны с речью старообрядцев в силу того, что в них доминирует морально-этическая характеристика: *накость* это не только то, то вызывает отвращение, но еще и злонамеренные дела, *жадность* не только жадность, стремление к наживе, но и неумное желание вообще, осуждаемое в старообрядчестве как аскетической вере (исторически от *жадать* ‘ждать, жаждасть’; сохраняется в говорах как обозначение сильного, «неумного» желания). Изначально один из самых продуктивных при образовании отвлеченной лексики суффикс *-ость* был свойствен только книжным стилям, в современной речи он продуктивен при образовании слов, обозначающих свойства человеческого характера, состояния, социальные характеристики, свойства и качества предметов [Попова 2006: 261–262]. Его активность в диалектной речи показывают образования: *глубость* ‘глубина’ (Перемское, Добрянский район), *дурность* ‘безрассудство’ (Харюшина, Соликамский район), *зарность* ‘зависть’ (В. Мошево, Соликамский район), *знатость* ‘весть, известие’ (Малютино, Соликамский район), *лёгость* ‘легкость’ (Б. Долды, Чердынский район), *радийность* ‘старание’ (*Можно было учиться, да радийности не было – не выучилась.* Тюлькино, Соликамский район).

Еще одна продуктивная словообразовательная модель представлена существительными на *-ств(о)*. Формируемое ею значение – отвлеченный признак, свойство: *позорство* ‘оскорбление’ (*Соседка у нас плохая, меня увидит, обзывает всяко. На старости лет и мне позорство такое.* Покровское, Нытвенский район), *безбожничество* ‘неверие в Бога’ (*Безбожничество стало, лоб никто не перекрестит.* Фоки, Чайковский район). Способ образования отвлеченных слов с суффиксом *-ств(о)* также продуктивен в говорах:

бедность ‘бедность’ (Осокино, Соликамский район), *весельство* ‘веселье’ (Жуланово, Соликамский район), *згальство* ‘причинение обиды, издевательство’ (*Девка на згальство наклала мне в котомку-то камни.* Толстик, Соликамский район), *рабство* ‘способность действовать’ (*У меня теперь, девки, совсем уж рабства не осталось, ниче не могу.* Ст. Посад, Карагайский район), *дурство* ‘блажь, сумасбродство’ (Детлята, Карагайский район), *прохвостство* ‘способность к обману, подлым поступкам’ (Таман, Усольский район). Процессное значение доминирует в слове *мытарство*: *Когда умрет, если человек не достал царство Божье, и он по мытарствам ходит. Я два раз видела во сне. Где-то я возле церкви, подхожу, там дядечка сидит, черный. Я говорю: «Скажите пожалуйста, где здесь церковь». Он: «А на что Вам»? Я говорю: «Да я возле церкви там живу, дак мне охота туда попасть, а не могу. Куда ни пойду, там то сидят, то лежат, все в черном. Куда ни зайду, там комнаты. Это мытарствование. И да, в огне горят мученики, коль заслуживают. А которые только сидят* (Сива). С *мытарством* прежде всего связываются скитания души умершего до сорока дней, в процессе чего происходит очищение от грехов: *Лестница будёт. Говорили, сорок ступенек, сорок мытарств. Самое страшное? Да какой-то грех сотворила, то и будет для тебя самое страшное* (Пильва, Чердынский район); в апокрифической литературе, напр., в «Видении Григорьевом», обычно упоминается двадцать *мытарств* – лжи, чревоугодия, лености, скупости, блуда и пр.

Среди других способов образования номинаций отметим использование суффикса *-от(а)*, обозначающего отвлеченный признак. Он использован в обозначении святости, высшего божественного совершенства – *святота* (*Тут такая святота была, святой водой брызгали. Все иконы. Меча, Кишертский район*), в представлении ощущения человеком внутренней свободы, приподнятости и духовного подъема – *легота* (*Хорошо телу при постовании, легота.* Лысьва; контекст указывает, что речь идет не о физической, а о духовной легкости, ср.: *Нынче легота людям-то; все машины делают: жнут, косят, а раньше все руками делали.* В. Мошево, Соликамский район). Используется у старообрядцев слово *кончина* в значении ‘конец света’: *Кончину-ту, когда вся жизнь покончится, никому нельзя знать, а кто знает, дак тот должен молчать* (Тис, Суксунский район); в общем русском языке это значение считается устаревшим и слово обычно используется как высокое, риторическое обозначение смерти кого-л. Слово частотно, по-

скольку тема конца света – ведущая в старообрядческих сочинениях; смысл идеи конца света, грядущего апокалипсиса – в очищении земли от грехов человеческих; на этой идее основаны многие бытовые и этические нормы старообрядцев.

Нулевая суффиксация – еще один способ создания лексики, представляющей старообрядческие воззрения на мир. Фиксируемое в говорах слово *извол* ‘воля, позволение, желание’ обычно связывается с высшими силами, с Богом: *Дева Мария, она девушка была, родила Божьим изволом. К ней прилетели ангелы Господни и сказали: «Найдет на тебя Святой дух и осенит тебя». Она говорит: «Ну, ладно, по изволу – ладно, пусть так будет* (Меча, Кишертский район). Устаревшее обозначение желания имеет книжное происхождение.

По семантике абстрактная старообрядческая лексика представлена несколькими группами. Наиболее разработанными являются обозначения религиозных обрядов, деяний, воспринимаемых как греховные, а также названия специальных обрядовых способов преодоления грехов и наказаний за них.

Названия религиозных обрядов, во-первых, обозначают способ и форму их отправления. Основной способ общения человека с Богом, принесение молитвы, обозначен словом *моление* (*Вот если я с моления приехала на машине домой, знаю, что я напроказничала*. Лысьва). Завершение молитвы, содержащее краткое благословение, называется *отпуст* (*После начала отпуст: Господи Иисусе Христе, Сыне Божии, молитв ради Пречистыя Твоея Матере, Силю Честнаго и Животворящего Креста, и святаго Ангела моего хранителя, и всех ради святых, помилуй и спаси мя грешнаго*). Крайне значим в старообрядческой практике обряд *благословление*, заключающийся в совершении крестного знамения, произнесении слов молитвы и просьбы к Богу оказать покровительство. Необходимость получить благословение (или благословиться самому) сопровождает всю повседневную деятельность: *Благословишься на день, как встаешь с постели*, Верещагино; *Утром-то молишься: «Прости меня грешную Прасковью, рабыню, благослови на весь день господний путешествовать»*. А вечером – *«Благослови на всю ночь спать, душу на спасение, тело на покой»* (Сива); *По воду идти – у тяти благословения попросишь, то же хлеб пекчи* (Кын, Лысьвенский район). Наиболее торжественно проходит благословение при заключении брака: *Иконой благословляли если – уже не разводятся. Всё, закон: «Буде Божеское благословение на рабе Божьей Анне и моё родительское благословение. Отныне и до*

веку. Отныне и присно и во веки веков. Аминь». Потом икону три раза крестом, и поцелует (Лысьва). Человека, который получил благословение наставника исполнять те или иные обряды, называют *благословлённый* (*У староверов на третий день имя дают, поясок одевают. Купают в воде с головой, а чтоб не задохнулся, закрывают ладонью лицо. Крестят – есть старшие люди, старушка у нас крестит, благословенная считается*. Меча, Кишертский район; *Омывает умершего только благословлённый, мужчину – мужчина, женщину – женщина*. Лысьва).

Последовательность молитв, которыми старообрядцы начинают и заканчивают богослужение, называется *начал*: *Начал бывает большой, бывает малый. После начала ты святым помолитесь, потом ты молись, что желаешь. Сегодня, допустим, четверг, Святителю Николе можно молиться. Молись канун Святителю Николе. Потом можно сразу, можно потом епитимью, которая тебе наложена. Если ты сегодня не помолитесь, ты завтра в удвоенном размере будешь молиться. Обязательно утром начал. Без начала за порог не выходи* (Лысьва). Словом *начал* в расширительном смысле может быть назван также переход верующего к активному участию в соборной жизни (*Годам к пятидесяти кто богобоязненный вступает в собор, кладет начал*. Сепыч, Верещагинский район). Связанное со словом *начало*, это название моления наполнено философским смыслом, обозначает обращение к тому, что для верующего существует изначально, лежит в основании бытия мира, «определяет основные принципы существования всего сущего» [Андреева 2016: 66]. Термин в связи с этим получает концептуальный, разъяснительный смысл.

При крещении в старую веру используется установленный порядок (чин) отречения от ересей, от сатаны – *отрицание* (*Муж у меня был никоньянин, ему отрицание прочитали и потом нас сбрачили. Чтобы в веру-то нашу его привести*. Лысьва); переходящий в новую веру прокликает бывшие ереси (*Перекрещивать надо было до брачыванья. Такая купель была, в ней. Над водой полили три раза с молитвой. «Во имя Отца, Сына и Святого Духа» – и всё, и ты в вере уже*. Боровчата, Кишертский район).

Обряд *погружение* используется у старообрядцев как способ крещения: *Погружением крестили, бабушка погружает в святой воде, как батюшко крестит. Церкви не было у нас, дак погружала кака-нибудь знающа старушка. А потом этого ребенка, говорят, уж боле не крестят. Он погруженный* (Бым, Кунгурский район). Обычно используется крещение трое-

кратным погружением, оно осмыслено (в отличие от поливательного крещения у православных) как символическая смерть Христова и Его тридневное воскресение.

Обряд *браченье* (также *брачиванье*) использовался как освящение брака и соответствовал венчанию в церкви у мирских. Сначала в доме невесты, а потом в доме жениха молодых благословляли родители (жениха «Распятьем», невесту иконой «Богородица»; нередко также крестили караваем хлеба); руководил всем наставник. На специфику свадебного обряда у старообрядцев указывает термин *отданье*: *Отданье свадьбе было, на третий день всё это было – невеста к матерé ехала* (Андреево, Кишертский район). «Слово *отдание* (отдача, возвращение) используется и в православном, и старообрядческом обрядовом обиходе, обозначая последний день празднования многодневного религиозного праздника: *Отдание Пасхи, Отдание Рождества Христова* и пр. В основном в Прикамье у старообрядцев эпизоды свадьбы соответствовали традиционному обряду, исполняемому и православными: *сговор, смотрины, рукобитье, пропой, дары, благословение*. В то же время разные этапы свадьбы старообрядцев сопровождали моления; до минимума был сведен банный ритуал (проходил без причетов), на свадебных посиделках принято было пение духовных стихов. Венчание заменял в ряде случаев обряд расплетания косы невесты (нередко проводились свадьбы «убегом», также не предполагающие церковного венчания). Термин *отдание*, вводя тему богослужения, подчеркивает близость свадебного обряда к священнодействию.

Термины, обозначающие эпизоды похоронного обряда, касаются молений, *соборования* с помазанием тела освященным елеем, с чтением семикратной, т. е. повторявшейся семь раз, молитвы на оставление тех грехов, о которых человек забыл сказать на исповеди, обмывания умершего перед обряжением и положением в гроб (*Обмыванье начинашь, миску перекрестишь, в воду крест кладешь, молитву читаешь. «Восподи прости меня грешную, восподи, святая ты Богородица, святой ты Никола, спаси и сохрани», раза три так повторишь*. Калинино, Кунгурский район). Термином *погрéбение* называется чин погребения умершего, а также главная для обряда поминальная молитва (*Погрéбение тут другая книга, кто исповедовался. А мою сестру не погребением, молебным только молилися*. Сива).

Поминание умершего проводится в *третины, девятины, полусорочкины, сорочкины, полугодини, години*. Основным смыслом моления по умершему является прощение с ним в этом мире,

приветствие души умершего ангелами и предками (таково назначение Литии, богослужения в поминальные дни с особо «усердной» молитвой), забота о пребывании души в ином мире. Устраиваемый в поминки обед воспринимается как совместная трапеза живых, умерших и принимающих их души ангелов. Знаменующий прощение с умершим обряд *поминанье* (реже *поминье*) проводится нередко перед отправлением на кладбище (*Поминанье – обед, потом уже вынос, у нас при покойнике обедают*). Пильва, Чердынский район), хотя чаще приглашают отобедать после захоронения. В пермских говорах зафиксирован любопытный термин, обозначающий локальный вариант поминания у старообрядцев. Сочетание *птичкино поминанье* используется для обозначения «угощения» птиц на кладбище: *На кладбище только птичкино поминанье. Старообрядцы на кладбище ничего не носят, кроме крупы, крупной посыпают могилу, говорят: «Помяните, птички. Усть-Уролка, Чердынский район. Устраиваемые на могилах обеды в поминальные дни старообрядцы обычно считают язычеством, но принимают древнее обрядовое кормление птиц, связанное с отождествлением их с умершими (см.: [Алексеевский 2008]). Стоит также отметить, что в обряде задействовано зерно, традиционный символ обрядов переходности (как знак воскресения души, встречается во многих христианских текстах, в том числе в Библии: *Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, пав в землю, не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода*. Евангелие от Иоанна).*

Жизнь в грехе, греховные деяния человека обозначаются абстрактными номинациями типа *злопомнение* (*Есть у кого злопомнение, кто на человека зло имат, у него огонь изо рта выходит*. Лысьва); слово находится в общем ряду с другими церковнославянскими обозначениями «концентрации» зла типа *злопоминание, зломышление, злорадение, злоразумие, злоречие*. Таково и обозначение праздности *нечеделие* (*От нечеделия хожу в клуб, грешно*. Обвинск, Карагайский район), непристойной речи *срамословие* (в общем употреблении оценивается как книжное, устаревшее), жизни в пустой суете *кулемесие* (Одинцово, Кишертский район – от диалектного *кулемесить* ‘беспорядочно делать что-л.’, ср. устаревшее *кулемесия, кулемесица* о суматохе, суетне; в поговорке *Пошла кулемеса – не от добра, а от беса*).

Название клеветы *извет* (*Наложили на нее извет, а она вовсе невиноватая*. Григорьевское, Нытвенский район) представляет наговор и клевету как грех; название оболщения словом *пре-*

лесть (Жадость нынче людей обуяла. Деньги – это же всё прелесть. Лысьва) обозначает греховный соблазн, то, что прельщает, раздражает чувства и страсти. Специфичное обозначение совершенных человеком грехов *железная сковка* (от *сковать*) мотивировано переносным значением глагола *сковать* ‘лишить свободы действий’: *В поминки с умершего снимают железную сковку молитвами. На третий, девятый, сороковой день молитвы пели* (Юм, Юрлинский район). Чтение поминальных молитв призвано поддержать душу усопшего, высказать Святой Троице мольбу о помиловании и прощении грехов. В религиозных текстах тема кования, которой символически обозначена не только неподвижность и бесчувственность, но и греховность, встречается достаточно часто: *Грех сковал человеческие сердца, привел лютую зиму в души людей; Грех сковал мне очи...* (Луценко С., христианская песня «Каюсь»), *Грех сковал язык и тело* (Бондаренко Л., стих «Бог верен»). Усугубляет аналогию кования и греха народное восприятие кузнецов: в традиции они часто считались колдунами, связанными с дьяволом, с темными силами (отсюда, вероятно, и название вредного замысла *ков*, родство названия тайных злых умыслов *козни* и слова *кузнец*).

Один из грехов у старообрядцев – общение с мирскими, не старообрядцами, которые носителями старой веры оценивались как отступившие от Христа. Грехом считался брак с православным, совместная с ним трапеза, участие в православных обрядах (*Это называлось миршение – что вот де живу с мирским. Это я обмирилась, дескать, согрешила, что вышла в другую веру.* Осинцево, Кишертский район). Сходный смысл выражает слово *помешка*, обозначая результат контакта с иноверцем (*От помешки посуду с молитвой надо вымыть.* Торговище, Суксунский район; *Считай, я в помешке, измирился, если с никонианином поел.* Кын, Лысьвенский район). Греховный соблазн и связанное с ним заблуждение человека представляет слово *смущение* (*На всех на вас смущение давно уже нашло.* Лысьва); в древнерусском языке значение ‘соблазн’ было периферийным [Срезневский 1893: 754]. В староверческих говорах фиксируется деформация слова: в значении ‘вводить человека в заблуждение’ используется выражение *наводить на сомус* (*Ты давай меня на сомус-то не наводи,* Средний Урал; не без влияния общедialeктного *сомустить* ‘смутить’). Как название нравственной нечистоты, порока используется в говорах слово *скверна* (*Мы брак в скверну не вменяем.* Моховляне, Лысьвенский район). Об укорененности слова в системе говора говорит

образованное от него прилагательное *скверующий*, которое характеризует человека, общающегося с нечистой силой: *«Сейчас и молодые портят, колдуют, молодой народ очень скверующий»* (Пянтег, Чердынский район).

Обозначены в терминах обряды исправления греха. Добровольное признание в совершенном проступке, в ошибке – один из обязательных для каждого дня обрядов – *покаяние* (*Каяться необходимо каждый день и именно чистосердечно. Вот Господь-то зачем и народился. Чтоб мы каялись каждый день: «Господи, прости меня грешную, велико согрешила я.* Култаево, Пермский район). Важным в традиции старообрядчества является понятие *исправления, исправы* (реже *справы*) – очищения молитвой, исповедью, исполнением ритуала: *Исправился перед смертью, у настоятеля покаялся* (Верещагино); *Духовник идет прощать, исправу читать, кто заболел* (Сива); *Когда исправу прочитаешь, исповедаешься, потом ведь из особой посуды есть надо. Попы-те не исправляют, махают по лицу руками. На лице своем. И тому маханию беси радуются* (Сепыч, Верещагинский район). Отношение к «исправленному» и «неисправленному» различалось при предании его земле: *А для тех, кто успел справиться, сорок дней каждый день молимся, как сорок дней пройдет – каждую субботу* (Сепыч, Верещагинский район). Широко распространено очищение святой водой и молитвой от скорбей и недугов больных, от бедствий, для очищения оскверненной мирянином посуды. Обычно использовалась *спасовая вода*, вода малого освящения, взятая на водоосвящении в Первый Спас.

Как название процедуры изгнания из человека бесовской силы фиксируется в говорах слово *извод* (из глагола *изводить* ‘истреблять’; в живой повседневной речи используется в значении ‘траты, расходование’): *Ещё до войны, когда церкви не были разрушены, священники молились над Фотиньей, выводили икотку. Это извод. А бес тогда кричал: «В пятках осталось место, в пятках!» Не вывели* (Верещагино). Избавление от лукавого беса (в православии *отчитка*) совершается чтением молитв (описание изгнания «от человек бесы» силой Божией приводит протопоп Аввакум в своем «Житии»).

Абстрактные номинации религиозного содержания выполняют в культуре старообрядчества интеллектуальную функцию. Многие понятия представлены в них опосредованно, через ритуал, через отсылку к обрядовому действию. В их семантике оказываются совмещены культурно-обрядовая (внешняя, материальная) и собственно духовная стороны христианского веро-

исповедания. Будучи фиксацией абстрактного знания, они лишены эмоциональной окраски, но нередко наполнены религиозно-философским и морально-этическим содержанием и коннотацией книжности. Отдельные номинации этого круга выступают как религиозные концепты, отражающие особенности языкового и когнитивного сознания старообрядцев.

Системность отвлеченных номинаций веры проявляется в существовании ряда тематических группировок а также в их моделируемости. Являясь в основном производными, абстрактные термины в говорах выступают не как стихийно сложившаяся совокупность специальных единиц, а как порождение ряда словообразовательных моделей, существующих в языке для выражения абстрактности.

Примечание

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (научный проект 19-18-00117 «Традиционная культура русских в зонах активных межэтнических контактов Урала и Поволжья»).

Список литературы

Алексеевский М. Д. Покойник как символический участник крестьянской поминальной трапезы // Проблемы изучения фольклора и русской духовной культуры: материалы межвуз. науч. конф. 31 мая – 2 июня 2007 г. Орел, 2008. С. 28–34.

Андреева И. В., Баско Н. В. Словарь православной лексики в русской литературе XIX–XX вв. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012. 266 с.

Андреева О. С. Этимологический анализ категории «начало» // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по материалам LXII–LXIII междунар. науч.-практ. конф. № 6–7(57). Ч. I. Новосибирск: СибАК, 2016. С. 61–68.

Архимандрит Палладий. Обозрение пермского раскола так называемого старообрядства, составленное А. П. 116. СПб., 1863. 215 с.

Добрушина Е. Р. Словарь христианской лексики: состав словника // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2012. Вып. 3(29). С. 105–113.

Дубровина С. Ю. Христианская лексика в диалектах русского языка. АДД. Тамбов: Тамбовский гос. университет им. Г. Р. Державина, 2006. 48 с.

Королёва Е. Е. Диалектный словарь староверов Латгалии. Т. 1 (А–В). Рига: Институт Староверия Латвии, 2017. 560 с.

Королева И. А. Православная сакрально-богослужебная лексика в современном русском языке

и в художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 28 с.

Мечковская Н. Б. Язык и религия. М.: Изд. дом Агентство «Файр», 1998. 352 с.

Паликова О. Н., Ровнова О. Г. Словарь говора староверов Эстонии. Тарту: Общество культуры и развития староверов Эстонии, 2008. 160 с.

Попова Т. Н. Словообразовательная семантика имен на -ость в русском диалектном словопроизводстве // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2006. № 1. С. 260–267.

Склярёвская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. М.: АСТ: Астрель, 2008. 480 с.

Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / ред. Т. Б. Юмсунова. Новосибирск: СО РАН, 1999. 540 с.

Смилянская Е. Б. Микрокосмос верхокамского старообрядца на исходе XX века // Старообрядческая культура Русского Севера: тез. докл. и сообщ. Каргопольской науч. конф. / науч. ред. и сост. Н. И. Решетников. М.; Каргополь, 1998. С. 53–56.

Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 3. 994 с.

Феликсов С. В. Семантический аспект лингвистического описания лексики православного вероучения в церковнославянском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. № 2. С. 335–350.

Шаповал В. В. Семантика и функционирование суффиксальных отвлеченных существительных в произведениях русской житийной литературы XII–XV вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ им. В. И. Ленина, 1996. 16 с.

References

Alekseevskiy M. D. Pokoinik kak simvolichesky uchastnik pominal'noy trapezy [The deceased as a symbolic participant of a funeral dinner]. *Problemy izucheniya fol'klora i russkoy dukhovnoy kul'tury. Materialy mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii. 31 maya – 2 iyunya 2007 g.* [The issues of studying folklore and Russian spiritual culture. Proceedings of interuniversity scientific conference. May 31 – June 2, 2007]. Orel, 2008, pp. 28–34. (In Russ.)

Andreeva I. V., Basko N. V. *Slovar' pravoslavnoy leksiki v russkoy literature 19–20 vv.* [The dictionary of orthodox vocabulary in Russian literature of the 19th–20th centuries]. Moscow, AST-PRESS Publ., 2012. 266 p. (In Russ.)

Andreeva O. S. Etimologicheskij analiz kategorii nachalo [The etymological analysis of the category of 'beginning']. *Aktual'nye voprosy obschestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, is-*

toriya: sb. st. po materialam LXII–LXIII mezhdunar. nauch.-pract. konf. [Current issues of social sciences: sociology, political science, philosophy, history: Proceedings of LXII–LXIII international scientific practical conference.]. Novosibirsk, SibAK Publ., 2016, issue 6–7(57), part 1, pp. 61–68. (In Russ.)

Archimandrite Palladius. *Obozrenie permskogo raskola tak nazyvaemogo staroobriadstva sostavlenoe A.P.* [The review of Perm schism of the so-called Old Believers compiled by A. P.]. St. Petersburg, 1863. 215 p. (In Russ.)

Dobrushina E. R. Slovar' khristianskoy leksiki: sostav slovnika [The dictionary of Christian vocabulary: the content of the word-list]. *Vestnik PSTGU 3: Filologiya* [St. Tikhon's University Review. Series 3: Philology], 2012, issue 3(29), pp. 105–113. (In Russ.)

Dubrovina S. Yu. *Khristianskaya leksika v dialektakh russkogo yazyka* [Christian vocabulary in Russian dialects]. Tambov, Derzhavin Tambov State University Press, 2006. 48 p. (In Russ.)

Koroleva E. E. *Dialektnyy slovar' staroverov Latgalii* [The dialect dictionary of Latgale Old Believers]. Riga, Institute of the Latvian Old Believers Press, 2017, volume 1 (A–V), 560 p. (In Russ.)

Koroleva I. A. *Pravoslavnaya sakral'no-bogoslužebnaya leksika v sovremennom russkom yazyke i khudozhestvennom texte: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Orthodox sacral and liturgical vocabulary in the modern Russian language and in fiction. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Volgograd, Volgograd State Pedagogical University Press, 2003. 28 p. (In Russ.)

Mechkovskaya N. B. *Yazyk i religiya* [The language and religion]. Moscow, Agentstvo 'Fair' Publ., 1998. 352 p. (In Russ.)

Palikova O. N., Rovnova O. G. *Slovar' govora staroverov Estonii* [The dictionary of Estonian Old Believers' dialects]. Tartu, NGO Society of Estonian Old Believers Culture and Development Publ., 2008. 160 p. (In Russ.)

Popova T. N. Slovoobrazovatel'naya semantika imen na -ost' v russkom dialektnom slovooproizvod-

stve [Word-building semantics of the names ending with -ost' in Russian dialect word-building]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2006, issue 1, pp. 260–267. (In Russ.)

Sklyarevskaya G. N. *Slovar' pravoslavnoy tserkovnoy kul'tury* [The dictionary of orthodox church culture]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2008. 480 p. (In Russ.)

Slovar' govora staroobriadtsev (semeyskikh) Zabaikal'ya [The dictionary of dialects of the Semenskies Old Believers of Transbaikalia]. Ed. by T. B. Yumsunova. Novosibirsk, SB RAS Publ., 1999. 540 p. (In Russ.)

Smilyanskaya E. B. *Mikrokosmos verkhokamskogo staroobryadtsa na iskhode 20 veka* [The microcosm of Verkhnekamsky Old Believers at the end of the 20th century]. *Staroobryadcheskaya kul'tura Russkogo Severa* [The Old Believers' culture of the Russian North]. Moscow, Kargopol Publ., 1998, pp. 53–56. (In Russ.)

Sreznevsky I. I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka* [Materials for the Old Russian Dictionary]. St. Petersburg, 1893, vol. 3. 994 p. (In Russ.)

Feliksov S. V. *Semanticheskiy aspekt lingvisticheskogo opisaniya leksiki pravoslavnogo veroucheniya v tserkovnoslavjanskom yazyke* [Semantic aspect of the linguistic description of lexicon of Orthodox dogma in church Slavonic language]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov* [The Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Theory of Language. Semiotics. Semantics], 2018, vol. 9, issue 2, pp. 335–350. (In Russ.)

Shapoval V. V. *Semantika i funktsionirovanie suffikal'nykh otvlechennykh sushchestvitel'nykh v proizvedeniyakh russkoy zhit'noy literatury 12–15 vv.: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Semantics and functioning of suffix abstract nouns in the works of Russian hagiography of the 12th–15th centuries. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, Moscow Pedagogical State University named after V. I. Lenin. 1996. 16 p. (In Russ.)

AN ABSTRACT WORD IN SUBDIALECTS OF THE OLD BELIEVERS OF PERM KRAI AS A WAY OF EXPRESSING THE IDEAS OF THE WORLD AND FAITH

Ivan A. Podyukov

Senior Researcher in the Department of History, Archeology and Ethnography

Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

13A, Lenina st., Perm, 614990, Russian Federation. podjukov@yandex.ru

SPIN-code: 8516-2258

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1844-5038>

ResearcherID: T-5603-2019

Submitted 27.11.2019

The article studies the peculiarities of abstract words related to religion that have been recorded in the speech of the Old Believers living in Perm Krai. It describes the specificity of etymology of folk terms related to religious faith, analyzes their semantic and stylistic characteristics. It is noted that abstract nominations of religious content perform an intellectual function in the Old Believers' culture. It is established that the peculiarity of this vocabulary consists in the representation of religious notions through reference to rituals. Capturing abstract knowledge, abstract vocabulary is devoid of emotional coloring, though quite often being full of religious-philosophical, ethical and moral content, bookish connotations. It contains characteristics of such notions of faith as God, holiness, righteousness, temptation, sin, slander; it conveys the ideas of the proper attitude to labor, wealth, obsession with money, deception. Abstract nominations represent typical of the Old Believers ritual practices and forms of worship, ritual episodes connected to the main stages of human life (christening, church wedding, death, burial, commemoration). The subdialects preserve an explicit system of abstract faith notions, which is mainly explained by religious literacy of the old generation of tradition bearers, by weak contacts of the communities with the outer world. The article demonstrates the consistency of abstract nominations and their being included in word-formation patterns existing in the language to express abstractness. This consistency is based on the use of productive Old Russian and dialectal word-formation patterns and formants with the meaning 'abstract action, state, attribute, quality'. The paper concludes that certain nominations act as religious concepts reflecting the specific nature of linguistic and cognitive consciousness of the Old Believers.

Key words: dialect speech; Old Believers' subdialects; linguistic expression of the peculiarities of the Old Believers' worldview and ethics; word-formation and semantic peculiarities of religious vocabulary.

УДК 81'374

doi 10.17072/2073-6681-2020-1-68-77

К ПРОБЛЕМЕ СОЗДАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО СВОДНОГО ДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЯ

Елена Ивановна Сьянова**к. филол. н., старший научный сотрудник****Институт лингвистических исследований Российской академии наук**199053, Россия, г. Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9. syanovaei@mail.ru

SPIN-код: 2206-2275

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1408-2943>*Статья поступила в редакцию 02.02.2020***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:**

Сьянова Е. И. К проблеме создания электронного сводного диалектного словаря // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 68–77. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-68-77

Please cite this article in English as:

Syanova E. I. K probleme sozdaniya elektronnoogo svodnogo dialektnoogo slovarya [On the Problem of Creating an Electronic Consolidated Dialect Dictionary]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 1, pp. 68–77. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-68-77 (In Russ.)

Автор статьи обращается к вопросу создания электронного формата сводного диалектного словаря русских народных говоров. В контексте обсуждения будущего переиздания «Словаря русских народных говоров» подобная форма видится в качестве необходимой вехи на пути решения насущных проблем отечественной диалектной лексикографии. Электронный формат открывает новые возможности для лексикографических решений, в частности, для отражения функциональных особенностей живой диалектной речи, для представления в словарной статье сведений этнокультурного характера. Создание электронного сводного диалектного словаря предполагает разработку базы данных, отражающей диалектную лексику с учетом взаимодействия частных диалектных систем. База данных понимается как система хранения с широким спектром функциональных возможностей по обработке информации. Это будет способствовать решению вопросов прежде всего систематизации диалектного материала для последующей обработки в рамках будущего электронного сводного диалектного словаря, в том числе материалов, известных науке, но подчас разрозненных и по-разному интерпретируемых в региональных лексикографических проектах. Структура предполагаемой базы данных позволит в будущем создать электронную картотеку – как уже обработанных карточек, так и карточек на основе новых, оригинальных (собранных в полевых условиях) материалов. Географическая и временная детализация, предполагаемая в базе, послужит основой для создания лексических атласов, а также метахронных карт, позволяющих отображать лингвистический ландшафт определенной территории в течение того или иного временного отрезка. Первоочередными задачами признаются: 1) анализ структуры исходных данных, формирование требований к формату их представления; 2) разработка формата представления метаданных о пространственно-временных характеристиках диалектных единиц, отвечающего требованиям мультимодальности и интероперабельности; 3) разработка онтологии диалектных данных и метаданных для семантического аннотирования (в частности, при соотнесении с внешними онтологиями SKOS, Lemon, LexInfo) и т. п.

Ключевые слова: компьютерная лексикография; диалектная лексикография; электронный сводный диалектный словарь; база данных; русские народные говоры.

В начале 60-х гг. XX в. начинается подготовка, а затем и издание сводного «Словаря русских народных говоров» (СРНГ), который, безусловно, стал знаковым событием не только отечественной, но и мировой лексикографии и диалектологии. Данный научный проект сыграл важную роль прежде всего в развитии отечественной диалектной лексикологии. В настоящее время в Отделе диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка ИЛИ РАН (группа «Словаря русских народных говоров»: С. А. Мызников, И. В. Бакланова, Р. В. Гайдамашко, Ю. Ф. Денисенко, В. Б. Колосова, Е. В. Колосько, О. Н. Крылова, Е. И. Сьянова и др.) продолжается работа над СРНГ. В 2019 г. вышел 51-й том (Ход – хоюшки). Словарь стал одним из крупнейших компендиумов диалектной лексики русского языка [Вендина 2004: 3]. В нем обобщены лексические материалы, собранные в XIX–XXI вв. на всей территории распространения русского языка. В основе отбора диалектных слов лежит дифференциальный принцип. Диалектным считается слово, «имеющее локальное распространение и в то же время не входящее в словарный состав литературного языка (в любую его разновидность)» [Филин 1961: 22]. В качестве основного критерия диалектного слова признавалась его территориальная ограниченность. Диалектологи указывали на уязвимость данного критерия. О. Г. Гецова полагала, что «словарные изоглоссы не объективно данная величина, а представляет собою на самом деле не что иное, как искомую величину, такое неизвестное, которое нужно установить после того, как будут составлены диалектные словари» [Гецова 1964: 97]. Наличие у диалектного слова изоглоссы оставляло вне рамок диалектной лексикографии слова, распространенные во всех русских говорах, но не употребляемые в литературном языке (типа *девка*, *лихой* ‘злой’), а также слова диалектного происхождения, имеющие в говорах диалектные изоглоссы, но общепринятые в литературном языке (типа *нетель*, *терebить* (лен), *стерня*, *буран* и т. п.) [Нефедова, Качинская, Коконова 2013: 40]. С. А. Мызников, главный редактор «Словаря русских народных говоров» с 2014 г. (с 47-го т.), отмечает, что данное положение недостаточно раскрывает содержание таких понятий, как «диалектное слово», «диалектное значение» (подробнее о диалектном слове в лексико-системном аспекте см.: [Блинова 1975; Блинова 1984; Коготкова 1979; Оссовецкий 1982 и др.]), и указывает на тот факт, что «не всегда имеются достаточные основания для «разведения» фактов общенародных и территориально ограниченных,

диалектных» [Мызников 2013: 574–575]. Это позволяет расширять состав словника сводного диалектного словаря: включаются единицы, обозначающие характерные и специфические для конкретной местности названия предметов, действий и явлений, которые не имеют обозначения в общенародном языке, и архаичные (в том числе реликтовые) слова и выражения, сохранившиеся преимущественно в фольклоре и в речи старшего поколения носителей диалектов [там же: 575]. Более того, материалы «Словаря русских народных говоров» доказали, что так называемая «общенародная лексика» «по сути своей не является общенародной, так как часто используется лишь в некоторых областях России» [Вендина 2004: 3]. В 51-м т. (2019 г.) широко представлены слова общенародного языка. Главный редактор С. А. Мызников подчеркивает, что при подаче слов с большим семантическим объемом «дифференциальный принцип строго не соблюдался» (СРНГ 51: 4). Более широко в словник вводится лексика арго, что позволяет «проследить, как единица арго получает широкое распространение в русских говорах» (там же: 5). Дифференциальный подход достаточен при ретроспективной характеристике диалектного слова. В свою очередь, лексико-системный подход при исследовании диалектного слова обуславливает рассмотрение всего словарного состава диалекта как средства общения. В этом случае оказывается важной системная целостность наблюдаемого объекта.

Стоит указать на тот факт, что в последнее время источниковедческая база данного лексикографического проекта значительно увеличилась. Подаются материалы из отдельных региональных словарей, вышедших за последние два десятилетия: «Словарь вологодских говоров» (СВГ), «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГЛ), «Словарь русских говоров Одесщины» (СРГО), «Словарь смоленских говоров» (ССГ) и др. Однако книжная версия словаря не позволяет охватить в настоящее время всю диалектную номенклатуру, представленную в региональных словарях последних десятилетий. Очевидно, только при переиздании можно будет включить в состав словника СРНГ (на соответствующие буквы) материалы продолжающихся изданий: «Архангельский областной словарь» (АОС), «Псковский областной словарь с историческими данными» (ПОС), «Селигер: материалы по русской диалектологии» (Селигер), «Словарь говоров Русского Севера» (СГРС) и др. Не фиксируются составителями в настоящий момент материалы таких проектов, как «Живое ко-

стромское слово. Краткий костромской областной словарь» (КрКОС), «Областной словарь вятских говоров» (ОСВГ), «Словарь донских говоров Волгоградской области» (СДГВО) и мн. др.

Перед составителями встает насущный вопрос переиздания словаря, что определяет, без сомнения, новый взгляд на традиционные принципы его составления, на состав словника и соответственно его расширение, на структуру словарной статьи, способы представления системных связей слова, на детальную разработку географических помет и т. п. Очевидно, что составителям и редакторам стоит обратить внимание на отражение функциональных особенностей живой диалектной речи, на представление в словарной статье сведений этнокультурного характера. Электронная форма региональных словарей и соответственно сводного диалектного словаря служит решению данного вопроса.

Современные информационные технологии, безусловно, открывают новые возможности для лексикографических решений. К сожалению, одной из ключевых проблем отечественной диалектологии, в частности диалектной лексикографии, является низкая цифровизация.

Диалектные словари, в том числе сводный словарь русских народных говоров, достаточно консервативны в сравнении с другими лексикографическими проектами. Они создаются на основе устоявшихся концепций, достаточно традиционных. Большинство региональных словарей демонстрирует новые подходы к лексикографической разработке лексической составляющей народных говоров. Выражается это как в реализации идеи семантической подачи материала, так и в расширении объема словарной статьи и увеличении количества параметров, характеризующих диалектную единицу. К тому же анализ современного состояния проблемы позволяет сделать следующий вывод: диалектная лексика и фразеология нуждаются в новых подходах к их описанию и представлению. Исследование содержания и структуры региональных и сводных словарей показывает, каким образом традиционно заложенные основные характеристики формы репрезентации лексической единицы могут стать отправной точкой для нового методологического подхода к подаче диалектного материала. Безусловно, словарь нового поколения должен отвечать таким критериям, как: 1) электронная форма; 2) интерактивность; 3) мультимедийность; 4) многомерность; 5) визуализация. Чрезвычайно важно начать работу по разработке методологической парадигмы для создания электронной формы сводного словаря русских народных говоров.

Возникновение этого замысла во многом определяется и общим направлением развития зарубежной лексикографии. Например, в Институте исконных языков Финляндии (Kotimaisten kielten keskus – «Котус») создан «Словарь финских диалектов» (*Suomen murteiden sanakirja*), изначально включающий в себя примерно 300 000–350 000 слов. Словарь состоит из восьми томов, первый из которых был издан в 1985 г., последний вышел в 2008 г. Начиная с 2012 г. словарь представлен в электронной версии и постоянно пополняется новыми словами – около 6000 новых слов в год (<http://kaino.kotus.fi/sms/>).

Создание электронного сводного диалектного словаря предполагает разработку базы данных, отражающей диалектную лексику с учетом взаимодействия частных диалектных систем.

В современной лингвистике разработаны принципы построения текстовых корпусов (Британский национальный корпус, Национальный корпус русского языка и др.). На сегодняшний день известно два больших корпуса в отечественной лингвистике – Национальный корпус русского языка (НКРЯ) и эшелонированный корпус текстов всех жанров литературы XIX–XXI вв. объемом в 34 000 000 слововхождений, созданный в Секторе теоретической семантики русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Пока же диалектный материал, имеющийся в различных диалектологических центрах, либо мало доступен широкому кругу исследователей, либо в том виде, в котором он обычно существует (без специального аннотирования), не может быть использован с максимальной пользой.

Еще в 1980-х гг. была высказана мысль о необходимости создания машинного фонда диалектных текстов [Машинный фонд русского языка 1986; Гольдин 1989]. В настоящее время существует ряд корпусов, репрезентирующих отдельные элементы диалектной речи: зарубежные корпуса диалектных текстов (например, Helsinki corpus of English dialects, Kirk's Northern Ireland Transcribed Corpus of Speech (NITCS), IViE (Intonational Variation in English) corpus, BBC Voices); диалектный подкорпус в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ); лексико-грамматическая база данных (ЛГБД) по говору с. Пустоша Шатурского р-на Московской обл., включающая тексты – образцы речи носителей говора [Тер-Аванесова, Крылов 2006]; «Текстовая репрезентация диалекта как культурно-коммуникативного образования» (Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского); электронный корпус диалектной культуры Кубани на основе лингвокультуроло-

гической концепции репрезентации диалектного дискурса [Трегубова, Емельянова 2011], где объектом описания в корпусе является локальная традиция северо-западной части Кубани, формирувавшаяся на материнской основе украинской и южнорусской культур в непосредственном контакте с линейными казаками (восточная Кубань) в среде русскоязычного населения. Названные проекты различаются своими целями, принципами организации баз данных, методами обработки (разметки) текстов, включаемых в состав электронного корпуса.

В 1990-е гг. появляется много разработок и исследований в области компьютерной лексикографии. Каждые 2 года проходила конференция COMPLEX. Обзор развития компьютерной лексикографии представлен (см. работу: [Dictionaries 2013]). В Отделе грамматики и лексикологии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН идет работа над «Новым толковым словарем современного русского литературного языка с расширенными сведениями о слове (в книжной и углубленной электронной версиях)». В компьютерной лингвистике в настоящее время известны такие прогрессивные способы и методы технологий представления данных, в частности – лексикографических, как: открытые связанные данные; Linguistic Linked Open Data (LLOD) – облако Лингвистических открытых связанных данных, которое описывает методы создания, обмена и повторного использования языковых ресурсов в соответствии с принципами связанных данных; онтология SKOS, описывающая тезаурусы, таксономии и наборы понятий, связанных иерархическими отношениями; онтология Lemon, предназначенная для сложных лексических ресурсов, где базовыми единицами являются: лексикон, лексическая единица, форма лексической единицы, смысл лексической единицы и понятия из онтологии предметных областей; онтология LexInfo используется для описания языковых категорий: род, число, падеж, время, прямой объект, косвенный объект, синоним, антоним и т. д.; методы автоматической обработки естественного языка (в особенности при работе с диакритическими знаками) – методы, включающие в себя токенизацию, лемматизацию, морфологический и синтаксический анализ. Указанные технологии позволяют использовать преимущества экосистемы Semantic Web, которая включает в себя хранилища данных, логические системы вывода и различные приложения.

На основе представленных, известных в мире, способов и методов обработки лексического материала коллективом составителей СРНГ будет

разработана методологическая парадигма базы данных для репрезентации диалектного материала с целью создания в будущем электронной формы сводного словаря русских народных говоров.

Важным признается тот факт, что данные будут обладать возможностью расширения внешних и внутренних связей. Исходя из целей проекта, будут использованы модели представления пространственно-временных характеристик. Темпоральный подход позволит работать с данными с учетом временных свойств, а Геотеггинг – связать информацию с географическими метаданными. Целостная экосистема (в рамках терминологии компьютерной лингвистики) будет учитывать и последующий доступ к данным. Инструменты работы с технологиями семантического веба предусматривают использование языка запросов SPARQL, которое требует технических знаний. Однако будет разработан интерфейс взаимодействия с данными, не требующий таких знаний, а предлагающий интуитивно понятный блочный подход взамен языка запросов.

Таким образом, в состав задач подобного проекта входят:

- 1) анализ структуры исходных данных, формирование требований к формату их представления;
- 2) разработка формата представления метаданных о пространственно-временных характеристиках диалектных единиц, отвечающего требованиям мультимодальности и интероперабельности;
- 3) разработка онтологии диалектных данных и метаданных для семантического аннотирования (при соотнесении с внешними онтологиями SKOS, Lemon, LexInfo); развертка сервера с семантической базой знаний (RDF хранилищем) и платформой выполнения SPARQL-запросов; разработка шаблонных запросов на поиск и анализ данных;
- 4) проектирование и разработка интерфейса взаимодействия с RDF-хранилищем (поиск данных) в виде конструктора запросов, не требующего знаний языка SPARQL, в том числе с поддержкой запросов на естественном языке.

Проект по разработке базы данных как основы создания электронного сводного диалектного словаря и соответственно самого словаря (на основе информационных ресурсов Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) будет являться первой попыткой исследования и разработки современной и доступной пользователю базы данных, охватывающей диалектный материал в его диахронической и синхронической динамике. Подобный проект

предполагает: определение и анализ новаций в сфере отечественной и зарубежной диалектной лексикографии, определение методологической базы для создания словаря нового поколения – электронного сводного диалектного словаря (на материале русских народных говоров); разработку общих принципов базы данных для электронного сводного диалектного словаря; разработку и описание формата представления метаданных о пространственно-временных характеристиках диалектных материалов (т. е. формата, отвечающего требованиям мультимодальности, интероперабельности и интерпретации), разработку онтологии диалектных данных для аннотирования и представления машиночитаемых данных (в частности с привлечением внешних онтологий – SKOS, Lemon, LexInfo).

Предполагается разработка и описание приемов и методов лингвистического обеспечения автоматизированной системы, решение задачи сохранения аутентичности и одновременно достоверности и полноты диалектных текстов, репрезентирующих речь диалектоносителя современных говоров русского языка. Одной из приоритетных при этом признается задача оперативного извлечения и обработки диалектных данных.

База данных рассматривается как система хранения с широким спектром функциональных возможностей по обработке информации. На ее основе предполагается в будущем создание электронного сводного диалектного словаря. Необходимой характеристикой базы данных в этом случае признается возможность пополнения ее новыми словарными статьями в любое время. При создании подобного рода базы данных важно соблюдать детальную паспортизацию репрезентируемого материала, что, в свою очередь, будет способствовать решению следующих вопросов:

1) обеспечит систематизацию диалектного материала для последующей обработки в рамках будущего электронного сводного диалектного словаря;

2) выступит в качестве основы электронного сводного диалектного словаря (на материале русских народных говоров);

3) позволит проследить динамику развития современных диалектов. Электронная форма даст возможность каждую репрезентируемую единицу сопровождать годом фиксации;

4) будет служить основой для систематизации известных науке, но подчас разрозненных и порозному интерпретируемых диалектных данных;

5) структура предполагаемой базы данных позволит в будущем создать электронную карто-

теку: как уже обработанных карточек, так и карточек на основе новых, оригинальных (собранных в полевых условиях) материалов. Пополнение базы может осуществляться после каждой диалектологической экспедиции и публикации нового регионального лексикографического проекта;

6) будет служить основой создания частотного словаря, что обеспечит возможность провести количественный анализ лексико-грамматической системы, выявить круг высокочастотных единиц, особенности их распределения. Будет проведен функциональный анализ внутрдиалектной и междиалектной вариативности;

7) географическая и временная детализация, предполагаемая в базе, послужит основой для создания лексических атласов, а также метахронных карт, позволяющих отображать лингвистический ландшафт определенной территории в течение того или иного временного отрезка;

8) использование разрабатываемой базы данных открывает большие возможности комплексного описания диалектных материалов с широким привлечением аудио- и видеоматериалов;

9) материалы разрабатываемой базы данных предоставят возможность по-новому посмотреть на отдельные вопросы эволюции диалектного материала, моделирования архаического ментального пространства; расширят спектр сопоставимых граней с материалами славянского континуума в целом. Тем самым углубится представление о соотношении универсального и локального, о характере взаимодействия языковых реалий в контексте системы диалекта.

База данных предоставит следующие возможности для пользователей системы: 1) хранение и обработку лексических данных в облачной системе (лексемы и их парадигмы); 2) обеспечение межсловарных связей. База данных будет строиться на основе технологий облачного хранения и обработки данных с возможностью дальнейшей масштабируемости. Предоставляется доступ через веб-интерфейс в браузере или при помощи локальной версии программы с возможностью простой синхронизации локально добавленных данных в центральную систему. Практически все данные в системе поддерживают версиюность изменений и отслеживание авторства правок. На первом этапе прототип серверной части системы использует СУБД PostgreSQL для хранения словарных данных и файловую систему для хранения объектных данных (аудио, разметки, видео), но в дальнейшем планируется миграция объектных данных на открытые объектные хранилища (например, Openstack Swift или Ceph) для масштабируемости по предоставлению до-

ступа к данным. Облачная платформа Openstack позволяет динамически создавать виртуальные окружения для пользователей с полным набором необходимых пользователю инструментов в виртуальных машинах на базе ОС Linux.

Актуальность подобного проекта обусловливается разработкой методики повышения производительности и эргономичности систем поиска данных диалектных исследований. Это потребует разработки и описания эффективных алгоритмов, ориентированных на запросы и работу с онтологиями, методов индексации данных и алгоритмов поддерживающих RDF-представление в области диалектной лексикографии.

Создание подобной базы данных и электронного сводного диалектного словаря в рамках отечественной диалектологии (проект) будет служить решению следующих вопросов:

1) сохранение диалектных данных, зафиксированных в XIX–XXI вв. на всей территории распространения языка. Русскими диалектологами были собраны богатейшие материалы по лексике и фразеологии. К сожалению, не весь существующий каркас лексических и фразеологических единиц нашел отражение в печатных источниках, не весь вошел в научный оборот. Работа составителей СРНГ (И. В. Баклановой, Е. В. Колосько, О. Н. Крыловой, Е. И. Сьяновой) с рукописными материалами по Ленинградской, Псковской, Новгородской областям (1936–1947 гг.), хранящимися в архиве Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург), показала, что лексические данные из рукописей могут быть использованы при подготовке переиздания СРНГ. Рукописи содержат слова, не зафиксированные в сводном словаре (*барáн*, м. ‘одна из рукоятей сохи’, *бо́тáть*, несов., перех. ‘бодать (о корове)’, *вя́клина*, ж., собир. ‘стебли гороха, свеклы, моркови’ и др.). Данные рукописей могут служить также для уточнения ареала функционирования той или иной единицы, а также ее значений. Например: *батóг* ‘палка’ в (СРНГ 2: 144) имеет только следующие географические пометы – волог., олон., арх., новг., смол., тамб., курск., перм., урал., сиб.; *гоготáть*, несов., неперех. ‘ржать (о лошади)’ в (СРНГ 6: 265) приводится с пометами челяб., оренб., куйбыш., ворон., курск., орл., тул., калуж., твер., новг.; слово *ва́чуги*, мн. (ед. *ва́чуга*, ж.) ‘холщовые рукавицы’, ‘холщовые рукавицы, надеваемые поверх шерстяных варежек’ в (СРНГ 4: 78) имеет оттенки значения ‘рукавицы’ (арх., олон.), ‘суконные или вязанные из шерсти рукавицы’ (арх., олон., астрах.), ‘холщовые рукавицы’ (новг., тихв.), ‘суконные или шерстяные рукавицы, обшитые

сверху кожей’ (арх.), ‘рукавицы, у которых сукно на ладони, а сверху кожа’ (арх.), ‘рабочие рукавицы из парусины, надеваемые поверх варежек’ (ленингр.); *рассказáться*, сов. ‘рассказать, поведать о ком-л., чём-л.’ в (СРНГ 34: 209–210) имеет помету север. Ср. *водоно́с*, м. ‘деревянная дуга с выемками или крючками на концах для ношения вёдер на плечах; коромысло’ в приведенных материалах и ‘жердь с прицепом (привешенной палкой) для ношения ушатов с водой (носят два человека)’ (Слов. Акад. 1806. Моск., калуж., горьк., пенз., тул., орл., ряз., арх., петерб., яросл., калин., смол.) (СРНГ 4: 343). Без сомнения, современные фонды диалектных материалов требуют специальных форм хранения (базы данных, корпуса, электронные словари и т. п.);

2) разработка методологических основ создания электронной базы данных раскрывает большие возможности комплексного описания диалектных материалов с широким привлечением аудио- и видеоматериалов;

3) электронный ресурс будет способствовать решению многих задач традиционной диалектологии, в которой преобладает описательный подход: создание электронных словарей и электронных словарей; расширение возможностей диалектной лексикографии: создание словарной картотеки на основе базы данных, электронного построения словарных статей и автоматической обработки лексического материала и т. п. Реализация проекта требует создания комплексной цифровизации процессов, возникающих в деятельности научных исследователей, в частности, исследователей Отдела диалектной лексикографии и лингвогеографии русского языка Института лингвистических исследований РАН;

4) материалы базы будут служить выявлению хронологии появления и исчезновения отдельных значений, принципов действия семантических закономерностей и тенденций в лексике на разных этапах развития, причин появления семантических трансформаций и инноваций на материале диалектных систем;

5) разработка методологической парадигмы базы данных и соответственно электронного диалектного словаря сопряжена с решением ряда сложных теоретических проблем традиционной диалектной лексикографии:

а) принципы отбора слов. Как показывает анализ, диалектные словари далеко не полностью отражают план содержания словесных единиц, функционирующих в русских говорах. В начале 90-х гг. XX в. О. В. Загоровская указывала на необходимость создания диалектных словарей, с максимальной полнотой отражаю-

щих план содержания диалектных лексических единиц с учетом аккумулярованного в нем своеобразия духовной культуры народа [Загорская 1991: 4]. В последних томах АОС многозначные общерусские слова по возможности представлены полноструктурно, без отсечения значений, общих с литературными, уже независимо от того, обнаружены ли у них какие-нибудь отличия от литературного языка. Это обстоятельство позволяет рассматривать словарь как полный диалектный словарь. Как показывает анализ существующих региональных словарей, дифференциальные словари не охватывают полностью дифференциальную лексику, функционирующую в говорах. И словари полного типа также не отражают всей существующей в говоре лексики;

б) оформление заголовочного слова – одна из самых остро стоящих в диалектной лексикографии. Часто лексикографам приходится описывать материал, имеющий недостаточное количество фиксаций, с трудно восстанавливаемыми словообразовательными связями, непрозрачной внутренней формой, гипотетической этимологией. Особенно труден выбор заголовочной формы в случае варьирования толкуемой лексемы;

в) варьирование диалектных лексем. Сложным и до конца не решенным остается вопрос о представлении связи лексико-фонетического варианта с определенной территорией, вопрос о лексикализации фонетических явлений [Варбот 2018; Кузнецова 1994 и другие];

г) этимология, мотивированность, внутренняя форма, членимость диалектного слова;

д) разработка полисемии (предметная отнесенность слова, разная функциональная направленность денотата, сочетание этих аспектов при сохранении интегральных сем и семантических связей между разными значениями лексемы; этимологически исходный дифференциальный признак, переносные смысловые разновидности, их иерархическая зависимость) и др.

Решение подобных вопросов является, безусловно, важной вехой в развитии диалектной лексикографии в формате новых компьютерных технологий. В частности, можно будет наблюдать общерусское слово во всей совокупности его значений, в том числе и значений, совпадающих с литературным языком.

В целом предполагаемый электронный словарь должен содержать комплексную, по возможности максимально полную информацию, позволяющую представить слово как единицу языка и как единицу, функционирующую в широком культурно-историческом контексте. Эта задача предполагает описание слова в его системных языко-

вых связях: частеречных, парадигматических, синтаксических, деривационных, фразеологических, функциональных. В рамках решения данной задачи возможно также отображение обусловленности семантики лексической единицы экстралингвистическими факторами. Это отвечает запросам справочного и исследовательского характера. Регистрация всех случаев использования той или иной языковой единицы с паспортизацией позволяет не только отыскать необходимый фрагмент, но и проследить и проанализировать синтагматические связи, определить синтаксические характеристики и функции и т. п.

Список источников

АОС – *Архангельский областной словарь* / под ред. О. Г. Гецовой (вып. 1–12), О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой (вып. 13–15), Е. А. Нефедовой (вып. 16–20). Вып. 1–20. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980–2019.

КрКОС – *Живое костромское слово*. Краткий костромской областной словарь / сост. Н. С. Ганцовская, Г. И. Маширова; отв. ред. Н. С. Ганцовская. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006.

НКРЯ – *Национальный корпус русского языка*. URL: www.ruscorpora.ru.

ОСВГ – *Областной словарь вятских говоров*: в 12 вып. / отв. ред. В. Г. Долгушев, З. В. Сметанина. Киров, 1996–2018.

ПОС – *Псковский областной словарь с историческими данными* / ред. А. И. Лебедева, О. С. Мжельская, С. М. Глушкина, Л. А. Ивашко, А. И. Корнев, И. С. Лутовинова и др. Вып. 1–27. Л. / СПб.: Изд-во Ленингр. ун-та / Изд-во С.-Петербурга, 1967–2017.

СВГ – *Словарь вологодских говоров*: в 12 вып. / ред. Т. Г. Паникаровская (вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (вып. 8–12). Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т / Вологод. гос. пед. ун-т, 1983–2007.

СГРС – *Словарь говоров Русского Севера* / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Т. 1–7. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001–2018.

СДГВО – *Словарь донских говоров Волгоградской области*: в 6 т. / ред. Р. И. Кудряшова. Волгоград: Издатель, 2011.

Селигер – *Селигер*: материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып. 1–7: А–У / гл. ред. А. С. Герд. СПб.; Тверь: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003–2017.

СРГК – *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*: в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994–2005.

СРГО – *Словарь русских говоров Одесщины*. Т. 1–2. Одесса: Астро Принт, 2000–2001.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–46), С. А. Мызников (вып. 47–51). Т. 1–51. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2019.

ССГ – *Словарь смоленских говоров*: в 11 вып. / под ред. А. И. Ивановой, Е. Н. Борисовой, Л. З. Бояриновой. Смоленск: СГПУ, 1974–2005.

Список литературы

Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию: материалы для спецкурса. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. 258 с.

Блинова О. И. Русская диалектология. Лексика. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 133 с.

Варбот Ж. Ж. Вариантность диалектной лексики и этимология // Исследования по славянской диалектологии. 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2018. С. 130–134.

Вендина Т. И. Лексический атлас русских народных говоров (пробный выпуск): предварительные итоги // Вопросы языкознания. 2004. № 2. С. 3–19.

Гецова О. Г. О характере областного (диалектного) словаря // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1964. № 3. С. 96–105.

Гольдин В. Е. К проекту Диалектологического текстового подфонда Машинного фонда русского языка // Доклады Третьей всеросс. конф. по созданию Машинного фонда русского языка. Ч. 2. М., 1989. С. 3–5.

Загоровская О. В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1991. 32 с.

Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М., 1979. 334 с.

Кузнецова О. Д. Слово в говорах русского языка. СПб.: ИЛИ РАН, 1994. 86 с.

Машинный фонд русского языка: идеи и суждения / АН СССР, Ин-т рус. яз., Науч. совет по лексикологии и лексикографии; отв. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1986. 239, [1] с.

Мызников С. А. Русская диалектная сводная и региональная лексикография (XIX–XXI вв.) // Славянская лексикография = Slavic lexicography: [международная коллективная монография] / Международный ком. славистов, Комис. по лексикологии и лексикографии, Нац. ком. славистов Российской Федерации, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова РАН; отв. ред. М. И. Чернышева. М.: Азбуковник, 2013. С. 563–578.

Нефедова Е. А., Качинская И. Б., Кокконова А. Б. «Архангельский областной словарь»:

прошлое и настоящее // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2013. № 3. С. 39–60.

Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982. 198 с.

Тер-Аванесова А. В., Крылов С. А. Лексико-грамматические базы данных как инструмент диалектологического описания // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Междунар. конф. «Диалог 2006». М.: Изд-во РГГУ, 2006. С. 493–498.

Трегубова Е. Н., Емельянова М. В. Лингвокультурный дискурс и специфика его репрезентации в диалектном корпусе // Русская устная речь: материалы междунар. науч. конф. «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвуз. совещ. «Проблемы создания и использования диалектологических корпусов», Саратов, 15–17 ноября 2010 г. Саратов, 2011. С. 264–269.

Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л.: АН СССР, 1961. 197 с.

Dictionaries An International Encyclopedia of Lexicography. Supplementary Volume: Recent Developments with Focus on Electronic and Computational Lexicography. Berlin: De Gruyter, 2013. 1592 p.

References

Blinova O. I. *Vvedenie v sovremennuyu regional'nuyu leksikologiyu: materialy dlya spetskursa* [Introduction to modern regional lexicology: materials for a special course]. Tomsk, Tomsk State University Press, 1975. 258 p. (In Russ.)

Blinova O. I. *Russkaya dialektologiya. Leksika* [Russian dialectology. Vocabulary]. Tomsk, Tomsk State University Press, 1984. 133 p. (In Russ.)

Varbot Zh. Zh. *Variantsnost' dialektnoy leksiki i etimologiya* [The variability of dialect vocabulary and etymology]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. 19–20. Slavyanskie dialekty v sovremennoy yazykovoy situatsii. Dialektnyy slovar' kak sposob issledovaniya slavyanskikh dialektov* [Research on Slavic dialectology. 19–20. Slavic dialects in the modern language situation. The dialect dictionary as a way to study Slavic dialects]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018, pp. 130–134. (In Russ.)

Vendina T. I. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (probnyy vypusk): predvaritel'nye itogi* [Lexical Atlas of Russian folk dialects (a pilot issue): preliminary results]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], 2004, issue 2, pp. 3–19. (In Russ.)

Getsova O. G. O kharaktere oblastnogo (dialectnogo) slovarya [On the nature of the regional (dialect) dictionary]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 1964, issue 3, pp. 96–105. (In Russ.)

Gol'din V. E. K proektu dialektologicheskogo tekstovogo podfonda Mashinnogo fonda russkogo yazyka [To the project of the dialectological text subfund of the Russian language machine fund]. *Doklady tret'ey vserossiyskoy konferentsii po sozdaniyu mashinnogo fonda russkogo yazyka. Ch. 2* [Proceedings of the third all-Russian conference on the creation of the Russian language machine fund. Pt. 2]. Moscow, 1989, pp. 3–5. (In Russ.)

Zagorovskaya O. V. *Semantika dialektного слова i problemy dialektной лексикографии*: Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk [The semantics of a dialect word and issues of dialect lexicography: Abstract of Dr. philol. sci. diss.]. Leningrad, 1991. 32 p. (In Russ.)

Kogotkova T. S. *Russkaya dialektная лексикология (sostoyanie i perspektivy)* [Russian dialect lexicology (state and prospects)]. Moscow, 1979. 334 p. (In Russ.)

Kuznetsova O. D. *Slovo v govorakh russkogo yazyka* [The word in the dialects of the Russian language]. St. Petersburg, ILI RAN, 1994. 86 p. (In Russ.)

Mashinnyy fond russkogo yazyka: idei i suzhdeniya. AN SSSR, In-t rus. yaz., Nauch. sovet po leksikologii i leksikografii [Russian language machine fund: ideas and opinions (Academy of Sciences of the Soviet Union, Russian Language Institute, Scientific board on lexicology and lexicography)]. Ed. by Yu. N. Karaulov. Moscow, Nauka Publ., 1986. 239 p. (In Russ.)

Myznikov S. A. *Russkaya dialektная svodnaya i regional'naya leksikografiya (19–21 vv.)* [Russian dialect summary and regional lexicography (19th–21st centuries)]. *Slavyanskaya leksikografiya = Slavic lexicography: [mezhdunarodnaya kollektivnaya monografiya]*. *Mezhdunarodnyy kom. slavistov, Komis. po leksikologii i leksikografii, Nats. kom. Slavistov Rossiyskoy Federatsii, In-t russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN* [Slavic lexicography: International collective monograph (International Committee of Slavists, Commission on lexicology and lexicography, National Committee of Slavists of the Russian Federation, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences)].

Ed. by M. I. Chernysheva. Moscow, Azbukovnik Publ., 2013, pp. 563–578. (In Russ.)

Nefedova E. A., Kachinskaya I. B., Kokonova A. B. *'Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'*: *proshloe i nastoyashchee* [Arkhangelsk regional dictionary: The past and the present]. [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], 2013, issue 3, pp. 39–60. (In Russ.)

Ossovetskiy I. A. *Leksika sovremennykh russkikh narodnykh govorov* [Vocabulary of modern Russian folk dialects]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 198 p. (In Russ.)

Ter-Avanesova A. V., Krylov S. A. *Leksikogrammaticheskie bazy dannykh kak instrument dialektologicheskogo opisaniya* [Lexical and grammatical databases as a tool for dialectological description]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoy konferentsii 'Dialog 2006'* [Computer linguistics and intellectual technologies: Proceedings of the international conference 'Dialogue 2006']. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2006, pp. 493–498. (In Russ.)

Tregubova E. N., Emel'yanova M. V. *Lingvo-kul'turnyy diskurs i spetsifika ego reprezentatsii v dialektnom korpuse* [Linguistic and cultural discourse and the specifics of its representation in the dialect corpus]. *Russkaya ustnaya rech': materialy mezhdunar. nauch. konf. 'Barannikovskie chteniya. Ustnaya rech': russkaya dialektная i razgovorno-prostorechnaya kul'tura obshheniya' i mezhvuz. soveshchaniya 'Problemy sozdaniya i ispol'zovaniya dialektologicheskikh korpusov'* [Russian oral speech: Proceedings of the International Scientific Conference 'Barannikov's readings'. Oral speech: Russian dialect and colloquial-vernacular culture of communication and inter-university meetings 'Issues of creation and use of dialectological corpus']. Saratov, 2011, pp. 264–269. (In Russ.)

Filin F. P. *Proekt 'Slovary russkikh narodnykh govorov'* [The project of 'The dictionary of Russian folk dialects']. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1961. 197 p. (In Russ.)

Dictionaries. An International Encyclopedia of Lexicography. Supplementary Volume: Recent Developments with Focus on Electronic and Computational Lexicography. Berlin, De Gruyter, 2013. 1592 p. (In Eng.)

ON THE PROBLEM OF CREATING AN ELECTRONIC CONSOLIDATED DIALECT DICTIONARY

Elena I. Syanova

Senior Researcher

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences

9, Tuchkov pereulok, St. Petersburg, 199053, Russian Federation. syanovaei@mail.ru

SPIN-code: 2206-2275

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1408-2943>

Submitted 02.02.2020

The article addresses the issue of creating an electronic format for a consolidated dictionary of Russian dialects. In the context of discussing the forthcoming reissue of the *Dictionary of Russian Folk Dialects*, such a form is seen as a necessary milestone on the way to solving the pressing problems of Russian dialect lexicography. The electronic format opens up new possibilities for lexicographic decisions, in particular for reflecting the functional features of live dialect speech, for presenting ethnocultural information in a dictionary entry. The creation of an electronic consolidated dialect dictionary involves the development of a database that reflects dialect vocabulary taking into account the interaction of separate dialect systems. The database is understood as a storage system with a wide range of functions for processing information. This will facilitate the systematization of dialect material for its subsequent processing in the framework of the future electronic consolidated dialect dictionary, including materials known to science but disparate and interpreted differently in regional lexicographic projects. In the future, the structure of the proposed database will make it possible to create an electronic card index, containing both cards already processed, and cards based on new, original (collected in the field) materials. The geographic and temporal specification proposed in the database will serve as the basis for the creation of lexical atlases, as well as metachronal maps, allowing the linguistic landscape of a certain territory to be displayed over a given time interval. The priorities are: 1) analysis of the structure of the source data, formation of requirements for the format of their presentation; 2) development of a format for the presentation of metadata on the spatiotemporal characteristics of dialect units that would meet the requirements of multimodality and interoperability; 3) development of an ontology of dialect data and metadata for semantic annotation (in particular, when correlated with external ontologies SKOS, Lemon, LexInfo), etc.

Key words: computer lexicography; dialect lexicography; electronic consolidated dialect dictionary; database; Russian folk dialects.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.111(09)
doi 10.17072/2073-6681-2020-1-78-84

ОБРАЗНАЯ СИСТЕМА ПОВЕСТИ ДОРИС ЛЕССИНГ «ЛЕТО ПЕРЕД ЗАКАТОМ»

Марина Сергеевна Бережная

аспирант кафедры теории и истории литературы

Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации

Южного федерального университета

344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93. m.beregnaya@me.com

SPIN-код: 8578-5974

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0050-7648>

ResearcherID: K-4707-2017

Статья поступила в редакцию 22.10.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бережная М. С. Образная система повести Дорис Лессинг «Лето перед закатом» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 78–84. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-78-84

Please cite this article in English as:

Berezhnaya M. S. Obraznaya sistema povesti Doris Lessing «Leto pered zakatom» [Imagery System in the Novel ‘The Summer before the Dark’ by Doris Lessing]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 1, pp. 78–84. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-78-84 (In Russ.)

Исследование обращено к образной системе повести известной британской писательницы, лауреата Нобелевской премии по литературе, Дорис Лессинг «Лето перед закатом» (1973). Во-первых, выделяется динамика пространственных образов (топосов патриархального английского дома и разнообразных гетеротопических пространств), выстраивающихся в кольцевую композицию. Во-вторых, прослеживаются лейтмотивные образы-метафоры самообнаружения героини (образ тюленя, образ зеркала). В целом, образная система повести указывает на магистральный сюжет самообретения героини, весьма характерный для творчества Лессинг, известной своими неортодоксальными художественными трактовками женского вопроса. Патриархальное пространство дома намеренно воссоздается как «идиллический хронотоп» (М. Бахтин) только для того, чтобы быть показанным в его исторической и фактической несостоятельности, превращенным в ложную идиллию. Динамичная смена пространственных образов от конвенционального топоса дома к гетеротопическому (гостиница, съемная квартира) соотносится в повести с этапами самопознания героини и постепенного принятия ею себя как личности, отказывающейся от социальных ожиданий. Психологический сюжет повести формируется также благодаря постепенному смысловому наполнению онейрического образа тюленя, сопряженность которого с внешними событиями жизни героини и сменой пространственных топосов, маркирующих символические этапы трансформации личности героини, заостряет экзистенциально-психологические грани женского опыта, в том числе опыта старения.

Ключевые слова: Дорис Лессинг; образная система; сюжет самопознания; пространственные топосы; тело; образ зеркала.

Нобелевский лауреат по литературе 2007 г. Дорис Лессинг известна разнообразным по тематике и жанровой палитре творческим наследием. В ее произведениях часто самым неожиданным

образом переплетаются злободневные темы конца прошлого и начала нынешнего веков: от исследования границ человеческого познания и сложных психологических состояний до обра-

щения к семейным, социальным, расовым, экологическим и политическим вопросам в их современном звучании.

Этим объясняется неиссякаемый исследовательский интерес к изучению творчества Лессинг. Отметим монографические труды Сюзан Уоткинс [Watkins 2010], Роберты Рубинштейн [Rubenstein 1979], Джудит Гардинер [Gardiner 1989], Гэйл Грин [Green 1994], Дебры Рашке [Rashke 2010], Элис Риду [Ridout 2009] и др. В отечественном литературоведении наследие Лессинг, хотя и в существенно меньшем объеме, чем на Западе, также не было обойдено вниманием. Однако объектом изучения среди российских ученых является преимущественно романное творчество Лессинг: (И. Н. Васильева-Южина [Васильева-Южина 1986], И. В. Головачева [Головачева 2010], М. В. Миколайчик [Миколайчик 2014], Е. А. Цурганова [Цурганова 2010]). Малая проза и повести писательницы практически не изучены. Общим методологическим ключом к творчеству Лессинг, которое, впрочем, не может быть им исчерпано, продолжает оставаться психоаналитический подход. Однако «пристальное прочтение» текста и его интерпретация с позиций глубинного психологизма могут быть дополнены наблюдениями над пространственной организацией художественного мира и включением в него повторяющихся семантически маркированных образов.

Повесть «Лето перед закатом» (“The Summer Before the Dark”, 1973) – любопытный пример художественного изображения героини, переживающей маргинальный опыт. Метаморфозы, через которые проходит Кейт Браун, инициированы экзотическими, по сравнению с привычной размеренной семейной жизнью в патриархальном английском доме, топосами (нетуристические регионы Испании, комната в отеле, комната в коммунальной квартире). Смена экзотических мест и новый опыт общения становятся необходимым этапом для подлинного самообнаружения, понимания героиней неизбежных физических изменений, связанных со старением. Ее реалистический портрет, складывающийся из многочисленных деталей (постепенно увеличивающийся пробор седины, западающие щеки, худоба), сопровождается необычными метафорами и лейтмотивными образами. Среди них – образы тюленя (запах рыбы, ассоциированный со старостью) и зеркала.

Повесть имеет кольцевую композицию: последовательная смена топосов, манифестирующих определенные этапы на пути самообретения героини, завершается возвращением в исходное положение, но уже в другом качестве. В экспозиции мы видим Кейт на лужайке перед соб-

ственным домом. Но в этот идиллический ландшафт вторгается холодный ветер «смутной тревоги». Дискомфорт героини в связи с приближением возраста зрелости художественно воплощается в ощущении холодного северного ветра, “as if suddenly a very cold wind had started to blow, straight towards her, from the future” (20)¹. Кейт предчувствует грядущие перемены. Но какие? “Nothing much more than, simply, she grew old [...] she could look forward to nothing much but a dwindling away from full household activity into getting old” (8). В романе эти ощущения героини связываются не столько с разочарованием в супружеской жизни (изменой мужа), сколько с необходимостью найти и признать правду о себе, о неизбежности собственного старения.

В начале романа Кейт настойчива в усилиях выглядеть так, как того требует образ идеальной хозяйки дома, жены и матери. Портретные детали костюма весьма красноречивы: в жаркий день, находясь дома, она носит туфли и чулки. Лессинг акцентирует внимание на том, как тщательно она делает прическу, на которой сосредотачивается вся ее энергия и выдумка. Кейт Браун окрашивает волосы в более консервативный каштановый оттенок (здесь возможно неслучайное совпадение с ее фамилией по мужу), хотя природный цвет ее волос темно-рыжий. Она всегда укладывает волосы в прическу, хотя, будь у нее выбор, предпочла бы носить их распущенными. Но в заведенном порядке жизни Кейт, привлекательной и молодожавой женщины сорока пяти лет, матери четверых взрослых детей и жены успешного врача, возникает неожиданный сбой: муж и дети разъезжаются на лето, а ей предстоит лишиться на время отпуска привычного пространства дома с его заботами и провести лето, свободно распоряжаясь собой. Ее внутренний поиск соотносится с различными пространственными топосами, каждый из которых представляет определенный этап трансформации личности героини².

Попыткой сменить обстановку и разобраться в себе становится решение Кейт принять предложения о работе переводчиком на международной продовольственной конференции. Дальнейшие события лета, проведенного в экзотических, с точки зрения привычного уклада домохозяйки, местах (работа переводчиком, поездка в Испанию с молодым человеком, болезнь в одиночестве фешенебельной комнаты отеля, жизнь в съемной комнате), значимы в связи с драматическими изменениями, происходящими в сознании Кейт.

Вначале кажется, что работа переводчицей дает героине возможность вернуться к той поре, когда она, еще незамужняя и уверенная в своей привлекательности, изучала в Оксфорде литера-

туру и романские языки. Детали портрета – окрашивание волос в цвет, который Кейт предпочитала в молодости, и смена гардероба, однако, не должны вводить в заблуждение в легкости этой перемены. В сознании Кейт стучится странный образ из ее необычного повторяющегося сна, в котором ей необходимо спасти израненного и страдающего тюленя, донести животное к его естественной среде обитания – морю.

В одном из интервью Лессинг признается: “Dreams have always been important to me [...] With a few symbols a dream can define the whole of one’s life, and warn us of the future too” [Raskin 1970: 172]. Интерпретация сна о тюлене в работах ряда исследователей неоднозначна. С одной стороны, прием показался тривиальным: “A sequential dream about a seal, a device that becomes too predictable and even prosaic, makes up the rest of Kate’s inner life” [Rowe 1994: 69]. Впрочем, Беретс обращает внимание на “positive progression of the dream imagery and the growth and development of the seal” [Berets 1980: 119]. С другой стороны, исследователи трактуют тюленя как образ, побуждающий Кейт меняться, предпринимать усилия («нести тюленя») и становящийся своеобразным выражением бессознательного Кейт: “The dream is not incidental but central to the plot; it acts both as a continuing motivating force for the heroine, and as a commentary from her unconscious on her behavior” [Whittaker 1988: 87]. Нам видится продуктивным дополнить мысль Виттекер предположением о сюжетогенном характере сна героини. Сон о тюлене образует лейтмотивный ряд и возникает в критических эпизодах, имплицитно указывая нерешительной героине на необходимость выбора подлинного «Я», поиска естественной для него среды («моря»). Вместе с тем тюлень и тяжелый рыбный запах, с ним ассоциируемый, возможно, указывают на изменившееся тело уже немолодой Кейт.

Обратим внимание на сопряженность появления онейрического образа с внешними событиями жизни героини и сменой пространственных топосов. Сон метафорически указывает на ориентиры самопознания героини. Впервые она видит сон о тюлене в крошечной пустой комнате, в которой живет во время работы на конференции: “This small box of a room, that had in it a bed, a chair, a chest of drawers, a mirror – yes, this is what she would choose, if she could choose... she dreamed” (34). Временное жилье Кейт, безликая комната, неожиданно становится для нее идеальным пространством, так как в нем нет вещей, воскрешающих в ее памяти события прошлого; пространство лишено намека на ностальгию и сентиментальность. Пустота комнаты символизирует искомую незаполненность и обнажен-

ность «Я». Кейт полагает, что должна подумать о себе и своем будущем вдали от семьи. «Экзотический» образ тюленя, раненого, истощенного, нуждающегося в помощи, становится проекцией ее «Я». Во сне Кейт несет тюленя «на север», а в реальной жизни она принимает предложение продолжить работу еще на месяц и переезжает в «экзотический» южный Стамбул, где ее комнатой становится точная копия безликой коробки, которую она только что покинула. Однако добросовестное исполнение возложенных на нее обязанностей поразительно напоминает ту заботу, что Кейт проявляла в собственной семье: работа не дает ей искомого освобождения от заданности ее роли.

Побег в Испанию с молодым мужчиной также не приносит Кейт чаемого самопознания и обретения гармонии. Любовное приключение с Джеффри становится попыткой заменить роль верной жены и матери на роль возлюбленной молодого человека. Вместо этого она оказывается в компании мужчины, который переживает душевный кризис и сам нуждается в материнском совете. Лессинг доводит до гротеска невозможность телесного контакта: роман все больше обращается в перспективу выхаживания беспомощного Джеффри, слегшего с непонятной болезнью. В Кейт по-прежнему сильна инерция материнской заботы: “She was unable to switch herself out of the role of provider of invisible manna, consolation, warmth [...] She had been set like a machine by twenty-odd years of being a wife and a mother” (52). В отеле, не решаясь тревожить больного, она проводит бессонную ночь на балконе, приходя к мысли о том, что, возможно, эскапада с Джеффри была ошибочна и ей нужно пожить одной, буквально «снять комнату для себя» – “to take a room by herself somewhere in London for the months of summer” (107). Она останавливает себя перед тем, как превратиться в няньку Джеффри, передоверяет его монахиням и покидает Испанию. Кейт необходимо вновь научиться прислушиваться к себе и своим желаниям, навыку, утраченному за годы служения семье. Этому вторит сон о тюлене, в котором иносказательно подтверждается «ошибочность» шага на пути к подлинному «Я».

Поворотным пунктом для героини становится ее пребывание в респектабельной гостинице в Блумсбери³, “a cocoon of love and warmth” (151), где она переживает болезнь, связанную скорее с психологическим кризисом, нежели с физическим недугом. Около месяца проводит Кейт в комнате отеля в одиночестве, нарушаемом лишь вышколенным персоналом и уличным шумом, возможно, напоминающем ей о необходимости вернуться к реальной жизни. Кейт чувствует себя

“nauseous”, “sick”, теряет в весе, скучает по дому и мужу, плачет или находится в состоянии ступора: “...did not move; and there followed a long, slow, underwater time” (153). Болезнь манифестирует кризис, связанный с необходимой трансформацией личности героини. Комната отеля – “a room the size of the smallest bedroom in her home [...] cushions lolled to suggest home, comfort: there was nothing else in the room that was not functional” (152) – становится для героини местом символической смерти старой личности и рождения новой. Роль Кейт кардинально меняется; теперь она принимает «материнскую заботу» персонала гостиницы. Внешний облик Кейт за время болезни также иной; в зеркале она видит “a woman all bones and big elbows, with large knees above lanky calves; she had small dark anxious eyes in a white sagging face around which was a rough mat of brassy hair. The gray parting was three fingers wide. She looked nothing like the pretty cared-for woman of the home in South London” (156).

Недуг провоцирует и весьма болезненный пересмотр патриархальных ценностей материнства: теперь Кейт говорит о нем как о жизненном тупике (“a con job”), детей видит монстрами, буквально «поедающими» ее, а весь свой жизненный опыт как помешательство (“a form of dementia” (103)), превратившего ее из уверенной молодой девушки в одержимого сомнениями, суетливого и беспокойного человека. В новом облике ее не узнает подруга и соседка, но это не вызывает горечи у Кейт, которая осознала ненужность социальных масок и оставила стремление им соответствовать. Едва поправившись, она съезжает из фешенебельного отеля и снимает за копейки комнату в квартире у девушки по имени Морин.

Примечательно описание новой комнаты Кейт: “The room was small, and had in it a narrow bed and a cupboard. It was many degrees colder than the front of the flat, which was on the south” (183). Лессинг приводит героиню в квартиру, выходящую на северную сторону, что является символическим завершением маршрута самопостижения. Направление движения поиска, заданное серией снов о тюлене (“she must pick it up and walk north, north, always north, away from the sun” (161)), заставляет вспомнить об упоминании «ветра с севера» в начале романа⁴. Лессинг будто ведет свою героиню к «месту» пробуждения ее личности, точке сборки ее личных экзистенциальных смыслов.

По нашему мнению, квартира Морин представляет собой ярко выраженное гетеротопное пространство: в квартире постоянно происходит смена людей, сама хозяйка квартиры регулярно примеряет на себя различные образы. Кейт нахо-

дится в пространстве, абсолютно нетребовательном ни к ее внешнему виду, ни к ее социальному статусу. Находясь рядом с незнакомыми людьми, пребывая в ситуации почти полной анонимности, Кейт освобождается и от необходимости соответствовать чужим ожиданиям. Кейт осознанно выстраивает отношения с Морин как с сестрой или подругой (несмотря на то, что та по возрасту годится ей в дочери), что представляет собой резкий контраст ее материнскому отношению к Джеффри. Общаясь с Морин, Кейт узнает новое о себе. Мучительные колебания Морин в выборе жениха (хиппи, неофашиста или аристократа) помогают Кейт переосмыслить собственное замужество.

В повести отчетливо прослеживается характерный для творчества Лессинг мотив выбора модели женского поведения. Лессинг изображает разные «проекты» женской судьбы. Так, Кейт сначала была домохозяйкой, затем женщиной с потенциальной карьерой, любовницей, и только освободившись от подавлявших ее стереотипов (“invisible chains” (249)), заставляющих женщину играть по определенным правилам (“we should do this, we must do that” (249), она обретает себя⁵.

В этой связи особое значение приобретает лейтмотивный образ зеркала, выступающий в функции социальной репрезентации «Я» героини. Оно передает все видимые изменения, происходящие с Кейт: от образа холеной домохозяйки из буржуазного пригорода до странной худой старухи с седыми волосами. В начале романа героиня использует зеркало так, как если бы оно отражало взгляд других; оно нужно ей, чтобы убеждаться в их любви или одобрении: “For years Kate, who spent the requisite amount of time in front of many different mirrors, had been able to see exactly what he was seeing, when his face was close above hers. Oh it was all so wearying, so humiliating... had she really spent so many years of her life... in front of a looking glass?” (178). Позже Кейт с горечью отмечает, что долгие годы ограничивалась лишь отдельными выражениями лица, в основном, доброжелательными улыбками и выражением готовности сглаживать любые углы. В финале повести Кейт, теперь равнодушная к общественному мнению, перестает искать подтверждения своей ценности в «оптике» зеркала. В квартире Морин она впервые сама определяет свой образ: “...a thin monkey of a woman [...] her hair tied into a lump behind her head” (184), задаваясь вопросом, не остаться ли ей в ее нынешнем облике насовсем: “What an interesting idea!”. Таким образом, зеркало отражает превращение Кейт из женщины, стремящейся соответствовать общественным ожиданиям, в личность, воспринявшую свое старение как выражение обретенной ею индивидуальности.

На наш взгляд, образы зеркала и тюленя формируют основную смысловую оппозицию в произведении. Если лейтмотив зеркала последовательно развивает идею отказа от социальной маски, то лейтмотивный образ тюленя как будто вживляет образ подлинного «Я» в изменившееся новое тело. Если в начале повествования тюлень слаб, обезвожен, истощен, то к финалу – он здоров и свободен в стихии моря.

Примечательна и сама дискуссия, развернувшаяся вокруг финала: Гейл Грин в своей интерпретации отмечает возвращение тюленя в естественную среду как “a kind of triumph” [Greene 1994: 125] и проводит параллель с возвращением внутренне изменившейся Кейт в семью. Но именно это финальное возвращение расценивается феминистскими критиками как поражение [Lefcowitz 1979].

Как представляется, мысль Лессинг не лишена иронии. Несмотря на полный трудностей путь на север, во сне путешествие Кейт оканчивается на фоне весеннего пейзажа, вызывающего у нее почти экзотические чувства. Лессинг акцентирует внимание на том, как Кейт видит солнце: “a large, light, brilliant, buoyant, tumultuous sun that seemed to sing” (267), будто настраивая на то, что последующее возвращение героини домой будет освещено «радужными надеждами». Но это заблуждение, ибо читатель помнит о заглавии повести – «Лето перед закатом». Переживание наступления старости, таким образом, преподносится Лессинг как экзистенциальный рубеж, позволяющий героине почувствовать подлинную свободу, принять свое новое тело изменившимся, но здоровым от ран.

Примечания

¹ Lessing D. *The Summer Before the Dark*. First vintage international edition. 2009. В дальнейшем это издание цитируется с указанием электронных страниц в круглых скобках.

² Лессинг использует значительный объем лексики для описания жизненной роли миссис Майкл Браун, которая ранее характеризовала Сюзан Роулингз из рассказа «Комната 19».

³ Обращает на себя внимание расположение отеля в районе (Блумсбери), где жила Вирджиния Вульф, автор знаменитого эссе «Своя комната».

⁴ Предположим, что Лессинг отсылала к известному положению богов в Древнем Риме (“the Etruscans located the abode of the gods in the north”) и представлениям о том, что обращение к ним предполагает обращение лицом на север (“to face the north was to pose questions”) [Cirlot 1990: 245]. Виттакер, однако, связывает движение в северном направлении с трудным путем личностного поиска: “We understand the north-

ward journey to be a metaphor for the pain of self-discovery” [Whittaker 1988: 89].

⁵ Обратим внимание, что в гетеротопном пространстве разыгрываются разнообразные модели женского поведения. Так, юная Морин стоит на пороге выбора: она изображена чрезмерно привязанной к сверхженственному образу в манере одеваться, что свидетельствует о ее стремлении быть объектом мужского внимания. Образ Морин – птички в клетке из сновидения Кейт – говорит о несвободе женского сознания от социальных установок. И по-настоящему свободной женщиной в романе изображает Лессинг подружку и соседку Кейт Мэри Финчли. Она – полный антитепа Кейт; живет, не оглядываясь на общественное мнение, изменяет мужу, без пietetа рассуждает о детях, подчиняется лишь собственным желаниям. Возможно, Лессинг намеренно доводит до крайности образ раскованной Мэри, отличительной особенностью которой становится нечувствительность к навязываемому обществом комплексу вины за любые действия, – “Nothing has taken on Mary. She hasn’t any sense of guilt – that’s the point” (248).

Список литературы

Васильева-Южина И. Н. Романы Дорис Лессинг. Проблема жанра: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986. 24 с.

Головачева И. Утопии в литературе и психологии // Вопросы филологии. 2000. Т. 6. С. 119–131.

Миколайчик М. Психологический анализ и самоанализ в романном творчестве Дорис Лессинг // Международная научная конференция обмена научными достижениями: сб. науч. докл. Познань, 2014. Ч. 5. С. 36–42.

Цурганова Е. А. Романы Дорис Лессинг в контексте гендерного подхода // Гендерная проблематика в современной литературе: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2010. С. 161–174.

Лессинг Д. Лето перед закатом // Лессинг Д., Апдайк Дж. Лето перед закатом. Давай поженимся; пер. с англ. М.: МП «Фирма Арт», 1992. 384 с.

Berets R. A Jungian Interpretation of the Dream Sequence in Doris Lessing’s *The Summer Before the Dark* // *Modern Fiction Studies*. 1980. Vol. 26, issue 1. P. 117–130.

Cirlot J. *A Dictionary of Symbols*. L.: Routledge New Edition, 1990. 508 p.

Gardiner Ju. *Rhys, Stead, Lessing and the Politics of Empathy*. Bloomington: Indiana University Press, 1989. 186 p.

Greene G. *Doris Lessing: The Poetics of Change*. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press, 1994. 285 p.

Lefcowitz B. *Dream and Action in Lessing’s “The Summer Before the Dark”* // *Doris Lessing Newsletter*.

ter. Brookly College Press. 1979. Vol. 3, issue 2. P. 107–120.

Lessing D. *The Summer Before the Dark*. First vintage international edition. 2009. eISBN: 978-0-307-77767-6.

Doris Lessing: *Interrogating the Times* / D. Raschke, P. Perrakis, S. Singer (eds.) Columbus, OH: Ohio State University Press, 2010. 240 p.

Raskin J. Doris Lessing at Stony Brook: an Interview // *New American Review*, 1970. Vol. 8. P. 166–179.

Doris Lessing: *Border Crossings* / A. Ridout, S. Watkins (eds). L.: Bloomsbury Publishing, 2009. 192 p.

Rowe M. *Doris Lessing, Women Writers*. L.: Macmillan Press, 1994. 152 p.

Rubenstein R. *The Novelistic Vision of Doris Lessing: Breaking the Forms of Consciousness*. Urbana: University of Illinois Press, 1979. 271 p.

Watkins S. *Doris Lessing. Contemporary World Writers Series*. Manchester: Manchester University Press, 2010. 256 p.

Whittaker R. *Doris Lessing*. L.: Macmillan Publishers, 1988. 144 p.

References

Vasil'eva-Yuzhina I. N. *Romany Doris Lessing. Problema zhanra: Avto-ref. diss. ... kand. filol. nauk* [Doris Lessing's novels. The problem of the genre: Abstract of Cand. philol. sci. diss]. Moscow, 1986. 24 p. (In Russ.)

Golovacheva I. *Utopii v literature i psikhologii* [Utopias in literature and psychology]. *Voprosy filologii* [Issues of Philology]. St. Petersburg, St. Petersburg Technical University Press, 2000, issue 6, pp. 119–131. (In Russ.)

Mikolaychik M. *Psikhologicheskii analiz i samoanaliz v romannom tvortchestve Doris Lessing* [Psychological analysis and self-analysis in the novels by Doris Lessing]. *Sbornik nauchnykh dokladov. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya obmena nauchnymi dostizheniyami* [A collection of scientific reports. International scientific conference on scientific achievement exchange]. Poznan', 2014, pp. 36–42. (In Russ.)

Tsurganova E. A. *Romany Doris Lessing v kontekste gendernogo podkhoda* [Doris Lessing's novels in the context of gender approach]. *Gender-*

naya problematika v sovremennoy literature. Sbornik nauchnykh trudov [Gender problems in modern literature. A collection of scientific papers]. Moscow, INION RAN Publ., 2010, pp. 161–174. (In Russ.)

Lessing D. *Leto pered zakatom* [The summer before the dark]. *Lessing D., Apdayk Dzh. Leto pered zakatom. Davay pozhenimsya* [Lessing D., Updike J. The summer before the dark. Marry me]. Transl. from English. Moscow, MP 'Firma Art' Publ., 1992. 384 p. (In Russ.)

Berets R. A Jungian interpretation of the dream sequence in Doris Lessing's *The Summer Before the Dark*. *Modern Fiction Studies*, 1980, vol. 26, issue 1, pp. 117–130. (In Eng.)

Cirlot J. *A Dictionary of Symbols*. London, Routledge New Edition, 1990. 508 p. (In Eng.)

Gardiner Ju. *Rhys, Stead, Lessing, and the Politics of Empathy*. Bloomington, Indiana University Press, 1989. 186 p. (In Eng.)

Greene G. *Doris Lessing: The Poetics of Change*. Ann Arbor, MI, The University of Michigan Press, 1994. 285 p. (In Eng.)

Lefcowitz B. Dream and action in Lessing's 'The Summer Before the Dark'. *Doris Lessing Newsletter*, 1979, vol. 3, issue 2, pp. 107–120. (In Eng.)

Lessing D. *The Summer Before the Dark*. Vintage International (Kindle edition). (In Eng.)

Raschke D., Perrakis P., Singer S. (eds.) *Doris Lessing: Interrogating the Times*. Columbus, OH, Ohio State University Press, 2010. 240 p. (In Eng.)

Raskin J. Doris Lessing at Stony Brook: an Interview. *New American Review*, 1970, vol. 8, pp. 166–179. (In Eng.)

Ridout A., Watkins S. (eds.) *Doris Lessing: Border Crossings*. London, Bloomsbury Publishing, 2009. 192 p. (In Eng.)

Rowe M. *Doris Lessing, Women Writers*. London, Macmillan Press, 1994. 152 p. (In Eng.)

Rubenstein R. *The Novelistic Vision of Doris Lessing: Breaking the Forms of Consciousness*. Urbana, University of Illinois Press, 1979. 271 p. (In Eng.)

Watkins S. *Doris Lessing. Contemporary World Writers Series*. Manchester, Manchester University Press, 2010. 256 p. (In Eng.)

Whittaker R. *Doris Lessing*. London, Macmillan Publishers, 1988. 144 p. (In Eng.)

IMAGERY SYSTEM IN THE NOVEL 'THE SUMMER BEFORE THE DARK' BY DORIS LESSING

Marina S. Berezhnaya

Postgraduate Student in the Department of Theory and History of World Literature

Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University

93, Universitetskiy pereulok, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation. m.beregnaya@me.com

SPIN-code: 8578-5974

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0050-7648>

ResearcherID: K-4707-2017

Submitted 22.10.2019

The article deals with the imagery system in the novel *The Summer before the Dark* (1976) written by the famous English writer and the Nobel Prize Winner in Literature Doris Lessing. Firstly, the emphasis is laid on the opposition of spatial images (topoi of the conventional patriarchal house vs heterotopic spaces), which form a circular composition. Secondly, the article traces leitmotifs of the novel – metaphors of the protagonist's self-discovery (image of the seal, image of the mirror). On the whole, the imagery system of the novel points to the major plotline of a selfhood quest, typical of the works written by Lessing, who is widely known for her unconventional interpretations of 'the women's question'. Lessing intentionally depicts idyllic surroundings (Bakhtin's chronotope) where lives a medium-class conventional family in order to subvert that very idyll and socially accepted patterns and to prove their historical and factual insolvency. The dynamic shift of the topoi from domestic to heterotopic (a room in a hotel, a room in a rented flat) in the course of the novel correlates with the symbolic stages of self-discovery and self-acceptance by the protagonist, who refuses to fulfill social expectations. The psychological line of the novel is built upon the gradual extension of the meaning of the oneiric seal image, a recurring dream about a seal, which acquires symbolic significance: the seal is wounded and almost dying at the beginning of the novel vs full of life in the end. The sequential alterations of the image of the seal reflect the protagonist's identity transformations and imply her growing ability to regain control over her life. The image of the mirror capturing external changes in the protagonist's appearance also conveys the meaning of accepting her aged body, thus sharpening facets of existential female experience, including the experience of aging.

Key words: Doris Lessing; imagery system; self-exploration plot; spatial topoi; body; image of a mirror.

УДК 821.111: 1(091)

doi 10.17072/2073-6681-2020-1-85-94

ВОСПРИЯТИЕ У. ШЕКСПИРОМ АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФСКОЙ ИДЕИ САМОУБИЙСТВА

Наталья Станиславовна Зелезинская

старший преподаватель кафедры теории и практики перевода

Белорусский государственный университет

220030, Республика Беларусь, г. Минск, просп. Независимости, 4. zelennew@tut.by

SPIN-код: 2554-5988

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2018-1959>

ResearcherID: AAA-9591-2019

Статья поступила в редакцию 14.10.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:*Зелезинская Н. С.* Восприятие У. Шекспиром античной философской идеи самоубийства // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 85–94. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-85-94**Please cite this article in English as:**Zelezinskaya N. S. Vospriyatie U. Shekspirom antichnoy filosofskoy idei samoubiystva [Shakespeare's Perception of the Classical Philosophical Idea of Suicide]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 1, pp. 85–94. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-85-94 (In Russ.)

Рассматривается античная идея добровольного ухода из жизни в ракурсе ее влияния на творчество У. Шекспира. Объектом являются как прямые источники, так и т. н. культурные источники, прочитанные Шекспиром или воспринятые им опосредованно, вопрос об объеме которых в шекспироведении до сих пор открыт. Поскольку количество упоминаний идеи самоубийства в античных текстах очень велико, автор статьи вырабатывает критерии отбора релевантных для анализа текстов, включая значимые и оригинальные с философской точки зрения источники. Идея самоубийства эксплицируется из «Утешения Философией» Бозция, «Энеиды» Вергилия, «О жизни...» Диогена Лаэртского, «О кончине Перегринна» Лукиана, «Федона» и «Законов» Платона, «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, «Нравственных писем к Луцию» Сенеки, «Писем к Луцилию» Цицерона и др. Материал классифицируется с целью определения основных античных подходов к идее самоубийства, чтобы затем указать на их присутствие или отсутствие в произведениях У. Шекспира. Мотивный и компаративный анализы позволяют выявить как разновекторность античной мысли о самоубийстве, так и способность Шекспира разносторонне воплотить ее в своем творчестве. В его творчестве мы находим понимание самоубийства как пессимистического бегства от тягот жизни, как неправого вызова богам, как благородного ухода героя от необратимого хода колеса Фортуны, как урока терпения и т. д. Исследование доказывает определяющее влияние античных источников на частотный мотив самоубийства в творчестве У. Шекспира.

Ключевые слова: Уильям Шекспир; античность; мотив самоубийства; идея самоубийства; история идей; компаративный анализ; менталитет; прямые источники; культурные источники.

Следование античным образцам, как осознанное, так и бессознательное, – одна из неизменных составляющих Ренессанса. Многие древние идеи нашли свою вторую жизнь в эпоху Ренессанса, оказав влияние в меньшей степени на обыденную жизнь англичан, а в большей – на литературу и искусство английского Возрождения, в том числе в отношении воззрений на смерть (см.: [Аванесов 2000; Alvarez 1980]).

Биограф Уильяма Шекспира В. Ролф уделяет особое внимание детству будущего драматурга, указывая, в числе прочего, на устные предания, сказки, легенды, которые мог слушать Уильям долгими зимними вечерами в Стрэтфорде-на-Эйвоне. Были и истории об античных временах [Rolfe 1900: 75]. Возможно, среди них попадались легенды о Катоне из Уттики, доблестном Регуле и благочестивой Лукреции. Эти сюжеты

тогда были на слуху, как сегодня сюжеты самого Шекспира.

Античные истории попали и в круг первого чтения Шекспира: в Стрэтфордской грамматической школе греческий и латинский изучались по великим авторам [Bate 2018: 4–14; Baldwin 1977]. Однако важным представляется тот факт, что далеко не всегда Шекспир знакомился с первоисточниками. В первую очередь, следует иметь в виду, что многие произведения древнегреческих авторов были переведены на латинский или греческие сюжеты были заимствованы римлянами. Сведения по греческой мифологии (и значительному количеству мифологических самоубийств) содержатся в произведениях римских авторов I в. до н. э. – II в. н. э., а это Овидий, Вергилий, Гораций, Лукреций Кар, Тибулл, Проперций, Апулей, Стаций, Лукиан, Силий Италик и другие, установить же, от какого автора Шекспир узнал тот или иной миф, невозможно – все они были доступны.

Во-вторых, и те и другие в значительной степени были известны елизаветинцам в переложениях на английском языке и в большинстве случаев англичане добавляли свою интерпретацию излагаемого сюжета. Так, при переводе «Илиады» и «Одиссеи» Д. Чапмен принимает точку зрения на события Вергилия и Горация, а не Гомера. Таким образом, получается, что Шекспир был знаком с эллинистической традицией, в основном, по переводам-пересказам первичным – на латинский либо вторичным – с греческого на латинский либо французский, потом на английский. Так, «Сравнительные жизнеописания» Плутарха перевел на английский сэр Т. Норт в 1579 г. с французского перевода 1559 г. Ж. Амио. «Метаморфозы» Овидия были прочитаны Шекспиром и на латинском, и в переводе А. Голдинга (хотя по этому вопросу всегда было много споров среди шекспироведов [Bate 2018; Miola 1983; Muir 1961; Nuttall 2004; Wilson 1948]). Если добавить к этому увиденные Шекспиром постановки на античные сюжеты, становится ясно, что трудно разграничить греческие и латинские влияния на его творчество. В рамках статьи мы будем говорить об их общем влиянии на формирование шекспировских воззрений на добровольный уход из жизни, поскольку уверены, что в сознании Шекспира древнегреческий и древнеримский дискурсы самоубийства не были разделены.

Для того чтобы провести сравнительный анализ античных сюжетов в поэзии и драматургии Шекспира, необходимо ограничить круг нашего рассмотрения теми текстами, которые:

а) вне всякого сомнения (по доказательному мнению шекспироведов) оказали влияние на творчество драматурга. Мы руководствовались

работами: [Bate 2018; Miola 1983; Muir 1961; Narrative and Dramatic Sources of all Shakespeare's works: 1967–75; Nuttall 2004; Wilson 1948];

б) содержат четко выраженные суждения о самоубийстве в нехудожественных текстах.

В отдельных случаях мы опираемся на суждения о смерти, поскольку отношение к смерти определяет отношение к самоубийству.

Античная философская мысль относилась к самоубийству неоднозначно. Можно выделить несколько мощных течений, каждое из которых оставалось актуальным продолжительное время.

Во-первых, представления о самоубийстве были тесно связаны с идеей свободы и права выбора – мировоззренческими понятиями для эллинов и римлян. Свобода от внешнего давления предполагала право самостоятельно принимать решения, распоряжаться собой, своей жизнью и своей смертью. Как отмечает А. Н. Моховиков, свобода для них была «творческой, самоубийство поэтому в известной мере являлось креативным актом» [Моховиков 2013: 11]. С другой стороны, как пишут Л. Трегубов и Ю. Вагин, «любое государство по своей сути всегда стремится так или иначе регламентировать быт своих граждан. Смерть и в этом смысле не является исключением. Так, в Древней Греции и в Древнем Риме государственная власть пыталась установить, в каких случаях правомерно и допустимо человеку лишать себя жизни» [Трегубов 1998: 19].

Так что в вопросе самоубийства уже очевидна потенциальная дилемма, спор между правом индивида на свободу и правом государства ограничивать свободу индивида законом. Естественно, право на жизнь и право на смерть видятся обеим сторонам как важнейшие и потому именно на них они стремятся простирать свое волю. Платон первым (насколько нам известно) установил прямой запрет на добровольную смерть в своих «Законах» и все же сопроводил его перечнем исключений (приговор государства, неотвратимое страдание, тягостный стыд), дав начало, таким образом, искусству умирания – *ars moriendi* [Платон 1998: IX 873 cd 363, 615].

Самый известный ученик Платона Аристотель был абсолютно последователен в своем осуждении самоубийства, однозначно ставя его вне закона [Аристотель 2004: 151–156]. Философ защищал **точку зрения о том, что жизнь человека принадлежит богам**. Порфирий и Плотин следовали за учителем и тоже развивали мысль о прерогативе богов распоряжаться своим созданием – человеком. Ее стойкость обнаруживается на протяжении всей эпохи вплоть до «последнего римлянина». В интерпретации С. Бозэция эта философия терпения весьма близка христианскому менталитету.

Бозэций два года провел в тюрьме в ожидании казни, но плодом его размышлений стало не самоубийство как освобождение от мытарств, а трактат «Утешение Философией», написанный в виде диалога. Пусть этот трактат затрагивает вопросы несправедливости жизни и пессимистичен по своей тональности, основной посыл автора – творить добро и жить, невзирая ни на что. Тот же вывод делали зрители якобинского театра, наблюдая разыгранный графом Глостером и его переодетым в нищего сыном Эдгаром диалог в середине трагедии «Король Лир».

Можно предположить, что Шекспир следует за Платоном, Аристотелем, Порфирием, Плотинном и Бозэцием, «отговаривая» своих героев от самоубийства (Гамлета, Горацио, графа Глостера). Однако выражение запрета на самостоятельное осуществление смерти у Шекспира всегда однозначно помещено в христианскую парадигму, связано с богоотступничеством, богобоязностью, страхом смерти как неопределенностью, страхом перед Божьим наказанием за грех, концепциями предопределения, религиозного отчаяния и христианского терпения. Мы считаем, что в сознании английского драматурга запрет на самоубийство оставался чисто христианской идеей, несмотря на то, что объективно христиане заимствовали его из античности, что видно по «переходной» философии Бозэция. Это неудивительно, во-первых, потому что с большей частью из этих античных авторов, как мы знаем сегодня, Шекспир знаком не был, т. е. воспринимал описанную идею не во всей полноте. Во-вторых, категоричный христианский запрет, подкрепленный страхом людского осуждения и уголовного наказания (попытки суицида в ренессансной Англии преследовались по закону), явно был весомее для еще теоцентричного менталитета.

Из античности Шекспир почерпнул скорее другое отношение к самоубийству – в рамках парадигмы свободы воли. Начало философии смерти как свободы, как ни странно, также положил Платон, точнее, другое его произведение – диалог «Федон». Идеи диалога «Федон» произвели огромное впечатление на современников и потомков и сыграли решающую роль в восприятии последними античной идеи самоубийства. Знание Шекспиром философского произведения Платона о Сократе «Федон» не подлежит сомнению ввиду наличия параллелей между текстами «Гамлета» и «Федона» Платона. На сюжетном уровне Платон повествует о смерти Сократа, которая ввиду высшей степени осознанности и высокой эстетичности значительно способствовала знаменитости философа и отражала его жизненную философию. За речи, возмущавшие общественный порядок и устоявшие-

ся взгляды граждан Афин, Сократу был вынесен смертный приговор. Он морально был готов к смерти, не согласился на подготовленный учениками побег, а побеседовал с ними и в достоинстве, сознательности и покое выпил приготовленный яд из цикуты.

Повествователь Федон с самого начала выделяет необычность этой славной смерти: «Хорошо. Так вот, сидя подле него, я испытывал удивительное чувство. Я был свидетелем кончины близкого друга, а между тем жалости к нему не ощущал – он казался мне счастливецом, Эхекрат, я видел поступки и слышал речи счастливого человека! До того бесстрашно и благородно он умирал, что у меня даже являлась мысль, будто и в Аид он отходит не без божественного предопределения и там, в Аиде, будет блаженнее, чем кто-либо иной. Вот почему особой жалости я не ощущал – вопреки всем ожиданиям, – но вместе с тем философская беседа (а именно такого свойства шли у нас разговоры) не доставила мне привычного удовольствия. Это было какое-то совершенно небывалое чувство, какое-то странное смешение удовольствия и скорби – при мысли, что он вот-вот должен умереть. И все, кто собрался в тюрьме, были почти в таком же расположении духа и то смеялись, то плакали, в особенности один из нас – Аполлодор. Ты, верно, знаешь этого человека и его нрав» [Платон 1970: 58e–59a]¹. Согласно рассказу Федона, благородство, предопределенность, эстетичность, посмертная слава – вот то, что выделяет идеальную античную смерть Сократа.

Непосредственно о самоубийстве речь идет во вступительной части диалога: «Так почему же все-таки, Сократ, считается, что убить самого себя непозволительно?» (61e) – вопрошает Кебет. То есть изначально логика текста исходит из запрета на самоубийство и аргументации этого запрета. Сократ сводит ее к тому, что «мы, люди, находимся как бы под стражей и не следует ни избавляться от нее своими силами, ни бежать... о нас пекутся и заботятся боги, и потому мы, люди, – часть божественного достояния!» (62b). Соглашаясь с запретом, Сократ постоянно делает исключения: «Бесспорно, есть люди, которым лучше умереть, чем жить, и, размышляя о них – о тех, кому лучше умереть, ты будешь озадачен, почему считается нечестивым, если такие люди сами окажут себе благодеяние, почему они обязаны ждать, пока их благодетельствует кто-то другой» (62a). И далее Сократ переходит к собственному примеру: «Совсем не бессмысленно, чтобы человек не лишал себя жизни, пока бог каким-нибудь образом его к этому не принудит, вроде как, например, сегодня – меня» (62b).

Ученики возражают против возможности самоубийства для кого бы то ни было (мета в Сократа, по их признанию): «С какой стати людям поистине мудрым бежать хозяев (богов), которые лучше и выше их самих?» (63а). На что Сократ хитро возражает, что надеется «предстать перед богами, самыми добрыми из владык» (63с) и, кроме того, «никаких оснований для недовольства у меня нет, я полон радостной надежды, что умерших ждет некое будущее и что оно, как гласят и старинные предания, неизмеримо лучше для добрых, чем для дурных» (63с). Это и есть переход к основной идее произведения – бессмертию души. То есть философ, **веря в бессмертие души, оправдывал самоубийство, поскольку после смерти умершего ждет радость, несказанно больше той, что видит он здесь.** Как отмечает А. А. Тахо-Годи, упомянутый Сократом в самом конце его жизненного пути петух означает выздоровление и освобождение от земных невзгод (по традиции, выздоравливающие петуха приносили в жертву богу Асклепию) [Тахо-Годи 1970: 505].

Мы видим, что Платон устами Сократа **осуждал необоснованный суицид, но оправдывал обоснованный.** Хотя этот критерий в рассматриваемый нами период явно старались привести к максимальной объективности, философ избегает конкретики (в противоположность «Законам»). Конечно, это сложная задача: каждому человеку, всерьез выбирающему между жизнью и смертью, его ситуация, несомненно, кажется тупиковой, а смерть оправданной и потому неизбежной.

Первая часть диалога раскрывает важнейшую задачу философа: **заниматься мыслями о смерти и умирании и не страшиться их.** Вопросу преодоления «страхов ума» [Диоген 1998: X 142] много внимания уделил Эпикур. В описании жизни и философии Эпикура Диогеном Лаэртским нет открытых призывов к самоубийству. В изложении Лукреция Кара отношение эпикурейства к самовольному уходу из жизни двояко. В начале поэмы он осуждает его, а несколько дальше удивляется, отчего же несчастные не прерывают своих несчастий самостоятельно [Лукреций III, 79–82, 933–943]. Эпикурейский по духу трактат «О природе вещей» был чрезвычайно популярен в елизаветинской Англии.

Важно то, что Эпикур исходил из посылки, будто смерть приходит в свой час одновременно и поэтому не существует для субъекта и, следовательно, не надо ее бояться. Кроме того, как мы помним, Эпикур отказывал душе в бессмертии, следовательно, ничто после смерти страшить человека не может, ибо там ничего нет. С его точки зрения, мытарства Бэция бессмысленны.

Эпикурейство же легко подвергается критике, и последующие философы, развивающие идеи Платона о необходимости преодоления страха смерти, шли по другому пути: они включали мысль о смерти в жизнь, делали ее имманентной самой жизни и тем принятой. Именно мысли о смерти помогают не бояться ее, но подчинить жизнь вечному, о чем – во всех *ars moriendi* Средневековья и Ренессанса.

В этом ключе позже развивали идею преодоления страха смерти многие философы, наиболее подробно М. Монтень в «Опытах» (глава «О том, что философствовать значит учиться умирать») и А. Камю в сочинении «Миф о Сизифе: эссе об абсурде». Оба философа показывают, что вопрос преодоления страха смерти непременно ведет к вопросу, «стоит ли жизнь того, чтобы быть прожитой» [Камю2000: 3].

Из-за понимания самоубийства как способа скорейшего достижения идеального состояния, из-за соблазнительных описаний свободы, что дарует смерть, и вдохновенного примера великого Сократа на бытовом уровне восприятия произведение Платона «Федон» в дальнейшем вдохновило многих самоубийц. «Клеомброт, по преданию, бросился в море, прочитав «Федона». Об этом 23-я эпиграмма Каллимаха: «Солнцу сказавши «прости», Клеомброт-амбракиец внезапно // Кинулся вниз со стены прямо в Аид. Он не знал // Горя такого, что смерти желать бы его заставляло: // Только Платона прочел он диалог о душе», – цитирует А. А. Тахо-Годи [Тахо-Годи 1970: 498]. Мысль о самоубийстве как воплощении права человека распоряжаться своей жизнью четко выражена в предсмертных словах шекспировского Антония: “Not Caesar’s valour hath o’erthrown Antony, / But Antony’s hath triumphed on itself” [Shakespeare 2017: V, 1, 15–16].

Совершенно иной дискурс самоубийства создал своей жизнью и смертью другой греческий философ – Эмпедокл, сведениям о котором мы обязаны Диогену Лаэртскому, Тертуллиану, сохранившимся отрывкам его собственных сочинений. Общим местом в философии Сократа (в видении Платона) и Эмпедокла является принятие самоубийства как неотъемлемого права человека, как пути от плохого к лучшему, однако Эмпедокл идет дальше, расширяя свое право в область онтологическую. Главным для Эмпедокла было **самообожение** (термин Т. В. Бузиной [Бузина 2014]) – он позиционировал себя богом уже при жизни. Для доказательства своего божественного статуса, желая, чтобы «впечатление о нем как о боге у современников осталось навсегда, Эмпедокл и бросился в огонь», – т. е. в кратер вулкана Этна [Диоген Лаэртский 1998: 320–327]. Мнения о причине взаимообусловлен-

ности самоубийства и «божественности» в связи со случаем Эмпедокла расходятся, но «ещё никому не пришло в голову оспаривать необходимость связи между ними – человекобог есть в конце концов самоубийца» [Аванесов 2000: 67].

В философии Эмпедокла необходимость самоуничтожения безусловно вытекала из его посягательств на божественность. Его идея о том, что самоубийством человек доказывает свою всесильность и безнаказанность, т. е. идея права высшего существа – бога, просуществовала в веках и нашла абсолютного апологета в лице Ницше, осознанно воссоздававшего образ Эмпедокла. В литературе самоубийство в целях самообожения реализовал Кириллов в «Бесах» Достоевского. Однако, в отличие от цельности античных философов, современный герой уже мечется в сомнениях, отягощенных христианской традицией 20 веков. Из шекспировских героев интересен в этом отношении Кориолан, о котором приближенные говорят, что он ведет себя как бог и вот-вот сравняется с богом. И, конечно, человекобогом мнит себя Макбет: “I dare do all that may become a man: / Who dares more is none” [Shakespeare 2017: Act 1, scene 7]. В ситуации краха он намеренно отказывается от античного понимания *virtus*, ставя себя в финале пьесы вне закона, и государственного, и человеческого. В его устах отказ от самоубийства в ситуации проигрыша означает отказ от системы традиционных нравственных ценностей, выработанной к яacobинскому периоду Шекспиром во всех трагедиях: герой, потерпевший крах, поражение, совершивший ошибку, должен умереть, желательно, от собственной руки (Брут, Кассий, Отелло, Ромео, Джульетта, Антоний, Клеопатра, Тимон). В качестве примера, противоположного нравственно павшему кавдорскому тану, вспомним благородного Отелло и его последние слова: “no way but this, / Killing myself” [Shakespeare 2017: V, 2, 359–360].

Прямо противоположного мнения придерживались сторонники пессимизма и фатализма, «получивших небывалое распространение в античную эпоху» [Колмаков 2012: 131]. **Пессимизм был выражен поэтами, драматургами и философами, многие из которых призывали не ждать окончания этих бед, поскольку они неизбежны, и уйти самостоятельно.**

До абсолюта довел эту мысль киренаик Гегесий, читая лекции о тщете земных страданий и призывая к **осуществлению собственной смерти собственными силами ради избавлений от мук** (сведения об Учителе смерти (*πεισιθάνατος*) и его философской работе «Умерщвляющий себя голодом» можно почерпнуть из сочинения Диогена Лаэртского и «Тускуланских бесед» Цице-

рона [Диоген Лаэртский 1998: II, 86; Цицерон 2008: I, 83]). Проповеди Гегесия вели к т. н. школам искусства добровольной смерти, особенно распространившимся в позднюю античность. О способности самоубийства закончить тысячу жизненных мук – первая часть монолога Гамлета: “by a sleep to say we end / The heart-ache and the thousand natural shocks” [Shakespeare...2017: III, 1, 61–62]. Мысль принца все же устремляется в другое русло, а до логического финала пессимистическое мировоззрение доводит протагониста героя трагедии «Тимон Афинский», находившей, очевидно, своего зрителя в эпоху королевы Елизаветы, но сегодня мало интересной ввиду как раз, как нам кажется, малосимпатичных нашим современникам взглядов и характера протагониста. Популярнее оказался сонет 66: “Tired with all these for restful death I cry” [ibid.: 28].

Пессимизм и фатализм получили развитие в стоицизме, который внес весомую лепту в развитие идеи самоубийства. У Марка Аврелия (121–180 гг. н. э.) находим советы по *ars moriendi*: уйти обдуманно, в подходящий момент, без поспешности и пафосных жестов [Аврелий 2015].

Обращаясь к стоицизму, Марк Туллий Цицерон (106–43 до н. э.) в первой из «Тускуланских бесед» восхваляет самоубийства Гегесия и Клеомброта, радостное принятие смерти Ферарменом и Сократом, а также замечает, что своевременный уход из жизни есть для многих людей спасение от ужасных бедствий. В пример философ приводит Приама, который, умри он до падения Трои, прожил бы жизнь счастливым человеком в почете и богатстве среди родных и близких [Цицерон 2018: 9–13].

Высказывание «В жизни нужно следовать закону, который почитался на греческих пирах: пусть пьет либо уходит» тоже принадлежит Цицерону [Цицерон 2008: 782], и с ним согласился бы любой стоик. А вот фраза «Пусть душа погибает так же, как тело» из «Тускуланских бесед» скорее эпикурейская [Цицерон 2018: I, 82], как жизнь и смерть самого Цицерона в интерпретации Диогена Лаэртского [Диоген Лаэртский 1998: «Цицерон»]. Высказывания Цицерона показывают, что противоположные по сути философские течения смыкаются в отношении к идее самоубийства. В этом явлении мы усматриваем типично античные ментальные установки: «Античное представление о человеке было статуарно-замкнутым и массивно-целостным. Аристократический античный идеал свободы означал культ жеста, спокойствия, красоты. Греческое искусство не знает ни ярких образов телесного страдания, ни безоглядной духовной устремленности. Олимпийским богам чужды чувства страха, жалости, надежды, а для человека, считающе-

го высшим благом освобождение от страданий, даже самоубийство может быть добродетелью, приближающей его к богам» [Кон 1984: 44].

Стоические идеи представил в своих философских трудах и драмах Сенека. Нам бы хотелось обратить внимание на «Письма к Луцилию», в которых с наибольшей последовательностью и настойчивостью философ живописует смерть и самоубийство.

Сенека учит Луцилия, что получать удовольствие от жизни можно лишь в том случае, если ты хозяин своей жизни, готов с ней расстаться в любой момент и можешь думать о смерти без страха. «Думай об одном, готовься к одному: встретить смерть, а если подскажут обстоятельства, и приблизить ее. Ведь нет никакой разницы, она ли к нам придет, мы ли к ней. Внуши себе, что лжет общий голос невежд, утверждающих, будто “самое лучшее – умереть своей смертью”. Чужой смертью никто не умирает. И подумай еще вот о чем: никто не умирает не в свой срок. Своего времени ты не потеряешь: ведь то, что ты оставляешь после себя, то не твое» [Сенека 2001: 30]. Особенно важно для человека, чтобы и жизнь, и смерть были достойными. Сенека порицал самоубийства от глупости или страха, поскольку самое важное – «хорошо умереть», «а хорошо умереть – значит избежать опасности жить дурно» [там же: 31]. Главным он считал не пропустить тот момент, когда умереть лучше, чем жить: «не за всякую цену можно покупать жизнь», поэтому «лучшее из устроенного вечным законом – то, что он дал нам один путь в жизнь, но множество – прочь из жизни» [там же: 31–32]. Письмо четвертое гласит: «Каждый день размышляй об этом, чтобы ты мог равнодушно расстаться с жизнью, за которую многие цепляются и держатся, словно уносимые потоком – за колючие кусты и острые камни. Большинство так и мечется между страхом смерти и мучениями жизни; жалкие, они и жить не хотят, и умереть не умеют» [Сенека 2001: 28]. Очевидна параллель выделенных отрывков письма с сомнениями и метаниями Гамлета (по поводу того, что мешает расстаться с мучениями жизни). В его знаменитом монологе спорят две системы ценностей: стоическая добивается, чтобы «дух презрел жизнь» и не метался «между страхом смерти и мучениями жизни», христианская заставляет страшиться того, что будет после смерти, поскольку смерть не заканчивает ничего [Shakespeare 2018: III, 1, 76–78].

Хотя Плутарх не относил себя к стоикам и даже спорил с их доктринами, на его «Сравнительные жизнеописания» оказали влияние и платонизм, и стоицизм, что заметно в т. ч. в описаниях знаменитых самоубийств и размышлениях

о них. Так, Плутарх сравнивает смерть Цицерона и Демосфена и восхваляет (“we must admire”) последнего за предвидение гонений и мужество приберечь яд для такого случая и употребить его в нужный момент, а не прятаться и бежать смерти, как Цицерон [Plutarch 1579: “Demosthenes” 29–30, “Comparison of Demosphenos and Cicero” 5]. Именно Плутарху обязан Шекспир великолепными трагедиями «Юлий Цезарь» и «Антоний и Клеопатра». Благодаря Плутарху и его замечаниям у английского драматурга историчны, тонко мотивированы и тщательно прорисованы самоубийства Клеопатры, Антония [Plutarch 1579: “Antony”], Порции [Plutarch 1579: “Brutus” 23, 53], Кассия [Plutarch 1579: “Brutus” 43–44], Титиния [Plutarch 1579: “Brutus” 43], Брута [Plutarch 1579: “Brutus”].

Возможно, аллюзиями на известных самоубийц Шекспир также обязан чтению Плутарха (например, аллюзиями на Катона – “But all such ill-report was blotted out and removed by the manner of his death” [Plutarch 1579: “Cato the Younger” 3, 4] или экфрасисом в поэме «Лукреция» [Plutarch 1579: “Brutus” 23]. Но все же эти имена были на слуху в елизаветинской Англии и упомянуть их можно было, опираясь на общие школьные знания.

Вырисовывающуюся парадигму античного самоубийства разделяли и другие историки (Геродот, Ливий, Тацит, Плиний и др.). У Геродота с пренебрежением описано самоубийство Пантита – единственного воина, участвовавшего в битве при Фермопилах и оставшегося в живых. По возвращении в Спарту его подвергли гонениям и презрению, и Пантит повесился [Геродот 1993: VII, 232]. Такое самоубийство – совершенное трусом и предателем от стыда и отчаяния, – воспроизводит Шекспир в мотиве смерти Энобарба, утопившегося в сточной канаве [Shakespeare 2017: IV, 9, 15–26]. У Лукана самоубийство благородного героя в ситуации поражения воспето в «Фарсалии», где описаны гражданская война и побежденные, своими самоубийствами лишаящие врага возможности насладиться их смертью [Лукан 1993]. У Тита Ливия из «Истории от основания Рима» У. Шекспир заимствует повествование о Лукреции [Livius 1914: I, 57–59].

Из выделенных нами философских произведений, охватывающих своим влиянием века, вырисовывается цивилизация, где за человеком признавалось право уйти в мир иной, когда ему заблагорассудится. Немало философов поддерживали максимум «Пусть умирает тот, кто жить не хочет».

Хотелось бы подчеркнуть, что распространенные практики самоубийств у древних греков и римлян далеко не всегда были связаны с

пессимистическим мировоззрением, но часто, наоборот, увязывались с честолюбивыми стремлениями уподобиться богам, достичь славы, сохранить достоинство и честное имя, преодолеть страх смерти, а оттого нет никакого противоречия между жизнерадостностью мировоззрения эллинов и их апологией добровольного ухода из жизни.

Здесь нужно также отметить, что, изучая отношение древнего мира к идее самоубийства по философским трактатам, биографиям, историческим трудам, мы мало что узнаем о положении вещей в реальности. Никакой статистики не велось, а в биографии попадали примеры философов, но не обычных людей. Так о практиках, подобных обычаю пожилых о. Кеса (Кеоса / Кеи) в 60 лет выпивать яд, упоминается вскользь, как о чем-то само собой разумеющемся [Диоген 1998: I, 2, 55, 60–61]. Поэтому напомним, что наблюдения наши строятся на истории идеи и объектом нашего изучения является текстуально закрепленное восприятие идеи самоубийства античным миром, а затем рецепция этой идеи елизаветинским менталитетом.

Из рассмотренных нами философских и исторических трудов можно сделать вывод, что Древняя Греция и особенно Древний Рим представляли ту модель цивилизации, где за человеком признавалось право распоряжаться своей жизнью, а значит, и выбирать час своей смерти. Полагаем, что такое же впечатление создалось у Шекспира по ознакомлению с античными источниками. Анализ творчества Шекспира показывает следующее.

1. Античная идея добровольного ухода из жизни была воспринята Шекспиром однобоко, не во всей полноте. Причин тому две. Во-первых, неполный охват античной философской литературы по этому вопросу. Так, с трудами Аристотеля – главного античного противника самоубийства – Шекспир знаком не был. Вторая причина связана с восприятием античных идей в елизаветинской (чаще всего, но также европейской) интерпретации. Вторичность источника вкуче с переводческими стратегиями XVI в. исказила оригиналы.

2. Античность у Шекспира ассоциировалась с самоубийствами. Во всех античных сюжетах мотив самоубийства становится ведущим моральным мотивом и одним из ведущих мотивов произведения. Возвращение к античной парадигме прослеживается в теме мести, морали стоицизма, спасении чести семьи как основной причины самоубийства. Ассоциации, сближающие понятия античного Рима и самоубийства, связаны, в свою очередь, с античным поведенческим кодом, пониманием *virtus*, с возвышенной концепцией

благородства, смелости, свободы и добродетели, со стоиками и Катонам. Своим самоубийством эти герои защищают *virtus*, доказывают принадлежность Риму как социуму, встроены в систему римских ценностей, верность стоицизму. Исключительно в античной парадигме изображено самоубийство благородной Порции. В «Кориолане» и протагонист, и его мать Волумния рассматривают возможность самоубийства, исходя из античных представлений о жизни и смерти в определенных жизненных обстоятельствах, но в финале героя, проявившего милосердие, ждут убийцы. Кстати, Волумния упоминает такой способ смерти как *inedia*, – практикуемый в античности, но совершенно забытый в эпоху Ренессанса. Добровольно покидает этот мир Тимон Афинский. Все вышеупомянутые герои вписываются в федоновскую парадигму: для каждого из них наступает тот исключительный случай, когда они не только имеют право, но и должны избрать самоубийство. Более того, воля богов трактуется ими как призыв уйти немедленно и достойно. Самоубийство оказывается логичным и единственно верным ответом на жизненную ситуацию.

3. Добровольный уход из жизни воспринимался как античный образец поведения в неразрешимых ситуациях. Доказательством того, что античность и суицид были неразрывно связаны друг с другом в сознании Шекспира, является тот факт, что даже если герой (не античных сюжетов) задумывается о самоубийстве, ему невольно приходят на ум римляне, например: “Why should I play the roman fool, and die / On mine own sword?” [Shakespeare 2017: V, 7].

4. Античные герои в момент самоубийства и их добровольная смерть (Лукреции, Брута, Антония и др.) наделяются теми же эпитетами, что и смерть Сократа в «Федоне»: бесстрашный, благородный, честный, великий (*noble, great, brave, honour*), наибольшая концентрация этих эпитетов достигается в момент самоубийства и непосредственно после него. Таким образом, самоубийство, совершенное в рамках античной эстетики, приветствовалось и даже вызывало восхищение у елизаветинцев (забегая вперед, заметим, что к себе они этот образец не относили, восхищаясь «издалека»).

5. Парадигма шекспировского самоубийства (типологическая зависимость причины, способа, эстетики и аксиологии смерти) заимствована из античных воззрений: как и в античных источниках, добровольная смерть во имя спасения чести осуществляется холодным оружием, трусливый уход от страданий метафорически выражен прыжком с обрыва, предатель же должен удавить себя петлей.

6. Есть у Шекспира герои, которые не следуют безоглядно римскому образцу не потому, что им отказано в благородстве, но потому, что они не римляне и не греки, а герои нового времени, значит, их сознание определено христианскими и ренессансными (без противопоставления определенных друг другу, но как понятия разного объема) ценностями. Эти персонажи много размышляют над самоубийством. В их доводах против самоубийства превалирует, во-первых, боязнь нарушить божий запрет распоряжаться собственной жизнью (по сути, это церковный запрет, установленный лишь в 452 г. н. э. Арльским собором), во-вторых, страх смерти и того, что случится с душой после смерти (ввиду вошедшей в силу концепции предопределения) [Shakespeare's world 1989: 44–47]. И заметим, что эпикурейская идея о том, что нет смысла терпеть страдания, которые иным способом ты преодолеть не можешь, у Шекспира отрицается по причине ее явного противодействия христианскому учению.

Примечание

¹ Далее ссылки на это издание при цитировании даются в круглых скобках с соответствующим указанием.

Список литературы

- Аванесов С. С.* Введение в философскую суицидологию. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 124 с.
- Аврелий М.* Наедине с собой. Размышления. М.: Азбука-Классика, 2015. 192 с.
- Аристотель.* Этика. М.: АСТ, 2004. 491 [2] с.
- Аръес Ф.* Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992. 528 с.
- Бузина Т. В.* Жажда самообожения – сквозной сюжет Уильяма Шекспира. Самообожение в европейской культуре. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. С. 125–231.
- Геродот.* История. М.: Ладомир, 1993. 599 с.
- Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1998. 572 с.
- Камю А.* Миф о Сизифе: Эссе об абсурде. Миф о Сизифе. Бунтующий человек. Минск: Попурри, 2000. С. 13–142.
- Колмаков В. Б.* Античный пессимизм // Вестник Воронежского университета. 2012. № 2. С. 131–143.
- Кон И. С.* В поисках себя. Личность и ее самосознание. М., 1984. 335 с.
- Красильников Р. Л.* Танатологические мотивы в художественной литературе. М.: Языки слав. культуры, 2015. 488 с.
- Лосев А. Ф.* Вводные замечания. Платон // Сочинения: в 3 т. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1970. Т. 2. С. 5–9.
- Лукан.* Фарсалия, или Поэма о гражданской войне. М.: Ладомир, 1993. 349 с.
- Лукиан.* О кончине Перегриня // Соч.: в 2 т. СПб., Алетейя, 2001. Т. 2. С. 294–305.
- Лукреций Кар.* О природе вещей. М.: Мир книги, 2010. 336 с.
- Павсаний.* Описание Эллады: в 2 т. СПб.: «Алетейя», 1996. Т. 1. 394 с.
- Платон.* Государство. Законы. М.: Мысль, 1998. 798 с.
- Платон.* Федон. Соч.: в 3 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 13–94.
- Ранович А. Б.* Лукиан. Античные критики христианства. М.: ОГИЗ Гос. антирелигиозное изд-во, 1935. С. 1–22.
- Сенека Л. А.* Письмо 69 // Нравственные письма к Луцилию. Суицидология: прошлое и настоящее. Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М.: Когито-Центр, 2001. С. 28–46.
- Тахо-Годи А. А.* Комментарии. Платон. Федон // Соч.: в 3 т. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1970. Т. 2. С. 481–505.
- Трегубов Л., Вагин Ю.* Эстетика самоубийства. Пермь: Капик, 1993. 268 с.
- Хоф А. ван.* Женские самоубийства в античном мире: между вымыслами и фактами // Вестник древней истории. 1991. № 2. С. 18–43.
- Цицерон М. Т.* Письма Марка Туллия к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. СПб.: Наука, 2008. 782 с.
- Цицерон М. Т.* О презрении к смерти. Цицерон. Тускуланские беседы. М.: РИПОЛ классик 2018. Кн. I. С. 7–102.
- Allen D. C.* Some observations on The Rape of Lucrece // Shakespeare Survey. 1962. № 15. P. 89–98.
- Alvarez A.* Suicide: the philosophical issues. N. Y.: St. Martin's Press, 1980. 292 p.
- Bate J.* Shakespeare and Ovid. Oxford: Clarendon Press, 2018. 292 p.
- Baldwin T. W.* William Shakespere's Small Latine & Lesse Greeke. Urbana: University of Illinois Press, 1944. 774 p.
- Calderwood J. L.* Shakespeare and the Denial of Death. Amherst: Univ. of Massachusetts Press, 1987. 233 p.
- Livius T.* Ab urbe condita / ed. by R. S. Conway, Ch. F. Walters. Oxford: Oxford UP, 1914. Book I. Ch. 57–59.
- McAlington T.* English Renaissance Tragedy. Hong Kong: The MacMillan Press Ltd., 1988. 269 p.
- Miola R. S.* Shakespeare's Rome. Cambridge UP, 1983. 244 p.
- Muir K.* The Sources of Shakespeare Plays. London: Methuen, 1961. 281 p.

Narrative and Dramatic Sources of all Shakespeare's works / ed. by G. Bullough. London: Routledge and Kegan Paul, 1967–75. 8 Vols.

Novotny F. *The Posthumous Life of Plato*. The Hague: Martinus Nijhoff, 1977. 676 p.

Nuttall A.D. *Action at a Distance: Shakespeare and the Greeks*. Cambridge UP, 2004. 269 p.

Plutarch / Thomas North [translator], James Amyot [translator]. *The Lives of the noble Grecians and Romanes, compared together by ... Plutarke of Chæronea*. London, 1579. URL: <https://www.bl.uk/collection-items/norths-translation-of-plutarchs-lives> (дата обращения: 30.09.2019).

Rolfe W. *Shakespeare the boy*. London: Chatto and Windus, 1900. 335 p.

Shakespeare W. The Arden Shakespeare Complete Works. L.; Oxford; N. Y.; New Delhi, Sydney: Bloomsbury Arden Shakespeare, 2017. 1392 p.

Shakespeare's world: Background reading in the English Renaissance. N. Y.: Continuum, A Frederic Ungar book, 1989. 288 p.

Wilson F. P. *Elizabethan and Jacobean*. Oxford: Clarendon Press, 1948. 143 p.

References

Avanesov S. S. *Vvedenie v filosofskuyu suitsidologiyu* [Introduction into philosophical suicidology]. Tomsk, Tomsk State University Press, 2000. 124 p. (In Russ.)

Aurelius M. *Naedine s soboy* [Meditations]. Moscow, Azbuka-Klassika Publ, 2015. 192 p. (In Russ.)

Aristotle. *Etika* [Ethics]. Moscow, AST Publ., 2004. 491 [2] p. (In Russ.)

Aries Ph. *Chelovek pered litsom smerti* [Man in front of death]. Moscow, Progress Publ., 1992. 528 p. (In Russ.)

Buzina T. V. *Zhazhda samoobozheniya – skvoznoy syuzhet Shekspira. Samoobozhenie v evropeyskoy kulture* [Thirst for self-deifying as a Shakespeare's cross-cutting plot. Self-deifying in European culture]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2011, pp. 125–231. (In Russ.)

Herodotus. *Istoriya* [History]. Moscow, Ladomir Publ., 1993. 599 p. (In Russ.)

Diogenes Laërtius. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitnykh filosofov* [Lives and opinions of eminent philosophers]. Transl. from Ancient Greek by M. L. Gasparov. Moscow, Mysl' Publ., 1998. 572 p. (In Russ.)

Camus A. *Mif o Sizife: Esse ob absurde*. Mif o Sizife. Buntuyushchiy chelovek [The myth of Sisyphus: Essay on absurd. The myth of Sisyphus. The rebel]. Minsk, Popurri Publ., 2000, pp. 13–142. (In Russ.)

Kolmakov V. B. *Antichnyy pessimizm* [The Antiquity Pessimism]. *Vestnik Voronezhskogo universiteta* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy], 2012, issue 2, pp. 131–143. (In Russ.)

Kon I. S. *V poiskakh sebya. Lichnost' y ee samopoznanie* [In search for yourself. Personality and self-understanding]. Moscow, 1984. 335 p. (In Russ.)

Krasil'nikov R. L. *Tanatologicheskie motivy v khudozhestvennoy literature* [Thanatological motifs in contemporary literature]. Moscow, LRC Publishers, 2015. 488 p. (In Russ.)

Losev A. F. *Vvodnye zamechaniya. Platon. Sochineniya: v 3 t.* [Introductory remarks. Plato. Works in 3 vols.]. Moscow, Izd-vo sotsial'no-ekonomicheskoy literatury Publ., 1970, Vol. 2. pp. 5–9. (In Russ.)

Lucanus. *Farsaliya ili poema o grazhdanskoy voyne* [Pharsalia or poem On the Civil War]. Moscow, Ladomir Publ., 1993. 349 p. (In Russ.)

Lucian. *O konchine Peregrina*. Soch. v 2 t. [The death of Peregrinus. Works in 2 vols.]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, vol. 2, pp. 294–305. (In Russ.)

Lucretius Carus. *O prirode veshchey* [On the nature of things]. Moscow, Mir knigi Publ., 2010. 336 p. (In Russ.)

Pausanias. *Opisanie Ellady: v 2 t.* [The Description of Hellas. In 2 vols.]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1996, vol. 1. 394 p. (In Russ.)

Plato. *Gosudarstvo. Zakony*. [State. Laws]. Moscow, Mysl' Publ., 1998. 798 p. (In Russ.)

Plato. *Fedon*. Soch.: v 3 t. [Fedon. Works in 3 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1970, vol. 2, pp. 13–94. (In Russ.)

Ranovich A.B. *Lukian. Antichnye kritiki khristianstva* [Lucian. Antique critics of Christianity]. Moscow, State Anti-Religious Publishing, 1935, pp. 1–22. (In Russ.)

Seneka L. A. *Pis'mo 69. Nравstvennyye pis'ma k Lutsiliyu. Suitsidologiya: proshloe i nastoyashchee. Problema samoubiystva v trudakh filisofov, sotsiologov, psikhoterapevtov i v khudozhestvennykh tekstah* [Letter 69. Moral letters to Lucilius. Suicidology: The past and the present. The problem of suicide in the works of philosophers, sociologists, psychotherapists and in literary texts]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2001, pp. 28–46. (In Russ.)

Takho-Gordi A.A. *Kommentariy. Platon. Fedon*. Soch.: v 3 t. [Commentary. Plato. Phaedo. Works: In 3 vols.]. Moscow, Izd-vo Sotsial'no-ekonomicheskoy literatury Publ, 1970, vol. 2, pp. 481–505. (In Russ.)

Tregubov L., Vagin Yu. *Estetika samoubiystva* [The aesthetics of suicide]. Perm, Kapik Publ., 1993. 268 p. (In Russ.)

Hof A vann. *Zhenskie samoubiystva v antichnom mire: mezhdum vymyslami i faktami* [Feminine suicides in the antique world: between fiction and facts]. *Vestnik drevney istorii* [Journal of Ancient History], 1991, issue 2, pp. 18–43. (In Russ.)

Cicero M. T. *Pisma Tulliyya k Attiku, blizkim, bratu Kvintu, M. Brutu* [Letters of Mark Tullius to Attica, relatives, brother Quintus, M. Brutus]. St. Petersburg, Nauka Publ, 2008. 782 p. (In Russ.)

Cicero M. T. *O prezrenii k smerti. Tsitseron. Tuskulanski besedy* [On contempt for death. Cicero. Tusculan disputations]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2018, book 1, pp. 7–102. (In Russ.)

Allen D. C. Some observations on The Rape of Lucrece. *Shakespeare Survey*, 1962, issue 15, pp. 89–98. (In Eng.)

Alvarez A. *Suicide: the philosophical issues*. N. Y., St. Martin's Press, 1980. 292 p. (In Eng.)

Bate J. *Shakespeare and Ovid*. Oxford, Clarendon Press, 2018. 292 p. (In Eng.)

Baldwin T. W. *William Shakespere's Small Latine & Lesse Greeke*. Urbana, University of Illinois Press, 1944. 767 p. (In Eng.)

Calderwood J. L. *Shakespeare and the Denial of Death*. Amherst, Univ. of Massachusetts Press, 1987. 233 p. (In Eng.)

Livius T. *Ab urbe condita*. Ed. by R. S. Conway, Ch. F. Walters. Oxford, Oxford UP, 1914, book 1, ch. 57–59. (In Eng.)

McAlington T. *English Renaissance Tragedy*. Hong Kong, The MacMillan Press Ltd., 1988. 269 p. (In Eng.)

Miola R. S. *Shakespeare's Rome*. Cambridge, Cambridge UP, 1983. 244 p. (In Eng.)

Muir K. *The Sources of Shakespeare Plays*. London, Methuen, 1961. 281 p. (In Eng.)

Narrative and Dramatic Sources of all Shakespeare's works. Ed. by G. Bullough. London, Routledge and Kegan Paul, 1967–75, 8 vols. (In Eng.)

Novotny F. *The Posthumorous Life of Plato*. The Hague, Martinus Nijhoff, 1977. 767 p. (In Eng.)

Nuttall A. D. Action at a distance: Shakespeare and the Greeks. *Shakespeare and the Classics*. Ed. by Ch. Martindale, A. B. Taylor. Cambridge, Cambridge UP, 2004. 269 p. (In Eng.)

Plutarch, Thomas North [translator], James Amyot [translator]. *The Lives of the noble Grecians and Romanes, compared together by ... Plutarke of Chaeronea*. London, 1579. Available at: <https://www.bl.uk/collection-items/norths-translation-of-plutarchs-lives> (accessed 30.09.2019). (In Eng.)

Rolfe W. *Shakespeare the boy*. London, Chatto and Windus, 1900. 335 p. (In Eng.)

Shakespeare W. *The Arden Shakespeare Complete Works*. L., Oxford, N. Y, New Delhi, Sydney, Bloomsbury Arden Shakespeare, 2017. 1392 p. (In Eng.)

Shakespeare's world: Background reading in the English Renaissance. Ed. with com. and notes by G. M. Pinciss, R. Lockyer. N. Y., Continuum, A Frederic Ungar book, 1989. 288 p. (In Eng.)

Wilson F. P. *Elizabethan and Jacobean*. Oxford, Clarendon Press, 1948. 143 p. (In Eng.)

SHAKESPEARE'S PERCEPTION OF THE CLASSICAL PHILOSOPHICAL IDEA OF SUICIDE

Natalya S. Zelezinskaya

Senior Lecturer in the Department of Theory and Practice of Translation
Belarusian State University

4, Nezavisimosti prospekt, Minsk, 220030, Republic of Belarus. zelennew@tut.by

SPIN-code: 2554-5988

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2018-1959>

ResearcherID: AAA-9591-2019

Submitted 14.10.2019

The article discusses the ancient idea of voluntary departure from life from the perspective of its influence on Shakespeare's works. The author of the article singles out the texts that influenced the views of the English playwright on suicide due to both the general enthusiasm of the Elizabethans for antiquity and Shakespeare's habit of taking ready-made plots from favourite books, including ancient works, and also his passion for introducing mythological and historical allusions into dramaturgy and poetry. The author dwells on the issue of direct sources relying on the authoritative opinion of such Shakespeare scholars as J. Beit, W. Baldwin, J. Bullough, R. S. Miola, C. Muir, W. Rolf and others, and notes the significance of the so-called cultural sources which could be read or perceived indirectly. In Shakespeare studies, the question of the extent of cultural influence on the works of the English playwright is viewed as open and relevant. The article refers to the ideas and examples of suicide expressed in *The Consolation of Philosophy* by Boethius, *Letters to Lucius* by Cicero, *On Life...* by Diogenes of Laertius, *On the Death of Peregrine* by Lucian, *Phaedo* and *The Laws* by Plato, *Comparative Biographies* by Plutarch, *Moral Letters to Lucilius* by Seneca. The material is classified to single out main approaches to the idea of suicide revealing the diversity of philosophical thoughts about voluntary departure from life in antiquity, the complexity of the suicide discourse in Ancient Greece and Ancient Rome, which was borrowed by Shakespeare in great extent. Shakespeare's works demonstrate suicide as a pessimistic escape from the hardships of life, an improper challenge to the gods, a hero's noble departure from the irreversible wheel of Fortune, despair of a coward, choice of a wise man, etc.

Key words: William Shakespeare; antiquity; motif of suicide; idea of suicide; history of ideas; comparative analysis; mentality; direct sources; cultural sources.

УДК 821.161.1

doi 10.17072/2073-6681-2020-1-95-102

ТВОРЧЕСТВО РОМАНА КИМА: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ В СОВЕТСКОЙ БЕЛЛЕТРИСТИКЕ

Екатерина Александровна Ключикова

старший преподаватель кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. nese91@gmail.com

SPIN-код: 4331-0254

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0650-9126>

ResearcherID: C-4818-2019

Елена Михайловна Четина

к. филол. н., доцент кафедры русской литературы

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. chetina@mail.ru

SPIN-код: 5514-0650

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0659-8862>

ResearcherID: C-5309-2019

*Статья поступила в редакцию 19.01.2020***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:**

Ключикова Е. А., Четина Е. М. Творчество Романа Кима: этнокультурные реалии в советской беллетристике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 95–102. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-95-102

Please cite this article in English as:

Kliuikova E. A., Chetina E. M. Tvorchestvo Romana Kima: etnokul'turnye realii v sovetskoy belletristike [Works by Roman Kim: Ethnocultural Realities in Soviet Fiction]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 1, pp. 95–102. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-95-102 (In Russ.)

Исследование посвящено творчеству советского писателя и востоковеда Романа Николаевича Кима (1899–1967), который известен широкому читателю прежде всего как автор шпионских романов. Русскоязычный потомок корейских эмигрантов повествует в своих произведениях о противостоянии разведок на территориях, которые являются культурным пограничьем (Корейский полуостров, Гонконг, Южная Африка). Творчество Р. Н. Кима тесно связано с его биографией. Блестящий знаток японского языка и литературы, Ким является автором глосс к книге Б. Пильняка «Корни японского солнца», а также впервые анализирует японскую литературу начала XX в. в памфлете «Три дома напротив соседних два» (1934). Причиной критического отношения Кима к «эгобеллетристике» стала позиция японских мэтров и их учеников, которые обходили молчанием крупные исторически значимые события и не затрагивали социальную проблематику. Для творчества самого Кима гражданская позиция героев является значимой.

В статье прослеживается творческий путь писателя и рассматриваются формы проявления национальной идентичности в его прозе. Произведения Кима 1950–1960-х гг. отличаются занимательностью сюжета, четкостью фабульных конструкций. Композиция текстов Кима, как правило, построена на идеологических антитезах: СССР и США, Северная Корея и Южная Корея, Япония и коммунистический Китай и др. Автор создает образы Кореи и корейцев посредством исторических ретроспекций и косвенных деталей. В произведениях Кима подчеркивается этнокультурная детерминированность поведения ряда героев. Рационалистическое начало во многом определяет специфику

его творчества, в том числе беллетристическую одномерность персонажей. Одной из форм отражения гибридной идентичности корейской диаспоры является специфический образ героя-разведчика, действующего в условиях политического и культурного пограничья.

Ключевые слова: Роман Ким; советская литература; шпионский роман; японская культура; этнокультурная специфика; образы Кореи.

Роман Ким – популярный советский беллетрист, автор остросюжетных повестей и романов, является одним из востребованных авторов и в наши дни. Критики отмечают, что Ким стал «одним из первых литераторов своего времени, оценивших вектор развития художественной литературы в сторону использования приемов документальной прозы, вплоть до фактического слияния с литературой «нон-фикшн», и использовал специфические художественные приемы, ранее свойственные лишь журналистике, документальной прозе или научным исследованиям» [Ким Е. 2016: 82]. Биография писателя во многом предопределила специфику его художественного творчества.

Повести и романы Кима практически не исследованы в русскоязычном литературоведении. Единственное зарубежное исследование о творчестве писателя принадлежит южнокорейскому литературоведу Ким Хонджуну. Он рассматривает жанровые особенности произведений Р. Кима, отмечает модернистские традиции в творчестве писателя. Ким Хонджун оценивает также творческий путь Романа Кима как «нисходящий» – писатель начинал в «большой» литературе как переводчик, комментатор, эксперт в области зарубежной литературы, однако известным стал благодаря жанровым произведениям, в которых «Роман Ким пытался найти позицию между массовой литературой и искусством» [김홍중 2015: 159].

В 2016 г. в Институте Дальнего Востока РАН прошла конференция, посвященная деятельности Романа Кима, участниками которой стали историки и литературоведы из России, Кореи, Японии и США. Доклады были посвящены как художественному творчеству Р. Кима, так и его исследованиям в сфере востоковедения. В том же году в серии «Жизнь замечательных людей» вышла первая биография писателя. Ее автор, историк А. Е. Куланов, указывает на большое количество мифов, окружающих происхождение и биографию Р. Н. Кима: «По большому счету мы не знаем предыстории его жизни, не ведаем достоверно причин, событий и тех связей между ними, что ввергли корейского мальчика в пучину противостояния трех стран, которым в своем не самом счастливом детстве он принадлежал в равной мере: Кореи, Японии и России» [Куланов 2016: 13]. Биограф впервые открывает широкому читателю неизвестные факты биографии не только Р. Кима, но и других советских востоко-

ведов, причастных к историческим событиям в дальневосточном регионе. Известно, что Р. Ким родился в 1899 г. во Владивостоке в семье купца-эмигранта из Северной Кореи. По одной из версий, описываемых в биографии, семья его матери принадлежала к роду корейской королевы Мин, жестоко убитой японскими наемниками в 1895 г. Его отец, Николай Ким (корейское имя – Ким Бён Хак), согласно некоторым источникам, был одним из активных участников антияпонской коалиции во Владивостоке во время японской оккупации Кореи. А. Е. Куланов, ссылаясь на корейского исследователя Ким Хонджуна, указывает, что «Ким Бён Хак был одним из объектов наиболее пристального интереса японской разведки, в том числе работавшей с позиций тайных обществ» [там же].

В 7 лет Роман Ким был отправлен учиться в Японию, где получил престижное образование, но в 1919 г. вернулся в Россию и поступил на восточный факультет Государственного дальневосточного университета. В 1923 г. Ким поступает на службу в разведку. В 1937 г. он был арестован и осужден к двадцати годам заключения в исправительно-трудовом лагере, однако в декабре 1945 г. был освобожден, а в 1946 г. получил медаль «За победу над Японией». В феврале 1959 г. Р. Ким был реабилитирован.

Литературная карьера Романа Кима началась в 1920-е гг., когда он перевел несколько рассказов Акутагавы Рюноске. В 1927 г. Роман Ким подготовил глоссы под названием «Ноги к змее» для книги Бориса Пильняка «Корни японского солнца» (1927). В начале этих комментариев Ким предупреждает о том, что он не стремится к объективности, поскольку «корейцу, так же, как и ирландцу, трудно быть непогрешимо объективным, когда речь идет о соседних островитянах-покорителях» [Ким 1927: 131]. Кроме того, он датирует глоссы, посвященные Японии, «1 декабря 16 года Корейской Диаспоры» [там же], т. е. шестнадцатым годом оккупации Кореи. Этот жест достаточно четко манифестирует отношение автора-корейца к японскому государству, однако последующий текст показывает, что политическая антипатия не распространяется на японскую культуру, которую Ким с интересом комментирует.

В 1934 г. выходит его памфлет касательно японской литературы конца XIX – начала XX в. «Три дома напротив соседних два». В нем автор

критически изображает японское литературное сообщество, представив обзор творчества ряда популярных авторов. Свою критику Роман Ким, как правило, направляет именно на общественные процессы, которые предопределяли содержание японской литературы начала XX в. Ким иронично описывает институт «мэтров» литературы, которые на фоне стремительно развивающейся Японии рубежа веков задавали тон литературе, замкнувшейся на создании бессюжетных автопсихологических текстов: *«мэтры повторили токугавский бойкот окружающего мира, наложили табу на все вокруг»* [Ким 1934: 32]. Название книги Ким взял из определения, которое один из профессоров филологии Такаяма Тьюго дал литературе мэтров – *«трехдомовнапротивсоседнихдвухная литература»* [там же], т. е. литература, ограниченная одним кварталом как территориально, так и по проблематике. Автор выделяет период 1910-х гг., в которые в большом количестве публиковалась так называемая «эгобеллетристика». Это течение японской литературы было связано в первую очередь с авторской рефлексией писателей, описанием своей жизни, вплоть до изображения собственного творческого бессилия: *«...выпустив несколько сборников новелл, Кассаи заметил, что больше писать не о чем. О том, как он пьет сакэ – уже написал; о ссорах с женой и ее родителями – тоже, о писателях, живущих в трех домах напротив через улицу и по обеим сторонам, – тоже. Больше не о чем. Но затем Кассаи нашел выход. Он стал писать о том, как он не может писать. Он становится специалистом по описанию писательской импотенции»* [там же: 62]. Причиной критического отношения Кима к подобной литературе являлось не только ее качество, но и то, что японские мэтры и их ученики обходили молчанием крупные исторически значимые события и процессы, которые происходили в тот период в японском обществе: разрушительное землетрясение 1923 г., политические судебные процессы, японская политика в Корее: *«...ни строчки о помощи жертвам катастрофы, ни слова протеста против массовых самосудов над корейцами, которых, поймав на улице, заставляли произносить слова «сэнсэй» (преждеродившийся) и «какикукэко» (часть алфавита) и за неумение обращаться с фрикативными и смычными согласными превращали в кучу мяса. Ни одного иероглифа о смерти всех политических в камидоской тюрьме. Мэтры писали только о себе, о том, как их спасли музы-хранительницы»* [там же: 51–52]. Уже в этом памфлете Ким демонстрирует свою гражданскую позицию и отвергает литературное творчество, отвлеченное от острых социальных проблем современности.

В 1950–1960-е гг. Роман Ким стал известен преимущественно как автор политических шпионских романов. Как правило, действие его произведений происходит за пределами Советского Союза – в Гонконге и Китае («Агент особого назначения», 1959), в Африке («Школа призраков», 1959), в Японии и Корее («Тетрадь, найденная в Сунчоне», 1951), в Испании, Марокко и Великобритании («Кобра под подушкой», 1962).

Именно в этот период закладываются традиции советского шпионского романа. М. А. Черняк отмечает, что «многие писатели работали в органах госбезопасности и создавали жанр «шпионского романа» исходя из собственного опыта» [Черняк 2005: 125]. По мнению Дж. Г. Кавелти, для того чтобы формульная литература, к которой можно отнести шпионский роман, была успешной, она должна реализовывать значимые для культуры сюжет и тип персонажа: «Не будет иметь успеха приключенческий сюжет, социальный типаж которого не может быть представлен в героическом свете в контексте данной культуры» [Кавелти 1996]. Романтизированные в послевоенное время образы разведчиков, а также их принадлежность к некоей иной реальности, не ограниченной государственными границами, стали основой для жанра шпионского романа. Роман Ким был одним из основоположников традиции этого жанра в советской литературе. Кроме того, он был знаком с Юлианом Семёновым и выступал консультантом при написании романа «Пароль не нужен», входящего в серию романов о разведчике Максиме Максимовиче Исаеве и повествующего о противостоянии разведок во Владивостоке 1921–1922 гг. В этот период Роман Ким жил во Владивостоке и, возможно, имел отношение к происходящему. По словам автора романа, Ким стал прототипом одного из героев романа – связного Чена: «Товарищ Исаева по борьбе, чекист Марейкис, он же Чен, списан мною во многом с замечательного человека, хорошего писателя и мужественного борца за революцию Романа Николаевича Кима» [Семёнов 1967: 18–19]. Сам Ким также обращался к периоду японской интервенции в Приморье в одном из своих ранних рассказов «Тайна ультиматума» (1933). Рассказ написан в форме дневниковой записи японского офицера, который участвует в японском перевороте 1920 г. во Владивостоке. Дневниковая форма впоследствии часто будет использоваться Кимом, в том числе и для создания образов японцев.

Первым художественным произведением, опубликованным после длительного перерыва, стала повесть «Тетрадь, найденная в Сунчоне» (1951). Действие повести происходит во время Корейской войны в 1950 г. В корейском городе

Сунчоне под развалинами находят зашифрованный дневник японского офицера. Содержание тетради позволяет понять, что его автор был близок к верхушке власти, а также был связан с секретными службами. Текст дневника изобилует упоминаниями о японских традициях, автор дневника неоднократно высказывает милитаристские идеи: «я одобрял вначале план Мутто “Вперед, на юг”, считая, что первейшей задачей нашей империи является покорение всего Китая и что для закрепления этой победы необходимо овладеть всеми подступами к Китаю с юга – Индо-Китаем и Малайей, подобно тому как мы уже овладели подступами к Китаю с севера – Манчжурией и подступами к Манчжурии с юго-востока – Корейским полуостровом» [Ким 2016: 226]. Кима интересует психология японского военного, который находится в центре противостояния США и Советского Союза. Герой повести, несмотря на свою преданность Японии, колеблется в моменты принятия решений, поскольку не знает, насколько надежными могут быть союзники-американцы, недавно бывшие для Японии врагами. Автор уделяет особое внимание политическим играм, в которые было втянуто японское офицерское сообщество еще до окончания Второй мировой войны.

Основные события повести происходят в Японии. Корейские главы являются своего рода обрамлением дневника; тем не менее нам представляется интересным обратиться к ним.

Текст тетради начинается с пересказа корейской легенды о принце Чанхоне, который безуспешно пытался уговорить своего отца, короля Йончона, завоевать Китай. Несчастный принц был заточен в ящик и умер от голода. Сын принца, король Чончон, построил беседку недалеко от его гробницы, чтобы иметь возможность поклониться могиле отца. Этот ритуал стал традиционным для всех последующих корейских королей: «Все короли Кореи, царствовавшие после Чончона, каждую весну приезжали в Сувон поклониться могиле предка. И все они на обратном пути поднимались в эту беседку, долго смотрели в сторону горы и отвечали поклон» [там же: 204].

Данный эпизод имеет историческую основу. В 1762 г. наследный принц Садо был казнен по приказу своего отца, короля Ёнджо. Принца заточили в коробке из-под риса, в которой он и умер через несколько дней. Сын принца Садо, король Чонджо, весь период своего правления стремился очистить память об отце и «присвоил ему посмертно самое почетное для аристократа имя-титул (сихо) Чанхон (莊獻 – «Достойный и почтительный»), повысил статус его поминального алтаря и могилы» [Симбирцева 2012: 66–67].

Крепость Хвасон в Сувоне также была построена после перенесения в этот город могилы принца Садо. Т. М. Симбирцева указывает, что крепость Хвасон считается «воплощением “сыновней почительности” в архитектуре» [там же: 67].

В тексте легенды, как она представлена в повести Р. Кима, обнаруживается ряд расхождений с данными исторических источников. Считается, что принц Садо страдал психическим расстройством: «Он стал убивать дворцовых служанок, приглашать буддийских монахинь для увеселений, тайком выходить из дворца (что было запрещено этикетом)» [там же: 414]. Основным источником сведений о принце Садо является сочинение его вдовы, дамы Хегёнгун, «Ханджуннок» («Записанное в страданиях», 1795).

В тексте тетради причиной казни принца является требование завоевания Китая, чего в реальности быть не могло – в переживающей глубокий социальный и экономический кризис Корею середины XVIII в. не могла возникнуть мысль о завоевании значительно более сильного соседа. Кроме того, ничего неизвестно об описанном ритуале поклонения могиле принца. В исторических документах упоминается только одно высочайшее посещение гробницы принца Садо в год его шестидесятилетия, в 1795 г.

Учитывая совпадающие детали (посмертный статус принца, способ казни, расположение гробницы), а также историческую точность, которой, как правило, отличаются произведения Романа Кима, все искажения в рассказе о принце Чанхоне представляются нам неслучайными. Легенда описана в повести со слов японца как преамбула к истории бедствий японского офицера. Мы можем предположить, что настоящая причина смерти принца не нашла бы сочувствия у японца-завоевателя.

На наш взгляд, в политических повестях Романа Кима обнаруживаются биографические элементы – связь с метрополией, внимание к корейской истории. В представленной легенде контрастируют дерзкое желание завоевать Китай и ситуация, в которой эту легенду вспоминают, – униженная Корея под властью Японии, на территории которой борются три империи.

А. Е. Куланов пишет, что в повести «Тетрадь, найденная в Сунчоне» нет ничего «особенно корейского» [Куланов 2016: 282]. Начиная с рецензии в газете «Правда» эту повесть рассматривали исключительно как иллюстрацию исторических событий вне национальной проблематики: «Даже одобрительная рецензия в «Правде» (огромный успех для начинающего автора и вчерашнего заключенного, пока даже не помышляющего о реабилитации!) в номере от 14 июля 1951 г. не нашла «корейского фундамента» для похвалы,

сосредоточившись на политической составляющей сюжета» [Куланов 2016: 282]. Однако именно то, что корейская специфика мало отражена и в других произведениях Р. Кима, представляется нам примечательным. Образ Кореи в его повестях, памфлетах и комментариях создается с помощью деталей, упоминаемых в связи с другими странами. Кореи отдельно от других государств и в целом от общемировой картины мира в произведениях писателя нет. Тем не менее практически во всех текстах она присутствует как фон для событий либо как объект для сравнения. В сюжетах, к примеру, встречаются упоминания корейских рыбаков, корейских военнопленных. Так, рассказ «Тайна ультиматума» завершается подготовкой казни японцами красных корейцев: *«Когда мы приехали в бухту Улисс, уже было светло. Каменистый берег был покрыт водорослями и медузами. На плоской скале сидели привязанные друг к другу корейцы. Было прохладно, мы развели костер около шаланды, лежащей на берегу, опорожнили фляжки с сакэ, закусили консервированной солониной – корнбифом, выкурили по сигарете и начали»* [Ким 1969: 108]. Этот короткий абзац имеет важное значение для понимания описанных в рассказе событий. Именно с казни корейцев японские войска начинают свою деятельность в подвластном им городе. В романе «По прочтении сжечь», действие которого разворачивается на Гавайских островах вокруг шпионской игры США и Японии накануне нападения на Перл-Харбор в 1941 г., и американские, и японские агенты подозревают в связи с советской разведкой женщину, имеющую корейские и японские корни. Примечательно, что ее связным считают аптекаря-корейца. Л. Болтански отмечает, что в классических европейских шпионских романах представители титульных наций «часто выступают в роли внутреннего врага» [Болтански 2019: 76]. Корейцы-эмигранты, отчужденные от оккупированной родины, также априори воспринимаются в качестве агентов врага.

Следует заметить, что образ Кореи не является целостным. В повести «Тетрадь, найденная в Сунчоне» Ким разделяет южных и северных корейцев по политическому признаку. Южные корейцы изображены как пособники японцев, предатели родины, «лисынмановцы», тогда как в изображении северных корейцев появляются черты героизма, самоотверженности: *«Лучший способ преодолеть препятствие – это преодолеть препятствие»* [Ким 2016: 203]. В беллетристике Кима гражданская идентичность оказывается важнее национальной.

В повести «Тетрадь, найденная в Сунчоне» Корея оказывается полем сражения между Со-

ветским Союзом и США. В дневнике японского офицера показано, что японские военные круги воспринимают Америку как будущего полноправного союзника в борьбе против России (*«Америка хочет как можно скорее кончить войну на Тихом океане, чтобы начать другую войну. Значит, можно принудить Америку заключить с нами компромиссный мир, оставляющий за империей господствующее положение в Азии»*) [Ким 2016: 218–219]. Однако развитие политизированного сюжета и некоторые детали повествования указывают на смену господствующей империи. Одним из эпизодов, демонстрирующих неравное положение Японии и США, является эпизод встречи японских военачальников с «Маком», генералом Макартуром. Встреча носит характер аудиенции, где хозяином выступает Мак, несмотря на то, что действие происходит в Японии: *«Мак решил удостоить нас приемом в знак того, что удовлетворен нашей работой»* [там же: 327].

Военные действия в Пхеньяне описываются глазами японца, Ким показывает преэминентность в поведении господствующей империи на покоренной территории: *«В городе уже третий день подряд проводятся очистительные операции, жителей сгоняют на берег Тэдонгана и уничтожают с воздуха. По улицам водят привязанных друг к другу девушек, предназначенных для американского офицерского клуба. Все это я уже видел когда-то. Точно так же я стоял некогда на набережной в Нанкине после его взятия. Наши солдаты точно так же сгоняли жителей к реке и расстреливали их и так же водили по улицам связанных китайянок»* [там же: 354].

На наш взгляд, важным является тот факт, что действие повестей Кима происходит на пограничных колониальных территориях: Южная Африка, Гонконг, Корея во время Корейской войны, тихоокеанские острова во время американо-японского конфликта. Как правило, описываемое пространство – это спорные территории, места пересечения культур, где возможны встречи людей многих национальностей. Эта особенность, наряду со спецификой деятельности героев прозы Кима, также подтверждает поликультурные установки автора.

В середине XX в. формируется литература т. н. «корё сарам», т. е. корейцев, эмигрировавших на территорию Российской империи во второй половине XIX в. «Корё сарам» жили на территории Приморского края, Сахалина, Средней Азии, образуя достаточно большие диаспоры. По настоящее время корейские диаспоры существуют в разных регионах России, а также в Узбекистане, Казахстане, Кыргызстане. Примечательно, что именно диаспоры в среднеазиатских

государствах обладают высокой степенью культурного самосознания. На территории этих стран публикуется большое количество исследовательской и научно-популярной литературы о культуре корейцев, живущих вдали от метрополии. Г. Н. Ким отмечает, что «в Центральной Азии постепенно складывается традиция изучения литературы “коре сарам”» [Ким 2013: 449]. Г. Н. Ли не только определяет национальную идентичность современных потомков корейских эмигрантов, но и формирует культурный минимум, необходимый для того, чтобы не забывать о своих корейских корнях: «не обязательно помнить исторические даты, но надо знать, кто такие Тангун, король Сечжон Великий (при правлении Сечжона изобрели алфавит “хангыль”), Ким Юсин, Ли Сунсин. В Корее эти имена неизвестны разве что младенцу. Мы, жители России, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Туркмении и др. стран СНГ, считаем себя одновременно гражданами этих стран и корейцами. Оставаясь патриотами этих государств, мы не забываем, кто мы есть, свои корни, уходящие в далекое прошлое, в глубину веков» [Ли 2003].

Писатель Александр Кан в сборнике эссе «Книга белого дня» описывает литературу «корё сарам» и особое внимание уделяет творчеству Романа Кима. Уже сам факт обращения к творчеству Кима примечателен – биография писателя показывает, что Роман Ким не был тесно связан с корейской диаспорой. Г. Н. Ким в своем обзоре литературы советских корейцев также упоминает Романа Кима как первого русскоязычного корейского писателя [Ким 2013: 450]. Однако А. Кан достаточно категоричен в своей оценке писателя-соотечественника: «...ни одно из его произведений не имеет никакого отношения к корейскому миропониманию и вообще к понятию серьезной литературы» [Кан 2010]. По мнению писателя, образы разведчиков в творчестве Романа Кима, вынужденных жить призрачной жизнью, можно рассматривать в качестве метафоры корейцев в иноэтнической среде: «русские, евразийские корейцы как вечные призраки» [Кан 2010]. На наш взгляд, подобное сравнение является спорным. В системе персонажей и художественном пространстве Романа Кима образы разведчиков оказываются практически не связаны с образами Кореи и корейцев. В упомянутом нами романе «По прочтении сжечь» подозрения, что корейцы связаны с советской разведкой, оказываются мнимыми. Тем не менее размышления Александра Кана о связи образов разведчиков с судьбой потомков корейских эмигрантов как вечных призраков представляются важными для понимания проблемы культурной идентичности русскоязычной корейской эмиграции. Одна из осо-

бенностей жанра шпионского романа, состоящая в воплощении «тревоги, вызванной сомнениями в надежности и устойчивости реальности» [Болтански 2019: 216], коррелирует с эмигрантской проблематикой, развивающей свою идентичность исходя из пограничного положения: «граница становится тем местом, откуда нечто начинает свое присутствие, стремясь в область “за пределами”» [Бхабха 2005: 165].

Таким образом, фоновая национальная идентичность Р. Кима проявляется в произведениях разных жанров: от публицистики до шпионских романов. Исследование массовой литературы позволяет проследить прямо не проговоренные, но принципиально значимые для автора этнокультурные приоритеты.

Список литературы

Болтански Л. Тайны и заговоры. По следам расследований. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 502 с.

Бхабха Х. Местонахождение культуры // Перекрестки. Журнал исследований восточноевропейского пограничья. Минск, 2005. № 3–4. С. 161–192.

Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. URL: <https://www.metodolog.ru/00438/00438.html> (дата обращения: 16.01.2020).

Кан А. Книга белого дня. Ташкент, 2010. URL: <https://koryo-saram.ru/kan-aleksandr-kniga-belogo-dnya-literatura-korejtsev-s-n-g-v-poiskah-utrachennoj-identichnosti/> (дата обращения: 14.01.2020).

Ким Г. Н. Этапы развития художественной литературы корейцев СССР и СНГ // Избранные труды по корееведению. Тараз-Алматы: ЖИЦ Сенім, 2013. С. 449–453.

Ким Е. У. Роман Николаевич Ким – видный советский исследователь Восточной Азии и писатель. Научная конференция в ИДВ РАН, посвященная его творчеству // Японские исследования. 2016. № 2. С. 82–92.

Ким Р. Ноги к змее (Глоссы) // Б. Пильняк. Корни японского солнца. Р. Ким. Ноги к змее. Л.: Прибой, 1927. С. 131–184.

Ким Р. Три дома напротив соседних два (Описание литературной Японии). М.: Сов. лит., 1934. 97 с.

Ким Р. Н. По прочтении сжечь: повести. М.: Вече, 2016. 480 с.

Ким Р. Н. Тайна ультиматума. Повести и рассказы. М.: Молодая гвардия, 1969. 320 с.

Куланов А. Е. Роман Ким. М.: Молодая гвардия, 2016. 414 с.

Ли Г. Н. Обычаи и обряды корейцев России и СНГ. М.: РАЕН, 2003. URL: http://world.lib.ru/k/-kim_o_i/a11.shtml (дата обращения: 14.01.2020).

Семёнов Ю. Пароль не нужен // Смена. 1967. № 969. С. 18–19.

Симбирцева Т. М. Владыки старой Кореи. М.: РГГУ, 2012. 640 с.

Черняк М. А. Феномен массовой литературы XX века. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. 308 с.

김홍중. “세 이야기들”은 어떻게 다시 쓰였는가?: 로만 김 추리 문학의 기원과 특징 // 슬라브학보. 2015. № 30 (4). P. 135–162. *Kim Хон-джун*. Как были переписаны «Три рассказа»? Источники и особенности шпионской прозы Романа Кима // Славянский журнал. 2015. № 30(4). С. 135–162.

References

Boltanski L. *Tayny i zagovory. Po sledam rassledovaniy* [Mysteries and conspiracies: Detective stories, spy novels and the making of modern societies]. St. Petersburg, EUSP Press, 2019. 502 p. (In Russ.)

Bhabha H. Mestonakhozhdenie kul'tury [The location of culture]. *Perekrestki. Zhurnal issledovaniy vostochnoevropeyskogo pogranich'ya* [Crossroads. The Journal of the East European Frontier Research], 2005, issue 3–4, pp. 161–192. (In Russ.)

Cawelti J. G. Izuchenie literaturnykh formul [The Concept of Formula in the Study of Popular Literature]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 1996, issue 22. Available at: <https://www.metodolog.ru/00438/00438.html> (accessed 16.01.2020). (In Russ.)

Kan A. *Kniga belogo dnya* [The book of the white day]. Tashkent, 2010. Available at: <https://koryo-saram.ru/kan-aleksandr-kniga-belogo-dnya-literatura-korejsev-s-n-g-v-poiskah-utrachennoj-identichnosti/> (accessed 14.01.2020). (In Russ.)

Kim G. N. Etapy razvitiya khudozhestvennoy literatury koreytsev SSSR i SNG [Fiction by the Koreans of the USSR and the CIS: development stages]. *Izbrannye trudy po koreevedeniyu* [Selected works on Korean studies]. Taraz-Almaty, ZhITs Senim Publ., 2013, pp. 449–453. (In Russ.)

Kim E. U. Roman Nikolaevich Kim – vidnyy sovetkiy issledovatel' Vostochnoy Azii i pisatel'. Nauchnaya konferentsiya v IDV RAN, posvyash-

chennaya ego tvorchestvu [Roman N. Kim – a prominent Soviet East Asia studies researcher and writer. Scientific conference dedicated to the scholar's work for the IFES RAS]. *Yaponskie issledovaniya* [Japanese Studies In Russia], 2016, issue 2. pp. 82–92. (In Russ.)

Kim R. *Nogi k zmee* (Glossy) [Legs to a snake (Glosses)]. *B. Pil'nyak. Kornii yaponskogo solntsa*. R. Kim. *Nogi k zmee* [B. Pilnyak. The roots of the Japanese Sun. R. Kim. Legs to a snake]. Leningrad, Priboy Publ., 1927, pp. 131–184. (In Russ.)

Kim R. *Tri doma naprotiv sosednikh dva* (*Opisanie literaturnoy Yaponii*) [Three houses across from the other two (Essay on literary Japan)]. Moscow, Sovetskaya literatura Publ., 1934. 97 p. (In Russ.)

Kim R. N. *Po prochtenii szhech': povesti* [Burn after reading: novellas]. Moscow, Veche Publ., 2016. 480 p. (In Russ.)

Kim R. N. *Tayna ul'timatuma. Povesti i rasskazy* [The mystery of ultimatum. Novellas and short stories]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1969. 320 p. (In Russ.)

Kulanov A. E. *Roman Kim* [Roman Kim]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2016. 414 p. (In Russ.)

Li G. N. *Obychai i obryady koreytsev Rossii i SNG* [Traditions and rites of the Koreans of Russia and the CIS]. Moscow, Russian Academy of Natural Sciences Publ., 2003. Available at: http://world-lib.ru/k/kim_o_i/a11.shtml (accessed 14.01.2020). (In Russ.)

Semenov Yu. Parol' ne nuzhen [No password needed]. *Smena*, 1967, issue 969, pp. 18–19. (In Russ.)

Simbirseva T. M. *Vladyki staroy Korei* [The rulers of old Korea]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2012. 640 p. (In Russ.)

Chernyak M. A. *Fenomen massovoy literatury 20 veka* [The phenomenon of mass literature of the 20th century]. St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia Press, 2005. 308 p. (In Russ.)

Kim Hongjung. ‘Se iyagideul’ eun eotteohge dasi sseojyeossneunga?: Loman Gim chuli munhag-ui giwongwa teugjing [How was ‘Three Stories’ rewritten?: The sources and features of Roman Kim's spy fiction]. *Seullabeuhagbo* [Slavic Journal], 2015, issue 30 (4). pp. 135–162. (In Kor.)

WORKS BY ROMAN KIM: ETHNOCULTURAL REALITIES IN SOVIET FICTION

Ekaterina A. Kliuikova

Senior Lecturer in the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. nese91@gmail.com

SPIN-code: 4331-0254

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0650-9126>

ResearcherID: C-4818-2019

Elena M. Chetina

Associate Professor in the Department of Russian Literature

Perm State University

15, Bukireva st., Perm, 614990, Russian Federation. chetina@mail.ru

SPIN-code: 5514-0650

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0659-8862>

ResearcherID: C-5309-2019

Submitted 19.01.2020

The article is concerned with the works by the Soviet writer and East Asian studies scholar Roman Kim (1899–1967). He is well known as an author of spy fiction. The article follows the literary history of Roman Kim. Being a Russian-language descendant of Korean emigrants, he wrote about rivalry between international intelligence services on polycultural territories. First published works by R. Kim were non-fictional. He became a commentator of the book *The Roots of the Japanese Sun* by B. Pilniak and also published his analysis of the contemporary Japanese literature in the lampoon *Three Houses across from the Other Two*. R. Kim criticized Japanese ‘ego’-fiction of the early 20th century because literary ‘masters’ and their apprentices did not notice significant events in Japan and in the world and did not bring up social issues. Kim’s literary work demonstrates that the civic position of the characters in literature is essential for him.

In the 1950s and 1960s, Roman Kim’s fiction has an intriguing plot and distinctness of a storyline. The structure of his novellas is usually built on ideological oppositions: the USA and the USSR, North and South Korea, Japan and communist China. The writer creates images of Korea and Koreans with historical retrospections and ethnocultural details. Korea in general is shown as a space of competition between the modern empires. Kim underlines ethnocultural particularity of most of the characters. The specificity of his fiction is based on the rationalistic principle, which also determines the unambiguity of the characters. Such a feature of the characters and the storyline is fairly typical of formula literature. Roman Kim also depicts spies like ghosts in his novellas. The authors of the article interpret that as reflection of the hybrid identity of Korean diaspora in the Soviet Union.

Key words: Roman Kim; spy novel; Soviet literature; Japanese culture; ethnocultural specificity; images of Korea.

УДК 821.161.1: 1(470)

doi 10.17072/2073-6681-2020-1-103-111

«РОЗАНОВСКИЙ СЛОЙ» В ТВОРЧЕСТВЕ АННЫ АХМАТОВОЙ

Александр Александрович Медведев**к. филол. н., доцент кафедры русской и зарубежной литературы****Тюменский государственный университет**

625003, Россия, г. Тюмень, ул. Республики, 9. amedv1@yandex.ru

SPIN-код: 9765-6451

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7450-5373>

ResearcherID: AAF-8347-2019

*Статья поступила в редакцию 06.12.2019***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Медведев А. А. «Розановский слой» в творчестве Анны Ахматовой // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 103–111. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-103-111***Please cite this article in English as:***Medvedev A. A. «Rozanovskiy sloy» v tvorchestve Anny Akhmatovoy [‘Rozanov’s Layer’ in Anna Akhmatova’s Oeuvre]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 1, pp. 103–111. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-103-111 (In Russ.)*

На обширном материале корпуса текстов А. А. Ахматовой (поэзия, проза, записные книжки), а также воспоминаний о ней Л. Чуковской устанавливается, что Ахматова хорошо знала тексты В. В. Розанова («Уединенное», 1912; «Опавшие листья», 1913–1915; литературно-критические эссе) и обстоятельства его биографии, была знакома с дочерью философа, Т. В. Розановой.

В текстах Ахматовой выявляется «розановский слой» (подтексты), который отражает ее прямой и скрытый диалог со знаковой фигурой русского модернизма – как религиозно-философского («новое религиозное сознание»), так и литературного (жанр «опавших листьев»). В художественном плане для Ахматовой, как и для О. Мандельштама, значимо открытое Розановым «нелитературное», «догутенбергское» отношение к слову (интонация и интертекстуальность).

Розановский дискурс («Среди художников», 1909) диалогически преломляется в ахматовской «Венеции» (1912). Розановое восприятие библейской поэтики отражается в библейском цикле Ахматовой («Рахиль», 1921; «Лотова жена», 1924; «Мелхола», 1959–1961). Подробно анализируется ахматовский образ Розанова как участника «маскарада» эпохи начала XX в. в записи к «Поэме без Героя» (1962), в которой Ахматова мифологизирует Розанова как философа пола в демоническом контексте Григория Распутина. Раскрывается многослойная аллюзия в «Поэме без Героя» (1940–1965), в которой в блоковском контексте проступает диалог Ахматовой с Розановым на тему духа и плоти.

Выявляется близость Розанова и Ахматовой в демоническом и мортальном восприятии Блока и в модернистском восприятии Лермонтова как «родоначальника» русской литературы (а также в интонационном восприятии его поэзии). Открытая Розановым модернистская форма «потока сознания» («опавшие листья») прямо и опосредованно (через Мандельштама и Пастернака) имела важное значение для мемуарной прозы Ахматовой.

Ключевые слова: интертекстуальность; подтекст; русский модернизм; Анна Ахматова; Василий Розанов; диалог.

В «Записках» Л. Чуковская воспроизводит разговоры с Ахматовой о В. Розанове в 1939–1940 гг.: «– А Розанов? – спросила я. – Я так его люблю, кроме... – Кроме антисемитизма и половой проблемы, – закончила Анна Андреевна. <...> Я спросила, знала ли она Розанова. – Нет, к со-

жалению, нет. Это был человек гениальный. Мне недавно Надя, дочь его, говорила, что они все любили мои стихи и спрашивали у отца, знал ли он меня. Он не знал меня и, кажется, стихов моих не любил, зато очень любил Мариэтту Шагинян: “Девы нет меня благоуханней”. А у него

все люблю, кроме антисемитизма и половой теории» (цит. по: [Чуковская 1997: 29, 69–70]). Вероятно, Ахматова имеет в виду здесь не Н. В. Розанову (Верещагину), а другую дочь Розанова – Т. В. Розанову (1895–1975)¹. Розанов действительно не знал поэзии Ахматовой, поскольку русские поэты XIX в. были ему роднее современных поэтов-модернистов. С. Н. Дурылин вспоминал, как Розанов восхищался полиграфической роскошью модернистских изданий, но любил и жил русской классикой, глубоко проживая ее: «– Как это... хорошо издано! – и аккуратно ставил на полку. Не читал. Любил держать в руках, “потому что хорошо издано”. Пушкина же, Лермонтова, К. Леонтьева, Достоевского непрерывно читал, и волны от них передвигались сплошным непрекращающимся прибоем в его душу» [Дурылин 1991: 251].

Упоминание Ахматовой строки М. Шагинян («Девы нет меня благоуханней») свидетельствует о том, что Ахматова внимательно следила за розановскими рецензиями в «Новом Времени» (Розанов В. В. «Orientalia» М. Шагинян // Новое Время. 1913. 24 марта). Именно стихотворением «Полнолуние» (1911), финальную строку которого цитирует Ахматова, Розанов завершает свой отзыв на книгу Шагинян «Orientalia» (М.: Альциона, 1913)². В этом стихотворении Розанова как философа пола не могли не привлечь ориенталистски-эротические мотивы:

«Кто б ты ни был – будешь господином.
Жарок рот мой, грудь белее пены,
Пахнут руки чебрецом и тмином.
Днем чебрец на солнце я сушила,
Тмин сбирала, в час поднявшись ранний...
В эту ночь – от Каспия до Нила –
Девы нет меня благоуханней!..

Что это за канальственный “чебрец” растет на Кавказе, от которого не только девы, но и стихи их становятся так душисты, что не в марте бы месяце их читать...» [Розанов 2007: 51]³.

Чуковская также вспоминает эпизод из «Опавших листьев» (Короб первый), который ее возмущал, – о том, что мать двух дочерей посоветовала кадету, влюбленному в старшую дочь («пышная, большевросялая», «спокойного характера»), жениться на младшей дочери («худенькая и небольшая, так и пылала»), что кадет и сделал, а через два года у них уже было двое детей [Чуковская 1997: 70]. Таким образом Розанов в русле своей философии пола обосновывал необходимость раннего брака, когда у юноши и девушки еще «неиспорченное воображение» (XXX, 183). Ахматова, соглашаясь с возмущением Чуковской («Я опять подивилась совпадению наших нелюбвей»), отмечает мифологичность этой розановской истории: «Анна Андреевна махнула ру-

кой. – Ничего этого не было. Ни дамы, ни дочерей, ни внука. Все это он сам, конечно, выдумал, от слова и до слова...» [там же].

История с сестрами иллюстрировала мысль Розанова о том, что половая энергия может развиваться в двух направлениях: «пыл пола или развертывается в рост и, потратя силы свои “на произведение своего же тела”, успокаивается; или же он в рост не развертывается, и тогда весь сосредоточивается в стрелу пола, – и эта стрела сильно заострена и рвется с тетивы» (XXX, 182). Этой розановской мыслью Ахматова подкрепляла свои жизненные наблюдения, но в отношении женщин, а мужчин: «Бросить можно только жену, и “хи-мэны”⁴ именно на этом проявляли свою мужскую самостоятельность, пока не попадали под каблук к какой-нибудь энергичной дамочке, и это довершало превращение мужчины в “слабый пол”... “У них все ушло в рост”, – говорила о таких Ахматова, цитируя Розанова» [Мандельштам 2014: 905].

В этой же записи Чуковской Ахматова вспоминает последние годы жизни Розанова в Сергиевом Посаде: «Гениальный был человек и слабый. Мне жаль было его, когда он потом голодал в Сергиеве. Мне рассказывали: ходил по платформе и собирал окурки. Я ничем не могла ему помочь, потому что сама голодала клинически» (цит. по: [Чуковская 1997: 70]). Подробности тяжелого материального положения последнего года жизни Розанова, приведшего его к смерти, Ахматова могла знать от Т. В. Розановой, а также от ближайшего круга Розанова. В письме М. О. Гершензону в ноябре 1918 г. Розанов признавался: «Голодно. Холодно. Кто-то добрый человек, разговорясь со мною в бане, сказал: “В. В., по портрету Бакста⁵ – у Вас остались только глаза”. <...> Собираю перед трактирами окурки: ок. 100 – 1 папироса. Затянусь. И точно утешен» [Переписка 1991: 241]. З. Н. Гиппиус писала в воспоминаниях, опубликованных в парижском альманахе «Окно» за 1924 г. (в те годы альманах еще был доступен в советской России): «Стал, говорят, странный и больной. Такой нищий, что на вокзале собирает окурки. <...> Ничто, прежде ужасное, не удивляло: *теперь* казалось естественным. У всех, кажется, все умерли; все, кажется, подбирают окурки...» [Гиппиус 1995: 37–38]. Гиппиус писала и о христианском перевороте Розанова перед смертью (о чем Ахматова могла знать и от дочери Розанова (см. ее «Воспоминания»: [Розанова 1999: 91–102]), хотя эта тема в ахматовских текстах никак не отразилась.

Важнейшим контекстом для ахматовского восприятия Розанова-писателя является прочтение Розанова О. Мандельштамом, который очень

ценил его прежде всего за «нелитературное», «домашнее» отношение к литературе, проявляющееся в ключевой роли для текста интонации⁶ и цитатности: «Филология – это семья, потому что всякая семья держится на интонации и на цитате, на кавычках. Самое лениво сказанное слово в семье имеет свой оттенок. <...> Розанов же увязнет с головой в строчке любого русского поэта, как он увяз в строчке Некрасова. “Еду ли ночью по улице темной” – первое, что пришло в голову ночью на извозчике. Розановское примечание – вряд ли сыщется другой такой русский стих во всей русской поэзии» [Мандельштам 1999: 223–224]. Мандельштам отсылает здесь к «опавшему листу» из «Уединенного» (1912), в котором Розанов как раз акцентировал значение интонации в некрасовских стихах: «Его “Власу” никакой безумец не откажет в поэзии. Его “Огородник”, “Ямщик”, “Забытая деревня” прелестны, удивительны, и были новы *по тону* в русской литературе. Вообще Некрасов создал *новый тон* стиха, *новый тон чувства*, новый тон и звук *говора*» (XXX, 14). В розановском духе Мандельштам дает определение цитатности в «Разговоре о Данте» (1933): «Цитата не есть выписка. Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна» [Мандельштам 1994: 220].

Отзвук розановской «нелитературности» звучит и в реплике Мандельштама 1930-х гг., обращенной к молодым поэтам, жаловавшимся ему, что их не печатают: «И почему вы все придаете такое значение станку Гутенберга?» [Липкин 2008: 16]. Немецкого изобретателя печатного станка Розанов назвал в «Уединенном» «Мефистофелем» за то, что своим изобретением он определил публичный, массовый, обезличенный характер литературы Нового Времени: «Как будто этот проклятый Гуттенберг облизал своим медным языком всех писателей, и они все обездушались “в печати”, потеряли лицо, характер» (XXX, 9). В «Уединенном» (на титуле было указано, что оно издано «*почти на праве рукописи*») Розанов возвращался к догутенберговской – интимной, «рукописной» интонации, преодолевающей «печатность»: «Новое – *тон*, опять – манускриптов, “до Гутенберга”, для себя» (XXX, 132).

Это идущее от Розанова (в том числе и через Мандельштама) интонационное и интертекстуальное понимание литературы было близко Ахматовой, в поэтике которой интонация и цитатность – ключевые принципы. Вспомним ее ставшие крылатыми строки 1956 г.:

Не повторяй – (душа твоя богата) –
Того, что было сказано когда-то,
Но, может быть, поэзия сама –
Одна великолепная цитата.
[Ахматова 1999: 182]⁷

А в записной книжке 1960 г. и в заметке «Все было подвластно ему» (1964) Ахматова отмечает ключевую роль интонации у Лермонтова: «...хочется ему подражать, но совершенно очевидно, что это невозможно, потому что он владеет тем, что актеры называют сотая интонация»; «Трудно писать о нем и не впасть в его тон, трудно думать о нем и не слышать его интонацию» (6, 280, 295). Эта лермонтовская «сотая интонация» становится кульминацией в стихотворении «*Rosa moretur*» (1963): «А ты поймал одну из сотых интонаций, / И все недолжное случилось в тот же миг» (2/2, 177).

В записи от 21 апреля 1963 г. под заглавием «*М. б., примечание*» Ахматова отмечает принципиальное значение голоса и интонации для понимания Пушкина: «Мы почти перестали слышать его человеческий голос в его божественных стихах. <...> во всей многопланности пушкинского слова и с сохранением его человеческой интонации» (6, 173). Именно Розанов первым заговорил о первостепенном значении голоса и интонации в понимании Пушкина: «<...> не всякий “читающий Пушкина” имеет что-нибудь общее с Пушкиным, а лишь кто вслушивается в голос *говорящего* Пушкина, угадывая интонацию, какая была у живого» (XXX, 97).

«Рукописным» тоном Розанов снимал «публичный» характер литературы Нового Времени с ее культом славы («самодовольство», тщеславие) и возвращался к смиренной средневековой рукописности, сохранявшей индивидуальность и духовное целомудрие писателя: «Ведь в Средних веках не писали для публики, потому что прежде всего не издавали. И средневековая литература, во многих отношениях, была прекрасна, сильна, трогательна и глубоко плодотворна в своей невидности. Новая литература до известной степени погибла в своей излишней видности; и после изобретения книгопечатания вообще никто не умел и не был в силах преодолеть Гутенберга» (XXX, 132). Эта розановская установка соотносится с наблюдением Н. Мандельштам (ссылающейся на мысль Розанова о «писательском целомудрии»⁸) о том, что Ахматова и Мандельштам не «смотрелись в зеркала»: «Она именно жила в зеркалах, а не смотрелась в них, поэтому это не имеет никакого отношения к замечанию Розанова о том, что писатели делятся на два типа – одни смотрят в зеркало, а другие нет. Розанов здесь имеет в виду оглядку на читателя, заигрывание с ним, актерский элемент в писателях, которого в подлинных поэтах почти никогда не бывает. Предельно этот элемент отсутствовал у О. М.» [Мандельштам 2014: 630].

Аллюзии на розановские тексты присутствуют и в лирике Ахматовой, так, они проступают в стихотворении «Венеция» (август 1912 г.):

Золотая голубятня у воды,
Ласковой и млеюще-зеленой;
Заметает ветерок соленый
Черных лодок узкие следы.

Сколько нежных, странных лиц в толпе.
В каждой лавке яркие игрушки:
С книгой лев на вышитой подушке,
С книгой лев на мраморном столбе.

Как на древнем, выцветшем холсте,
Стынет небо тускло-голубое...
Но не тесно в этой тесноте
И не душно в сырости и зное (1, 100).

В мотивах золота, птиц («золотая голубятня»), льва («с книгой лев»), в сочетании золотого и черного («черных лодок») отраженно преломляется «райское» описание Венеции в розановском очерке «Золотистая Венеция» (1902) из популярной у современников книги «Итальянские впечатления» (СПб., 1909)⁹: «Вся Венеция усеяна изображениями льва <...>. Лев венецианский, поставленный на мачтах, на столбах, колоннах, на каждой безделушке вплоть до спичечной коробки, имеет два полуприподнятые крыла и чуть-чуть опустил на передних лапах, как готовый сейчас прыгнуть. Это лев в оживлении, а не сидящий, не лежащий. <...> “Золотистая Венеция, золотистая Венеция”, – думал я, ожидая на крошечной пристаньке возле дворца дождей пароходик, чтобы ехать на вокзал. <...> “Прощайте, золотистые дворцы, прощайте, золотистые дворцы”. По сторонам смотрели они, эти дворцы, в самом деле в черных позолотах. До чего это красиво, – золото по мрамору, по металлу, по стеклу, в наружных украшениях дома. Вся Венеция точно осыпана золотистой пылью, как некоторые красивейшие южные птицы – колибри или африканская “райская птица”» (I, 118, 121–122).

Розанов был одним из первых, кто в начале XX в. открыл красоту библейской поэзии. В статье «О “Песне песней”» (1909), вошедшей в его книгу «Библейская поэзия» (СПб., 1912), он видел секрет поэтичности «Песни песней», в частности, в отсутствии в ней ярких цветовых эпитетов: «Узора нет, краски неразличимы... в каком-то сумраке мысль. Такие слова, как “красный”, “голубой”, “желтый”, даже сам “белый” или “черный”, – не только не встречаются в поэме, но вы сейчас же почувствуете, что они составили бы в ней какофонию. <...> В одном месте поэмы говорится: “Не *будьте* любовь”, не мешайте ей, не спугивайте ее. Как только Суламифь сказала бы: “Я уже сняла свой *красный* хитон”, так сейчас она и рассеяла бы грезы Соломона и все про-

будилось бы к действительности. Вся поэма движется так, что ни Соломон, ни Суламифь не помнят о цвете своих одежд... Замечательно, что чуть ли не единственный цветовой термин: “я *смугла*”, – в ней, во-первых, не тверд, не определен, и, во-вторых, что это сказано как признание в горячности: “Я смугла, *обожжена* солнцем”» (XIV, 451–452). Подмеченная Розановым особенность библейской поэтики проявляется в библейском цикле Ахматовой («Рахиль», 1921; «Лотова жена», 1924; «Мелхола», 1959–1961), где цветовые эпитеты встречаются лишь четырехжды («черная голубка», «черная гора», «красные башни», «зеленые глаза»). О героях ахматовского цикла можно сказать словами Розанова – чтобы не вспугнуть любовь, они «не помнят о цвете своих одежд».

Эпическим 4-стопным амфибрахией библейских стихов Ахматова передает «таинственный тон Библии», о котором Розанов писал в статье «О поэзии в Библии» (1909–1911) из той же книги, определяя его как естественный, «“высокий и благородный”, но не придуманный, нежный без приторности, кроткий без униженности, в высшей степени простой, в высшей степени ясный, в высшей степени наглядный» (XIV, 448–449). В сравнении с другими книгами тон Библии – это «чистая вода горного ключа после спитого чая, водки и бутербродов; это – как поле и полевые цветы, хижина араба и его песня о звездах после душного ресторана с “малыми”; всегда это для души – освежение и воскресение» (XIV, 450). Подобный ряд простых, естественных и первозданных природных образов присутствует и в библейских стихах Ахматовой («долина», «стада», «горячая пыль», «камень», «чистый источник», «пустыня», «высокая ночь», «прохладные росы», «солнца лучи», «звезды в ночи»):

И снится Иакову сладостный час:
Прозрачный источник долины,
Веселые взоры Рахилиных глаз
И голос ее голубиный (1, 376).

Прямое упоминание Розанова – среди участников «маскарада» эпохи начала XX в. в записи к «Поэме без Героя» (6–7 января 1962 г.): «...и я не поручусь, что там, в углу, не поблескивают очки Розанова и не клубится борода Распутина» (3, 267). Фигура Розанова возникает здесь в демоническом ореоле Врубеля («от него все демоны XX-го века, первый он сам»), Мейерхольда («демонический Доктор Дапертутто»), Вяч. Иванова («Фауст») и сближается по демонизму с Григорием Распутиным. С последним Розанов познакомился в 1904–1905 гг., неоднократно писал о нем. Розанов воспринимал Распутина в идеализированном народническом ключе («Илья

Муромец»): «Разгадка всего. Гриша – гениальный мужик» (II, 60). Как философа пола его особенно интересовала в Распутине его сексуальная сущность. В письме к Э. Голлербаху от 6 октября 1918 г. Розанов упоминает, что Распутин его боялся, так как он постиг его тайну через древнеегипетский культ «Священного Аписа» (XVII, 373–374). В своих мемуарах о Распутине¹⁰ Н. Тэффи вспоминала, как Розанов, находясь в одной компании с Распутиным¹¹, просил ее разговаривать его – непременно затронуть «эротические темы» и «хлыстовские радения» [Тэффи 1991: 426, 431]. Как и Ахматова («клубится борода Распутина»), Тэффи описывает Распутина через стихийные образы: «Самого его несла куда-то та самая сила, которою он хотел управлять. <...> он словно уже сорвался и несся в вихре, в смерче, сам себя потеряв. <...> путал, сам себя не понимал, мучился, корчился, бросался в пляс с отчаянием и с воплем, как в горящий дом за забытым сокровищем. Я потом видела этот пляс его сатанинский...» [Тэффи 1991: 426, 432].

Именно в этом распутинском контексте Ахматова мифологизирует Розанова как философа пола, закрепляя эту семантику за топосом угла (в 1903–1904 гг. Розанов вел в журнале «Новый путь» рубрику «В своем углу») и за ключевой деталью портрета философа – поблескивающими очками, отсылающими к уже упомянутому знаменитому портрету работы Бакста, о котором Перцов писал в книге 1933 г., что он верно передает внешность Розанова: «схвачен и тот зоркий, проникающий взгляд, которым Розанов выучился смотреть, как мне кажется, тоже лишь позднее – именно к эпохе написания этого портрета: к “египетской” своей эпохе» [Перцов 2002: 262]. Из литературных источников «поблескивающих очков» можно назвать мемуары Гиппиус, в которых она вспоминает забежавшего в их квартиру торопливого Розанова, критикующего христианство: «Так, в крылатке, и бегал нервно по комнате, блестя очками. Разговор был, конечно, о религии, и опять о христианстве. Отношение к нему у Розанова показалось мне мало по существу изменившимся. Те же упреки, что христианство не хочет знать мира с его теплотой и любовью, не приемлет семью и т. д.» [Гиппиус 1995: 32]. Поблескивающие очки – ключевая деталь образа Розанова и в воспоминаниях А. Белого: «В. В. Розанов, нагло помалкивая и блистая очками, коленкой плясал» [Белый 1990: 494].

Диалог с Розановым проступает и в многослойной аллюзии из самой «Поэмы без Героя» (1940–1965) – «плоть, почти что ставшая духом» (3, 182). Как уже указывали исследователи¹², в ней свернута отсылка к ключевой проблеме «нового религиозного сознания», хотя, на наш

взгляд, Ахматова здесь не спорит с Розановым и не выбирает сторону Бердяева, а оказывается ближе к Розанову и Мережковскому, считавших, что в аскетическом христианстве дух, монофизитски оторванный от плоти, становится демоничным: «Дух и Слово может быть Плотью и Кровью. <...> Господь претворил воду в вино и вино в кровь. Не обратно ли претворяется в последующие века аскетического христианства кровь в вино и вино в воду, святое Тело – в бестелесную святость, духовная Плоть – в бесплотную духовность, Воскресение Плоты – в умерщвление плоти? Не совершается ли здесь второе предательство, равное первому?» [Мережковский 2000: 140–141].

Мысль о плоти, ставшей духом, является частью ахматовского портрета А. Блока:

Гавриил или Мефистофель
Твой, красавица, паладин?
Демон сам с улыбкой Тамары,
Но такие таятся чары
В этом страшном дымном лице:
Плоть, почти что ставшая духом, <...>
С мертвым сердцем и мертвым взором (3, 182).

И в этом демоническом и мортальном восприятии Блока Ахматова также оказывается близка Розанову, который писал о поэте в своих статьях 1909 г.: «Боже мой, кого не презирает Блок? И почему он не играет Демона в опере Рубинштейна?.. Было бы так естественно, ибо это был бы Демон не подмалеванный, а настоящий. Но разберемся в мыслях печального Демона» (Розанов В. В. Попы, жандармы и Блок // Новое Время. 1909. 16 февр.) (4, 330); «С лицом мертвеца, – соглашаюсь, красивого мертвеца, – и загробным голосом поэт Блок читает о землетрясении в Мессине и связи этого землетрясения... с русскою интеллигенцией» (Розанов В. В. Литературные симулянты // Новое Время. 1909. 11 янв.) (4, 324).

Еще один план, сближающий Ахматову и Розанова, – литературно-критическая оценка Лермонтова. В статье «Вечно печальная дуэль» (Новое Время. 1898. 24 марта), написанной в период сближения с Мережковскими, Розанов предлагал отказаться от «версии происхождения нашей литературы “от Пушкина”», доказывая, что ее родоначальником был Лермонтов: «В Лермонтове срезана была самая кронка нашей литературы, общее – духовной жизни, а не был сломлен, хотя бы и огромный, но только побочный сук. <...> в поэте таились эмбрионы таких созданий, которые совершенно в иную и теперь не разгадываемую форму вылили бы все наше последующее развитие. Кронка была срезана, и дерево пошло в суки» (VII, 289). Розанов отходит от национального литературного канона с почвенническим

культом Пушкина (созданным Ап. Григорьевым, Ф. М. Достоевским, Н. Н. Страховым) и, по сути, создает модернистский канон во главе с мистическим Лермонтовым. «“Мистагогов” русской литературы» (в лице Гоголя, Достоевского, Толстого) Розанов возводит не к Пушкину, а к Лермонтову: «“Есть миры иные”, – тревожно сказал Достоевский устами старца Зосимы в “Братьях Карамазовых”; “есть мир иной” – разве не говорит это нам, не предостерегает нас об этом в “Смерти Ивана Ильича” Толстой?» (VII, 291). Кроме религиозности Достоевский и Толстой продолжают героев Лермонтова (а не «простых» героев Пушкина) и в их глубинном психологизме: «Раскольников и Свидригайлов в их двойственности и вместе странной “близости”, кн. Андрей Болконский, Анна Каренина – все эти люди богатой рефлексии и сильных страстей все-таки кое-что имеют себе родственного в Печорине ли, в Арбенине, но более всего – лично в самом Лермонтове» (VII, 294). Неизвестно, была ли Ахматова знакома со статьей Розанова, но концепция происхождения русской литературы «от Лермонтова» ей была явно близка, о чем свидетельствует ее фраза «Не от Пушкина или Гоголя, а именно от него Толстой и Достоевский...» [Найман 1999: 410].

В последнем эссе, посвященном Лермонтову (Розанов В. В. О Лермонтове // Новое Время. 1916. 18 июля), в котором «вещий томик» его лирики Розанов называет «золотым нашим Евангелищем», он соотносит поэта с Христом через его евангельский тон: «Ах, и “державный же это был поэт”! Какой *тон*... Как у Лермонтова – *такого тона еще не было ни у кого в русской литературе*. / Вышел – и владеет. / Сказал – и повинуются. / Пушкин “навевал”... Но Лермонтов не “навевал”, а приказывал» (IV, 641–642). В этой характеристике – прямая отсылка к интонации Христа: «И дивились Его учению, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники» (Мк. 1, 22; Мф. 7, 28–29). Этот «властный» тон Лермонтова уловила и Ахматова в заметке «Все было подвластно ему» (1964): «...он владеет тем, что актеры называют сотая интонация. Слово слушается его, как змея заклинателя: от почти площадной эпиграммы до молитвы, а его строки не имеют себе равных ни в одной из поэзий мира» (6, 280).

И последний «розановский» аспект, который следует очертить, но который требует дальнейшего анализа, – открытая Розановым модернистская форма «потока сознания» («опавшие листья»), которая имела огромное значение для прозы поэтов-модернистов. Вяч. Вс. Иванов отмечал, что вдохновлявший Манделштама Розанов был едва ли не значимее всех как для внесюжетной «неразрешенной» прозы самого поэта

(«Египетская марка», «Четвертая проза»), так и для будущего русской прозы (до Венечки Ерофеева и Синявского)» [Иванов 2000: 760–761]. Ориентируясь на эту восходящую к Розанову «четвертую прозу» с ее феноменологическим «потоком сознания» («Шум времени» Манделштама и «Охранная грамота» Пастернака), Ахматова в последние годы своей жизни писала книгу «о времени и о себе» (ее название менялось – «Книга жизни», «Листки из Дневника», «Листки из Блокнота», «Мои полвека», «Труды и дни»...), которая не была закончена: «Успеть записать одну сотую того, что думается, было бы счастьем. Однако книжка – двоюродная сестра “Охранной грамоты” и “Шума времени” – должна возникнуть. Боюсь, что по сравнению со своими роскошными кузинами она будет казаться замарашкой, простушкой, золушкой и т. д. Оба они (и Борис, и Осип) писали свои книги, едва достигнув зрелости, когда все, о чем они вспоминают, было еще не так сказочно далеко. Но видеть без головокружения девяностые годы XIX века с высоты середины XX века почти невозможно» (5, 171).

Таким образом, Ахматова была хорошо знакома с произведениями Розанова и обстоятельствами его биографии. В текстах Ахматовой, подобно «симпатическим чернилам», проступает «розановский слой», отражающий ее прямой или скрытый диалог со знаковой фигурой русского модернизма – как религиозно-философского («новое религиозное сознание»), так и литературного («опавшие листья»). Розанов мифологизируется Ахматовой как философ пола в демоническо-стихийном контексте Григория Распутина. В художественном плане для Ахматовой, как и для Манделштама, значимо розановское «нелитературное», «догутенберговское» отношение к слову (интонация и интертекстуальность). Розановский дискурс диалогически преломляется в ахматовской «Венеции», в библейском цикле, в «Поэме без Героя», в понимании Лермонтова, Пушкина и Блока, а также является важным для модернистской поэтики мемуарной прозы Ахматовой.

Примечания

¹ Ахматова познакомилась с Розановой в 1930-е гг. в доме Н. Г. Чулковой, с которой они обе дружили и у которой останавливались, приезжая в Москву. На этой встрече Ахматова рассказала, что видела молодого Розанова, когда он служил в Государственном контроле: «Говорила, что хорошо его помнит. Я же сказала, что мои сестры Варя и Надя очень любят ее стихи, и попросила передать Наде фотографию. Она надписала ее. Варя была в восторге. Портрет всегда

стоял у нее на столе, а после смерти Вари я отдала его Наде. После Надиной смерти он перешел в руки Елены Дмитриевны Танненберг, ее близкой подруги» [Розанов 1999: 149]. Варвара Розанова (Гордина, 1898–1943) – дочь Розанова, поэтесса; Надежда Розанова (Верещагина, 1900–1956) – дочь Розанова, художница.

² Шагинян подарила Ахматовой 5-е издание этой книги (Пб.; Берлин: З. И. Гржебина, 1921), о чем говорит ее дарственная надпись: «Дорогой Анне Ахматовой от Маруси в память нашей встречи взамен утраченного экземпляра Петербург 12 июня (?) 1922» [Abelbooks].

³ *Розанов В. В.* Собр. соч.: в 30 т. Т. XXIII: На фундаменте прошлого (Статьи и очерки 1913–1915 гг.). М.: Республика; СПб.: Росток, 2007. 638 с. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием в круглых скобках номеров тома и страниц.

⁴ От англ. *he-man* – настоящий мужчина, герой.

⁵ *Бакст Л. С.* Портрет В. В. Розанова. 1901. Бумага, пастель. 106,5×70,9. Москва, Гос. Третьяковская Галерея. URL: https://www.tg-m.ru/img/-mag/2015/3/art_48_05_06.jpg (дата обращения: 27.09.2019).

⁶ Впервые на близость Мандельштама к Розанову в особой значимости для него интонации обратила внимание А. Кроун, приводя слова поэта «Я один в России работаю с голоса...» и посвященное Ахматовой стихотворение «Твое чудесное произношень» (1918) [Stone 1994: 62–63]. О значении интонации для Розанова см. подробнее: [Медведев 2008: 1368–1372; 1513–1516].

⁷ *Ахматова А. А.* Собр. соч.: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1999. Т. 2, кн. 1. С. 182. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием в круглых скобках номеров тома и страниц.

⁸ Ср. в «Опавших листьях» (Короб первый): «Боже, сохрани во мне это писательское целомудрие: не смотреться в зеркало. Писатели значительные от ничтожных почти только этим отличаются: смотрятся в зеркало – не смотрятся в зеркало» (XXX, 118).

⁹ В январе 1964 г., размышляя о будущей поездке Ахматовой в Италию для получения премии «Этна-Таормина», Чуковская упоминает книгу Розанова в ряду ключевых текстов русских писателей об Италии (итальянские письма Герцена, Тургенева, Толстого, «Итальянские стихи» Блока, образ Венеции в «Былом и Думах» Герцена и в «Охранной грамоте» Пастернака) [Чуковская 1997а: 135].

¹⁰ Впервые под заглавием «Колдун: Из воспоминаний о Распутине» [Тэффи 1924].

¹¹ В «Мимолетном» Розанов описал две встречи с Распутиным «в литературной компании» 15 апреля и 17 апреля 1915 г. (II, 56–57, 59–61).

¹² С. Коваленко предположила, что Ахматова отсылает к спору Бердяева с Мережковским и Вл. Соловьевым о «духе» и «плоти», принимая при этом сторону Бердяева, возражавшего против антитезы этих начал [Коваленко 1998: 432]. С. А. Мартыанова считает, что в этой фразе Ахматова оспаривает розановские идеи освящения плоти и мистики пола [Мартыанова 2001].

Список литературы

Ахматова А. А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1999. Т. 2, кн. 1. 640 с.

Белый А. Начало века. Воспоминания: в 3 кн. М.: Худож. лит., 1990. Кн. 2. 687 с.

Гиппиус З. Н. Задумчивый странник. О Розанове (Из книги «Живые лица») // В. В. Розанов: pro et contra. Личность и творчество В. Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология: в 2 кн. СПб.: Изд-во РХГИ, 1995. Кн. 1. С. 1–43.

Дурылин С. Н. В своем углу: Из старых тетрадей. М.: Моск. рабочий, 1991. 354 с.

Иванов Вяч. Вс. Взгляд на русский роман в 1992 г. // Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Статьи о русской литературе. М.: Языки рус. культуры, 2000. Т. 2. С. 745–761.

Коваленко С. Свершившееся и недоволенное. Поэмы и театр Анны Ахматовой // Ахматова А. Собр. соч.: в 6 т. М.: Эллис Лак, 1998. Т. 3. С. 377–462.

Липкин С. «Угль, пылающий огнем...»: Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. Материалы о С. Липкине. М.: РГГУ, 2008. 474 с.

Мандельштам Н. Люсаных // Мандельштам Н. Собр. соч.: в 2 т. Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. Т. 2. С. 903–909.

Мандельштам Н. Об Ахматовой // Мандельштам Н. Собр. соч.: в 2 т. Екатеринбург: ГОНЗО, 2014. Т. 1. С. 583–782.

Мандельштам О. Э. Собр. соч.: в 4 т. М.: АРТ-БИЗНЕС-ЦЕНТР, 1999. Т. 1. 366 с.

Мандельштам О. Э. Собр. соч.: в 4 т. М.: АРТ-БИЗНЕС-ЦЕНТР, 1994. Т. 3. 527 с.

Мартыанова С. А. «Поэма без героя» А. А. Ахматовой в контексте русской философской культуры XX в. // Постсимволизм как явление культуры: сборник. Вып. 3. М.: Б. и., 2001. URL: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/martyanova-roema-bez-geroya-ahmatovoj.htm> (дата обращения: 27.11.2019).

Медведев А. А. Интонация // Розановская Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 1368–1372.

Медведев А. А. Эссеистичность // Розановская Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2008. С. 1513–1516.

Мережковский Д. С. Л. Толстой и Достоевский. М.: Наука, 2000. 589 с.

Найман А. Рассказы об А. Ахматовой. М.: Вагриус, 1999. 429 с.

На последнем изломе: В. В. Розанов в записках дочери // Литературная газета. 1999. 10 февр. С. 12.

Переписка В. В. Розанова и М. О. Гершензона. 1909–1918 // Новый мир. 1991. № 3. С. 215–242.

Перцов П. П. Литературные воспоминания. 1890–1902. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 496 с.

Розанов В. В. Собр. соч.: [в 30 т.]. [Т. XXIII]: На фундаменте прошлого (Статьи и очерки 1913–1915 гг.). М.: Республика; СПб.: Росток, 2007. 638 с.

Розанова Т. В. «Будьте светлы духом»: Воспоминания о В. В. Розанове. М.: Blue Apple, 1999. 183 с.

Тэффи Н. А. Колдун: Из воспоминаний о Распутине // Сегодня (Рига). 1924. 10 авг. № 179; 13–14 авг. № 181–182.

Тэффи Н. А. Распутин // Тэффи Н. А. Житье-бытье: Рассказы. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. С. 417–447.

Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. 1938–1941. М.: Согласие, 1997. Т. 1. 587 с.

Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. 1963–1966. М.: Согласие, 1997а. Т. 3. 563 с.

Abelbooks. Антикварные книги. URL: <https://www.abelbooks.ru/tovar/shaginyan-m-s-avto-graf-anne-ahmatovoj-orientalia/> (дата обращения: 27.09.2019).

Crone A. L. Mandelstam's Rozanov // Mandelstam Centenary Conference. Collection of Articles. Tenafly: Hermitage, 1994. P. 56–71.

References

Akhmatova A. A. *Sobr. soch.: v 6 t.* [Collected works: in 6 vols.]. Moscow, Ellis Luck Publ., 1999, vol. 2, book 1. 640 p. (In Russ.)

Bely A. *Nachalo veka. Vospominaniya: v 3 kn.* [The beginning of the century. Memories: in 3 books]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, book 2. 687 p. (In Russ.)

Gippius Z. N. *Zadumchivyy strannik. O Rozanove (Iz knigi 'Zhivye litsa')* [The thoughtful wanderer. On Rozanov. (From the book 'Living Faces')]. *V. V. Rozanov: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo V. V. Rozanova v otsenke russkikh mysliteley i issledovateley. Antologiya: v 2 kn.* [V. V. Rozanov: pro et contra. The personality and works of V. Rozanov in the assessment of Russian thinkers and researchers. Anthology: in 2 books]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for the Humanities Press, 1995, book 1, pp. 1–43. (In Russ.)

Durylin S. N. *V svoem uglu: Iz starykh tetradey* [In my corner. From old notebooks]. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., 1991. 354 p. (In Russ.)

Ivanov Vyach. Vs. *Vzglyad na russkiy roman v 1992 g.* [A look at the Russian novel in 1992]. *Ivanov Vyach. Vs. Izbrannyye trudy po semiotike i istorii kul'tury. Stat'i o russkoy literature* [Ivanov Vyach. Vs. Selected works on semiotics and cultural history. Articles on Russian literature]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000, vol. 2, pp. 745–761. (In Russ.)

Kovalenko S. *Svershivsheesya i nedovoploshchennoe. Poemy i teatr Anny Akhmatovoy* [Fulfilled and unfulfilled. Anna Akhmatova's poems and theatre]. *Akhmatova A. Sobr. soch.: v 6 t.* [Akhmatova A. Collected works in 6 vols.]. Moscow, Ellis Luck Publ., 1998, vol. 3, pp. 377–462. (In Russ.)

Lipkin S. 'Ugl', *pylayushchiy ognem...': Vospominaniya o Mandel'shtame. Stikhi, stat'i, perepiska. Materialy o S. Lipkine* ['Coal burning with fire...'. Memories about Mandelstam. Poems, articles, correspondence. Materials on S. Lipkin]. Moscow, Russian State University for the Humanities Press, 2008. 474 p. (In Russ.)

Mandelstam N. Lyusanych. *Mandelstam N. Sobr. soch.: v 2 t.* [Mandelstam N. Collected works in 2 vols.]. Ekaterinburg, GONZO Publ., 2014, vol. 2, pp. 903–909. (In Russ.)

Mandelstam N. *Ob Akhmatovoy* [About Akhmatova]. *Mandelstam N. Sobr. soch.: v 2 t.* [Collected works in 2 vols.]. Ekaterinburg: GONZO Publ., 2014, vol. 1, pp. 583–782. (In Russ.)

Mandelstam O. E. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected works in 4 vols.]. Moscow, ART-BIZNES-TSENTR Publ., 1999, vol. 1. 366 p. (In Russ.)

Mandelstam O. E. *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected works in 4 vols.]. Moscow, ART-BIZNES-TSENTR Publ., 1994, vol. 3. 527 p. (In Russ.)

Mart'yanova S. A. 'Poema bez geroya' A. A. Akhmatovoy v kontekste russkoy filosofskoy kul'tury 20 v. [The 'Poem without a Hero' by A. A. Akhmatova in the context of Russian philosophical culture of the 20th century]. *Postsimvolizm kak yavleniye kul'tury: sbornik*. [Post-symbolism as a cultural phenomenon: Collection]. Moscow, 2001, vol. 3. Available at: <http://ahmatova.niv.ru/ahmatova/kritika/martyanova-poema-bez-geroya-ahmatovoj.htm> (accessed 27.09.2019). (In Russ.)

Medvedev A. A. *Intonatsiya* [Intonation]. *Rozanovskaya entsiklopediya* [Rozanov's encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, pp. 1368–1372. (In Russ.)

Medvedev A. A. *Esseistichnost'* [Essayism]. *Rozanovskaya entsiklopediya* [Rozanov's encyclopedia]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, pp. 1513–1516. (In Russ.)

Merezhkovskiy D. S. *L. Tolstoy i Dostoevskiy* [L. Tolstoy and Dostoevsky]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 589 p. (In Russ.)

Nayman A. *Rasskazy ob A. Akhmatovoy* [Stories about A. Akhmatova]. Moscow, Vagrius Publ., 1999. 429 p. (In Russ.)

Na poslednem izlome: V. V. Rozanov v zapis-kakh docheri [At the last break: V. V. Rozanov in his daughter's notes]. *Literaturnaya gazeta* [Literary Newspaper], 1999, February 10, p. 12. (In Russ.)

Perepiska V. V. Rozanova i M. O. Gershenzona. 1909–1918 [Correspondence of V. V. Rozanov and M. O. Gershenzon. 1909–1918]. *Novy Mir*, 1991, issue 3, pp. 215–242. (In Russ.)

Pertsov P. P. *Literaturnyye vospominaniya. 1890–1902* [Literary memories. 1890–1902]. Moscow, No-voe lit. obozrenie Publ., 2002. 496 p. (In Russ.)

Rozanov V. V. *Sobr. soch.: v 30 t.* [Collected works: in 30 vols.]. Moscow, Respublika Publ., St. Petersburg, Rostok Publ., 2007, vol. 23. Na fun-damente proshlogo (Stat'i i ocherki 1913–1915 gg.) [On the foundations of the past (Articles and essays)]. 638 p. (In Russ.)

Teffi N. A. Koldun: Iz vospominaniy o Rasputine [Sorcerer: from the memories about Rasputin]. *Segodnya* [Today], Riga, 1924, August 10, issue 179; 13–14 August, issues 181–182. (In Russ.)

Teffi N. A. Rasputin [Rasputin]. *Teffi N. A. Zhit'e-byt'e: Rasskazy. Vospominaniya* [Life Stories: Stories. Memories]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, pp. 417–447. (In Russ.)

Chukovskaya L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoy: v 3 t. 1938–1941* [Notes on Anna Akhmatova: in 3 vols. 1938–1941]. Moscow, Soglasie Publ., 1997, vol. 1. 587 p. (In Russ.)

Chukovskaya L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoy: v 3 t. 1963–1966* [Notes on Anna Akhmatova: in 3 vols. 1963–1966]. Moscow, Soglasie Publ., 1997, vol. 3. 563 p. (In Russ.)

Abelbooks. Antikvarnye knigi [Abelbooks. An-tique books]. Available at: <https://www.abel-books.ru/tovar/shaginyan-m-s-avtograf-anne-ahma-tovoj-orientalia/> (accessed 27.09.2019). (In Russ.)

Crone A. L. Mandelstam's Rozanov. *Mandelstam Centenary Conference*. Collection of articles. Tenaf-ly, Hermitage, 1994, pp. 56–71. (In Eng.)

'ROZANOV'S LAYER' IN ANNA AKHMATOVA'S OEUVRE

Aleksandr A. Medvedev

Associate Professor in the Department of Russian and Foreign Literature
University of Tyumen

9, Respubliki st., Tyumen, 625003, Russian Federation. amedv1@yandex.ru

SPIN-code: 9765-6451

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7450-5373>

ResearcherID: AAF-8347-2019

Submitted 06.12.2019

The article establishes that Anna Akhmatova was well acquainted with texts by the philosopher Vasily Rozanov (*Solitaria*, *Fallen Leaves*, his literary criticism) and the circumstances of his life, knew his daughter N. V. Vereshchagina-Rozanova. This conclusion is based on the vast material of texts by Akhmatova (poetry, prose, notebooks), as well as on Lydia Chukovskaya's memoirs about her.

Texts by Akhmatova are shown to contain 'Rozanov's layer' (implications, references to Rozanov's works), which reflects the poet's direct and implicit dialogue with the iconic figure of Russian modernism – both religious-philosophical ('new religious consciousness') and literary (the genre of 'fallen leaves'). In the literary sense, what was of great significance for Akhmatova, as well as for O. Mandelstam, is Rozanov's 'non-literary', 'pre-Gutenberg' attitude to the word (intonation and intertextuality).

Rozanov's discourse (*Among Artists*, 1909) is dialogically refracted in Akhmatova's poem *Venice* (1912). Rozanov's perception of biblical poetics is reflected in the biblical cycle of Akhmatova (*Rachel*, 1921; *Lot's Wife*, 1924; *Michal*, 1959–1961). The paper provides a detailed analysis of the image of Rozanov as a participant in the 'masquerade' of the early 20th century epoch as presented by Akhmatova in the diary entry concerning *Poem without a Hero* (1962), in which the poet mythologizes Rozanov as a gender philosopher (metaphysics of gender) in the demonic context of Grigori Rasputin. The paper analyzes the multilayer allusion in *Poem without a Hero* (1940–1965), where one can discern Akhmatova's dialogue with Rozanov about 'spirit' and 'flesh' in the context of Blok.

It comes to light that Rozanov and Akhmatova concur in the demonic and mortal perception of Alexander Blok and in the modernist perception of Mikhail Lermontov as the 'progenitor' of Russian literature (as well as they concur in the intonation perception of Lermontov's poetry). The modernist form of the 'stream of consciousness' ('fallen leaves'), discovered by Rozanov, was of great importance for Akhmatova's memoir prose, directly and indirectly (through Mandelstam and Pasternak).

Key words: intertext; implication; Russian modernism; Vasily Rozanov; Anna Akhmatova; dialogue.

УДК 821.512

doi 10.17072/2073-6681-2020-1-112-119

ДОКУМЕНТАЛЬНОСТЬ И ВЫМЫСЕЛ В РОМАНЕ АХМЕДА СААДАВИ «ФРАНКЕНШТЕЙН В БАГДАДЕ»

Аида Ринасовна Фаттахова

к. филол. н., доцент кафедры востоковедения, африканистики и исламоведения

Казанский федеральный университет

420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлевская, 18. gaidaf@mail.ru

SPIN-код: 5353-3960

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1891-265X>

ResearcherID: H-6249-2013

Луиза Ильдаровна Гареева

преподаватель

онлайн-школа английского языка «EnglishDom»

101000, Россия, г. Москва, Архангельский пер. 1. luiza_gareeva@mail.ru

SPIN-код: 2777-2334

ORCID: 0000-0002-0786-2186

ResearcherID: AAE-2036-2020

*Статья поступила в редакцию 29.01.2020***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Фаттахова А. Р., Гареева Л. И. Документальность и вымысел в романе Ахмеда Саадави «Франкенштейн в Багдаде» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 112–119. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-112-119***Please cite this article in English as:***Fattakhova A. R., Gareeva L. I. Dokumental'nost' i vymysel v romane Akhmeda Saadavi «Frankenshteyn v Bagdade» [A Documentary Account and Fiction in Ahmed Saadawi's Novel 'Frankenstein in Baghdad']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 1, pp. 112–119. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-112-119 (In Russ.)*

Рассматривается проблема соотношения документальности и вымысла в романе иракского писателя Ахмеда Саадави «Франкенштейн в Багдаде» (2013), описывающего последствия американской военной оккупации Ирака.

Последние десятилетия ознаменовались появлением в современной иракской литературе произведений документального характера, где тема войны и ее трагических последствий занимает весьма значительное место. Будучи непосредственным свидетелем военного конфликта, начавшегося с вторжения сил США в Ирак (2003), Ахмед Саадави создает произведение, основанное на реальных событиях, и первым среди иракских писателей удостоивается Международной премии по арабской художественной литературе в 2014 г.

Целью статьи является рассмотрение особенностей проявления документальности и вымысла при объективной передаче правды жизни. Главный фантастический герой романа Франкенштейн, воплощающий в себе безобразные и возвышенные черты, присущие гротеску, не добавляет роману ощущения нереальности происходящего, а, наоборот, обостряет атмосферу хаоса и неопределенности, в которой и по сей день живут тысячи иракцев. На протяжении всего произведения Ахмед Саадави ставит вымышленные факты в один ряд с подлинными историческими событиями, необычным способом демонстрируя суровую и правдивую картину действительности. Две противоположные стилевые доминанты, жизнеподобие и фантастика, взаимосвязаны и представляют собой стилевое единство в передаче идейно-художественного замысла и характера авторского стиля. Доказывается, что жизнеподобие является доминирующей в произведении «Франкенштейн в Багдаде» и свидетельствует о высокой степени документальности романа.

Идея высшей справедливости и возмездия пронизывает произведение, заставляя сопереживать, сочувствовать жителям Ирака, испытавшим на себе все ужасы военного конфликта.

В статье предпринята попытка изучить проблему соотношения документальности и вымысла в контексте реальных мест и исторических событий и обозначить позицию автора к происходящему, что и определяет новизну заявленной тематики. В исследовании были использованы культурно-исторический и сравнительно-исторический методы.

Ключевые слова: современная арабская литература; Ахмед Саадави; роман «Франкенштейн в Багдаде»; документальность; вымысел; жизнеподобие; фантастика; Ирак.

Нестабильная ситуация на Ближнем Востоке, порожденная многообразием внутренних противоречий и чередой иностранных военных интервенций, стала причиной упадка региона и активной миграции населения. Как следствие, в современной арабской литературе появились произведения документального характера, описывающие реальные события последних десятилетий. Особое место среди них принадлежит иракской литературе, так как Ирак уже продолжительное время остается «незаживающей раной» Ближнего Востока. Современные иракские писатели, мигрировавшие или проживающие у себя на родине, в своих произведениях неизменно обращаются к теме войны и ее последствий. Отдельные авторы были особенно отмечены международными литературными критиками. Так, романы Али Бэдера «Хранитель табака» (2008) и Инаам Каджиджи «Американская внучка» (2008) были номинированы на Международную премию по арабской художественной литературе в 2009 г. Роман Синана Антуна «Одинокий гранат» (2010) был номинирован на премию британской газеты «Индепендент» за переводную литературу, а сборник рассказов Хасана Бласима «Выставка трупов и другие иракские истории» (2014) стал ее лауреатом. Настоящее исследование посвящено роману Ахмеда Саадави «Франкенштейн в Багдаде» (2013), удостоенному Международной премии по арабской художественной литературе. Это обеспечило перевод романа на английский язык (2018), а в 2019 г. был опубликован русский перевод, выполненный В. Н. Зарытовской. Секрет успеха Ахмеда Саадави, первого среди иракских писателей, получившего данную награду, отчасти заключается в том, что при отображении реальных событий автор использует документальность и вымысел одновременно.

Роман «Франкенштейн в Багдаде» сочетает в себе описание фантастических событий и реальных фактов, произошедших в Ираке спустя несколько лет после американской оккупации страны в 2003 г. Подобный прием распространен в художественной литературе и определяется термином «художественная условность». Согласно словарю литературоведческих терминов,

художественная условность являет собой неотъемлемую черту любого произведения, состоящую в том, что созданные художником образы воспринимаются как нетождественные действительности, как нечто созданное волей автора. В зависимости от соотношения правдоподобия и художественного вымысла различают первичную и вторичную художественную условность [Тимофеев, Тураев 1974: 449]. Первичную художественную условность характеризует большая правдоподобность, в то время как вторичная обращается к фантастике, к преднамеренному искажению автором реальности происходящего.

На основании художественной условности выделяют две противоположные стилевые доминанты, т. е. основные черты, определяющие стиль произведения, – жизнеподобие и фантастику [Шевлякова 2012: 49]. Жизнеподобие предполагает соблюдение известных нам физических, психологических, причинно-следственных и иных закономерностей. Фантастика же нарушает эти закономерности, изображает мир подчеркнуто условным. Фантастическая образность неоднородна: она может осуществляться в формах гиперболы, литоты, гротеска, алогизма [там же].

Элементы фантастики в исследуемом нами романе иракского писателя «Франкенштейн в Багдаде» весьма очевидны, жизнеподобие обладает чертами документальности. Документальность характеризуется как «опора на факты, активное привлечение документов, цитирование свидетельств и источников в художественном произведении» [Белокурова 2005]. Так, Ахмед Саадави описывает реальные теракты, произошедшие на улицах Багдада, приводит названия военной техники, иракских партий и имена политических деятелей и т. п. В марте 2003 г. боевые действия против Ирака начала коалиционная группировка многонациональных сил, возглавляемая США [Чернышенко 2010: 31]. Военное вторжение в Ирак, не санкционированное Советом Безопасности ООН и не поддержанное большинством крупнейших государств мира, принесло колоссальное количество жертв и вызвало дестабилизацию страны. Будучи непосредственным свидетелем этих событий, Ахмед Саа-

дави стремится объективно описать повседневную жизнь своих сограждан в послеоккупационный период.

Итак, действие романа разворачивается в Багдаде, столице Ирака, в 2005–2006 гг., когда на улицах города каждый день происходили взрывы, американцами патрулировались улицы, а новые власти говорили о разгоне гражданской войны. На этом фоне бедняк-старьевщик Хади создает существо, собрав его из частей тел жертв терактов, лежавших на улицах города, словно мусор. Однажды в это тело вселяется душа охранника отеля, погибшего при очередном теракте. С этого момента существо, названное его создателем Хади «Как его зовут», прессой – «Франкенштейн», а полицией – «Х», начинает мстить всем злодеям, причинившим много несчастий иракцам, в том числе и тем, из кого состоит его тело [Фаттахова, Гареева 2019: 20].

Роман Ахмеда Саадави «Франкенштейн в Багдаде» рассматривался в исследованиях В. Н. Зарытовской [Зарытовская 2016] и Н. М. Шуйской [Шуйская 2018]. С точки зрения В. Н. Зарытовской, образ Франкенштейна как нельзя лучше отражает затронутый автором исторический период. Н. М. Шуйская анализирует возможность документального изображения действительности в художественном произведении. В статье А. Р. Фаттаховой и Л. И. Гареевой «Арабский Франкенштейн: символ жертвы или преступника?» [Фаттахова, Гареева 2019] особое внимание уделено психологической характеристике главного героя, взаимодействию Франкенштейна с окружающим миром, а также значению образа в наши дни.

Произведение привлекло внимание зарубежных исследователей: Дж. Бушра [Bushra 2015] и О. Абдалкафор [Abdalkafor 2018]. Рецензия на роман была опубликована в американской газете “The New York Times” [Arango 2014], где особо подчеркивается роль Багдада в романе. Багдад является не только городом, в котором развиваются основные события романа, но и персонажем, олицетворяющим последствия непрекращающихся военных действий: бедственное положение населения, рост преступности и религиозной напряженности. В британской газете “The Guardian” [Perry 2016] также затрагивается тема реалистичности произведения. Помимо этого, внимание читателей обращается на проблему отражения острых политических конфликтов и кризиса в художественной литературе с указанием нескольких произведений, успешно справившихся с этой задачей. Причисляя «Франкенштейна в Багдаде» к их числу, ав-

тор рецензии подчеркивает, что, несмотря на готические элементы романа, отсылающие нас к оригинальному произведению М. Шелли, черты сюрреализма скорее напоминают творчество Ф. Кафки.

В настоящей статье мы акцентируем внимание на соотношении документальности романа «Франкенштейн в Багдаде» в описании событий, происходивших во время американской оккупации Ирака, и вымысла – элементах фэнтези, – который, по мнению автора Ахмеда Саадави, «привносит в роман толику занимательности, смягчая при этом его жестокость» [Najjar 2014].

Фантастика является одной из важнейших стилистических доминант романа. Ахмед Саадави использовал фантастического персонажа, известного под именем Франкенштейн, заимствовав идею из произведения «Франкенштейн, или Современный Прометей» [Shelley 2016] английской писательницы XIX в. Мэри Шелли. Сам автор признавался, что «образ существа из оригинального романа вдохновлял его при написании собственного произведения» [Arablit 2014]. По его мнению, этот персонаж как нельзя лучше подходил для достоверного отображения политической, экономической и социальной ситуации, сложившейся в Ираке. При создании своего персонажа Ахмед Саадави воспользовался приемом гротеска: Франкенштейн сочетает в себе безобразное и возвышенное начала, присущие данному приему. Несмотря на уродливый и устрашающий внешний вид главного героя – «с широким ртом, напоминающим порез во всю челюсть» [Sa'adaui 2013: 98]¹, когда «один лишь взгляд на него мог заставить почувствовать печаль, страх и испуг», – Франкенштейн воплощает в нем «кару Божью» (168), которая коснется всех преступников. Идея высшей справедливости и возмездия пронизывает произведение, заставляя сопереживать, сочувствовать жителям Ирака, испытавшим на себе все ужасы военного конфликта.

В то же время Франкенштейн «отражает бессмысленность мести и насилия». Главный герой романа «убивает, стремясь установить справедливость в обществе, а осознав, что невозможно добиться справедливости, продолжает убивать, поскольку убийство становится необходимым условием для существования Франкенштейна и, соответственно, смыслом его жизни» [Najjar 2014].

Фантастическое существо Франкенштейн является олицетворением всех страхов и безысходности иракцев, и потому на него одного направлена их ненависть и злость. Стоит отметить, что сам автор произведения не дает точной характеристики своему персонажу, считая,

что все в определенной степени виноваты в распространении и поддержании атмосферы насилия в Ираке: и американские оккупанты, и действующие органы власти, и сами местные жители. «Несмотря на спорную сущность *Как его зовут*, он представляет реальность, в которой мы живем. Абсолютно никто на сегодняшний день не может утверждать, что он является только жертвой. Все, в той или иной степени, внесли вклад в сохранение и распространение атмосферы насилия», – полагает автор [Najjar 2014].

Одним из примеров использования Ахмедом Саадави фантастических элементов в романе служит описание странствий души охранника отеля, которая впоследствии вселится в тело Франкенштейна. Покинув тело охранника, душа находилась в некоем промежуточном пространстве и бродила по улицам города в поисках нового пристанища. Во время своих блужданий, она оказывается на кладбище, где знакомится с душой молодого юноши, еще не успевшей покинуть бранный мир. В свою очередь душа юноши настоятельно советовала душе охранника отеля как можно скорее найти свое пристанище в каком-нибудь новом теле. Предостерегая душу охранника от плохих последствий, душа юноши не случайно рассказывает об ангеле смерти Азраиле, Боге и жизни после смерти.

В исламской религии Азраиль считается одним из самых близких к Аллаху ангелов. По велению Аллаха ангел смерти забирает души умерших: «Иногда душа покидает тело. Ты умираешь, а затем Азраил передумывает и исправляет свою ошибку, возвращая душу в ее тело. Затем Бог приказывает телу подняться...» (47).

Разговаривающая икона, изображающая святого Георгия Победоносца, восседающего на коне и пронзающего копьем тело змеи, также является важной составляющей фантастической линии романа. Эта икона висит в доме старушки Элишуа, чей сын погиб во время ирано-иракской войны (1980–1988). Старушка продолжала верить и молиться о возвращении сына, на что святой утешал ее: «Господь успокоит твою душу или положит конец страданиям» (24). После появления в доме старушки Элишуа Франкенштейна, которого она ошибочно приняла за вернувшегося с войны сына, святой предостерег его словами: «Эта старушка действительно страдалась. Если ты причинишь ей вред или заставишь страдать, клянусь, что вонжу это копьё в твоё горло» (66).

Помимо главного фантастического персонажа Франкенштейна, на страницах романа можно

встретить и другие проявления сверхъестественного, нереального и магического. Однако подобного рода вымысел не добавляет роману ощущения нереальности происходящего, а, наоборот, обостряет атмосферу хаоса и неопределенности, в которой и по сей день живут тысячи иракцев.

Документальность. Документальному изображению эпохи в романе Ахмеда Саадави отводится значительная роль. С целью объективного изображения действительности автор проделал большую работу, «на протяжении четырех лет собирая достоверную информацию различными способами, в том числе и путем интервью» [ibid.].

Среди изображенных происшествий отмечается целый ряд терактов, произошедших в Ираке в описываемое автором время. Одним из них является теракт на мосту Имамов, ведущему к мечети ал-Казимийя, в которой традиционно проходит празднование годовщины смерти почитаемого шиитами имама Мусы ал-Казима (745–799 гг.). Во время одного из таких праздничных шествий раздалось несколько минометных разрядов, спровоцировавших панику среди паломников. Вследствие образовавшейся массовой давки пострадало более 700 человек, большинство из которых женщины и дети. Трагическое событие вызвало общественный резонанс как внутри страны, так и за ее пределами. «Последний день лета 2005 г. стал самым черным днем в послесаадамовской истории Ирака» [Реутов 2005] – так оценила данный теракт российская газета «Коммерсантъ».

В романе не раз упоминаются взрывы заминированных машин на площади ат-Таяран. Одно из таких реальных происшествий, описанных арабским писателем, случилось 13 сентября 2005 г., когда по всему Багдаду прогремело 5 взрывов заминированных машин, повлекших за собой смерть более 200 человек [ВестиRU 2005].

Раскрывая события в документальном ключе, Ахмед Саадави порой указывает конкретные даты. Например, 21 февраля 2006 г. – день, предшествующий крупному теракту в мечети иракского города Самарра. Впоследствии этот теракт стал причиной крупных волнений среди шиитов.

В романе особое место уделяется описанию деятельности американских солдат в Ираке, а также отношению местных жителей к ним. Большинство населения «ненавидит американцев, разъезжающих по улицам и, возможно, посещающих те же парикмахерские и покупающих тот же горячий хлеб из пекарен, которые пользуются популярностью среди местных жителей» (281). Американские солдаты вызывают у

населения страх, «они обладают большой автономией, и никто не может контролировать их действия» (79). В то же время иракских граждан беспокоит угроза гражданской войны из-за увеличивающегося числа оппозиционных правительствам вооруженных группировок и банд. При этом информационная война между арабскими и западными СМИ, по-разному освещающими данный конфликт, лишь обостряет существующую ситуацию. Как отметил один из персонажей романа: «Мы живем сейчас в эпоху информационной войны. Информационно-гражданской войны» (87).

В условиях сложившейся анархии в стране вспыхивают конфликты и на межконфессиональной основе. Ирак населяют представители различных национальностей и религий: арабы, придерживающиеся норм ислама суннитского или шиитского толка; евреи; ассирийцы, исповедующие главным образом христианство, и др. В романе не раз упоминается о том, что «вооруженные банды захватывают машины с пассажирами, которых жестоко убивают в близлежащих садах, разумеется, за их религиозные взгляды» (279). В столице становится не безопасно, поэтому «многие покидают свои дома и торговые лавки, опасаясь, что по той или иной причине их похитят или убьют» (280). Тем временем иракское правительство бездействует, а американская армия стремится к тому, чтобы обеспечить «равенство насилия на иракских улицах между суннитскими и шиитскими ополченцами, так как это необходимо для обсуждения за столом переговоров нового положения в Ираке» (195). Таким образом, война обострила существующие конфликты на религиозной основе и вынудила представителей многих конфессий бежать из страны, опасаясь за жизнь.

На страницах своего произведения Ахмед Саадави воссоздает реальный Багдад, с названиями его улиц, площадей, памятников, отелей, больниц, церквей и мечетей, упоминая при этом и другие провинции и города Ирака, как: ḥayu al-karrādah – «район ал-Карада»; šāri'a as-sa'dūn – «улица ас-Саадун» и др.

Разнообразие политической и военной терминологии, используемой в романе, служит инструментом представления реальных фактов и убеждает в достоверности происходящего. Например, al-iḥtilāl – «оккупация», ad-dīktātūriyyah – «диктатура», ad-dīmuqrāṭiyyah – «демократия», al-ḥarb al-'ahliyyah – «гражданская война», ḥaḡr at-taḡūāl – «комендантский час» и др. В произведении часто встречаются названия

военной техники и оружия, используемых американцами во время оккупации: ṭāirāt al-ābātšī al-'amīrkiyyah – американские вертолеты «Апач»; sayuārah hammar 'amīrkiyyah – американский автомобиль «Hummer»; ad-dabbābāt al-ābrāmz al-'amīrkiyyah – американские танки «Абрамс»; sayuārah al-ḡī 'am sī – автомобиль «GMC»; quūah 'amīrkiyyah mudarra'h – американские бронетанковые войска; sayuārah al-yūkun – автомобиль «Yukon» и т. п.

Отображение исторической действительности достигается путем упоминания названий иностранных фирм – производителей автомобилей, электронных устройств, напитков, а также имен знаменитых американских актеров, исполнителей, персонажей из фильмов, широко известных международной публике. Например: sayuārah tuyūṭā – автомобиль «Toyota»; sayuārah al-mārsīdas – автомобиль «Mercedes»; hātif nūkiā – телефон «Nokia»; al-musaḡḡilah naū' bānāsūnīk – диктофон марки «Panasonic»; 'uḡniyyah liwītnī hyūstun – песня Уитни Хьюстон; klārḡ kīnt fī sūbīrmān – Кларк Кент в «Супермене»; niskāf īh – кофе «Nescafe»; bīraḡ hanauyḡan – пиво «Heineken», и т. п.

Наряду с упоминанием импортных товаров и зарубежных фильмов, получивших широкое распространение во всем мире как результат экономического и культурного обмена, роман Ахмеда Саадави не лишен культурологической информации. Так, в произведении встречаются имена политических деятелей, названия партий; а также иракских и общепарабских традиционных блюд, одежды, элементов архитектуры, характерных для арабо-мусульманской культуры, дается описание важных для страны исторических событий и культурных особенностей. Приведем несколько примеров: dišdāšah «дишдаша» – мужская долгополая рубашка с длинными рукавами; paūāfiḡ aš-šanāšīl «окна шанашиль» – традиционная форма багдадских балконов, образующих тень на улице и прикрывающих женщин от глаз прохожих; šamūn «самун» – традиционный иракский дрожжевой хлеб; ḡusaḡn ni'imah «Хусейн Нима» – один из самых известных иракских певцов прошлого столетия и т. п.

Мы пришли к выводу, что жизнеподобие, как стилевая доминанта, является преобладающей в романе «Франкенштейн в Багдаде», который стал для читателей настоящей энциклопедией, раскрывающей последствия и тяготы американской военной оккупации Ирака, что свидетельствует о высокой степени документальности произведения. Мы узнаем об отношении местных жителей к американским солдатам и об их

опасениях по поводу возможной гражданской войны, вызванных нестабильностью в стране, религиозными гонениями и многочисленными террористическими группировками. Перед читателем предстает многокультурность, многоконфессиональность, раскрывается историческое наследие Ирака. Становится очевидным тот факт, что иракцы чтят и хранят собственные традиции, привычки и обычаи. Благодаря детализации и опоре на фактический материал Ирак перестает быть далекой ближневосточной страной с непрекращающимися военными действиями и служащей убежищем для террористов. В отличие от новостных статей или репортажей с места событий, художественное произведение отражает всю глубину трагедии и горя, испытываемых мирными жителями каждый день на протяжении длительного периода времени. Иракские жители являются заложниками сложившейся ситуации и жертвами бесконечных политических игр. Нельзя не согласиться с мнением Н. В. Шуйской о том, что в романе «все подчинено задаче зафиксировать приметы окружающей среды, оставить их «оттиск», «слепок», «задокументировать» [Шуйская 2018: 137].

На протяжении всего произведения Ахмед Саадави ставит вымышленные факты в один ряд с подлинными историческими событиями, столь необычным способом раскрывая объективную правду жизни. Симбиоз документальности и вымысла оригинально обыгрывает непростую тематику, характеризует авторский стиль и объясняет успех романа Ахмеда Саадави среди читателей и критиков.

Примечание

¹ В дальнейшем ссылки на данное издание даются с указанием страниц в круглых скобках. Здесь и далее перевод с арабского на русский язык наш. – А.Ф., Л.Г.

Список литературы

Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. URL: <http://gramma.ru/LIT/?id=3.0> (дата обращения: 01.12.2019).

Зарытовская В. Н. Лауреаты «Арабского Букера»: «Франкенштейн в Багдаде» Ахмеда Саадави // Азия и Африка сегодня. 2016. № 6. С. 70–72.

Реутов А. Шииты умерли от страха. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/605245> (дата обращения: 30.10.2019).

Серия терактов в Багдаде // ВестиRU. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=117435&tid=30348> (дата обращения: 30.10.2019).

Тимофеев Л. И., Тураев С. В. Словарь литературоведческих терминов. М.: Просвещение, 1974. 513 с.

Фаттахова А. Р., Гареева Л. И. Арабский Франкенштейн: символ жертвы или преступника? // Арабистика Евразии. 2019. № 6. С. 16–24.

Чернышенко О. В. Информационные войны в средствах массовой информации XXI века: Ирак, Ливан, Иран. М.: Центриздат, 2010. 88 с.

Шевлякова Л. Р. Учебно-методический комплекс по дисциплине «Введение в литературоведение». Караганда: КарГУ, 2012. 115 с.

Шуйская Н. М. Два романа – два документа эпохи («О Мария» Синана Антуна и «Франкенштейн в Багдаде» Ахмеда Саадави) // Филологические науки в МГИМО. 2018. № 2(14). С. 135–140.

Abdalkafor O. Frankenstein and Frankenstein in Baghdad: The Sovereign, Homo Sacer and Violence // Postcolonial Text. 2018. № 3(13). URL: <https://www.postcolonial.org/index.php/pct/article/view/2365/2213> (дата обращения: 25.12.2019).

Arablit Quarterly & Arablit. Baghdad Writes! URL: <https://arablit.org/2014/04/30/baghdad-writes/> (дата обращения: 16.09.2019).

Arango T. Baghdad Is a Setting, and a Character, Too. URL: <https://www.nytimes.com/2014/05/17/world/middleeast/iraqi-novelist-dodging-bombs-writes-to-clear-the-fog-of-war.html> (дата обращения: 19.09.2019).

Bushra J. J. Violence as the Abject in Iraqi Literature: Ahmed Saadawi's Frankenstein in Baghdad and Mary Shelley's Frankenstein // International Journal of Humanities and Cultural Studies. 2015. № 4(1). P. 321–336. URL: https://www.academia.edu/37034150/Violence_as_the_Abject_in_Iraqi_Literature_Ahmed_Saadawi_s_Frankenstein_in_Baghdad_and_Mary_Shelley_s_Frankenstein (дата обращения: 05.01.2020).

Najjar M. Iraqi Author Ahmad Saadawi: 'The Novel Implicitly Questions This Concept of Salvation'. URL: <https://arablit.org/2014/03/26/iraqi-author-ahmad-saadawi-the-novel-implicitly-questions-this-concept-of-salvation/> (дата обращения: 15.09.2019).

Perry S. Frankenstein in Baghdad by Ahmed Saadawi review – strange, violent and wickedly funny. URL: <https://www.theguardian.com/books/2018/feb/16/frankenstein-in-baghdad-by-ahmed-saadawi-review> (дата обращения: 19.09.2019).

Sa'adaui A. Frankeshtayn fi Baghdad. Bayrut-Baghdad: Manshurat al-Jamal, 2013. 352 p.

Shelley M. Frankenstein. N. Y.: Vintage, 2016. 240 p.

References

- Belokurova S. P. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [The dictionary of literary terminology]. Available at: <http://gramma.ru/LIT/?id=3.0> (accessed 01.12.2019). (In Russ.)
- Zarytovskaya V. N. *Laureaty 'Arabskogo Bukera': 'Frankenshteyn v Bagdade' Akhmada Saadavi* [The winners of the 'Arabic Booker': 'Frankenstein in Baghdad']. *Aziya i Afrika* [Asia and Africa Today], 2016, issue 6, pp. 70–72. (In Russ.)
- Reutov A. *Shiity umerli ot strakha* [The Shia died of fear]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/605245> (accessed 30.10.2019). (In Russ.)
- Seriya teraktov v Bagdade [Series of terror attacks in Baghdad]. *VestiRU*. Available at: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=117435&tid=30348> (accessed 30.10.2019). (In Russ.)
- Timofeev L. I., Turaev S. V. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [The dictionary of literary terms]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1974. 513 p. (In Russ.)
- Fattakhova A. R., Gareeva L. I. *Arabskiy Frankenshteyn: simvol zhertvy ili prestupnika?* [Arabic Frankenstein: a symbol of a victim or a villain?]. *Arabistika Evrazii* [Eurasian Arabic Studies], 2019, issue 6, pp. 16–24. (In Russ.)
- Chernyshenko O. V. *Informatsionnye voyny v sredstvakh massovoy informatsii 21 veka: Irak, Livan, Iran* [Information wars in the mass media of the 21st century: Iraq, Lebanon, Iran]. Moscow, Tsentrizdat Publ., 2010. 88 p. (In Russ.)
- Shevlyakova L. R. *Uchebno-metodicheskiy kompleks po distsipline 'Vvedenie v literaturovedenie'* [A teaching kit for 'Introduction to literary studies']. Karaganda, Karaganda State University Press, 2012. 115 p. (In Russ.)
- Shuyskaya N. M. Dva romana – dva dokumenta epokhi ('O Mariya' Sinana Antuna i 'Frankenshteyn v Bagdade' Akhmada Saadavi) [Two novels as two historical documents ('Ave Maria' by Sinan Antoon and 'Frankenstein in Baghdad' by Ahmed Saadawi)]. *Filologicheskie nauki v MGIMO* [Philology at MGIMO], 2018, issue 2(14), pp. 135–140. (In Russ.)
- Abdalkafor O. Frankenstein and Frankenstein in Baghdad: The Sovereign, Homo Sacer and Violence. *Postcolonial Text*, 2018, issue 3(13). Available at: <https://www.postcolonial.org/index.php/pct/article/view/2365/2213> (accessed 25.12.2019). (In Eng.)
- Arablit Quarterly & Arablit. *Baghdad Writes!* Available at: <https://arablit.org/2014/04/30/baghdad-writes/> (accessed 16.09.2019). (In Eng.)
- Arango T. *Baghdad is a setting, and a character, too*. Available at: <https://www.nytimes.com/2014/05/17/world/middleeast/iraqi-novelist-dodging-bombs-writes-to-clear-the-fog-of-war.html> (accessed 19.09.2019). (In Eng.)
- Bushra J. J. Violence as the abject in Iraqi literature: Ahmed Saadawi's Frankenstein in Baghdad and Mary Shelley's Frankenstein. *International Journal of Humanities and Cultural Studies*, 2015, issue 4(1), pp. 321–336. Available at: https://www.academia.edu/37034150/Violence_as_the_Abject_in_Iraqi_Literature_Ahmed_Saadawi_s_Frankenstein_in_Baghdad_and_Mary_Shelley_s_Frankenstein (accessed 05.01.2020). (In Eng.)
- Najjar M. *Iraqi author Ahmad Saadawi: 'The novel implicitly questions this concept of salvation'*. Available at: <https://arablit.org/2014/03/26/iraqi-author-ahmad-saadawi-the-novel-implicitly-questions-this-concept-of-salvation/> (accessed 15.09.2019). (In Eng.)
- Perry S. *Frankenstein in Baghdad by Ahmed Saadawi review – strange, violent and wickedly funny*. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2018/feb/16/frankenstein-in-baghdad-by-ahmed-saadawi-review> (accessed 19.09.2019). (In Eng.)
- Sa'adaui A. *Frankeshtayn fi Baghdad* [Frankenstein in Baghdad]. Bayrut-Baghdad, Manshurat al-Jamal, 2013. 352 p. (In Arab.)
- Shelley M. *Frankenstein*. New York, Vintage, 2016. 240 p. (In Eng.)

A DOCUMENTARY ACCOUNT AND FICTION IN AHMED SAADAWI'S NOVEL 'FRANKENSTEIN IN BAGHDAD'

Aida R. Fattakhova

Associate Professor in the Department of Oriental, African and Islamic Studies

Kazan Federal University

18, Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Russian Federation. gaidaf@mail.ru

SPIN-code: 5353-3960

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1891-265X>

ResearcherID: H-6249-2013

Luiza I. Gareeva

Teacher

Online school of English 'EnglishDom'

1, Arkhangelskiy pereulok, Moscow, 101000, Russian Federation. luiza_gareeva@mail.ru

SPIN-code: 2777-2334

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0786-2186>

ResearcherID: AAE-2036-2020

Submitted 29.01.2020

The article analyzes the correlation between a documentary account and fiction in the novel *Frankenstein in Baghdad* written by the Iraqi author Ahmed Saadawi in 2013. The novel depicts the consequences of American invasion of Iraq in 2003.

In recent decades, the topic of war and its tragic consequences has played a significant role in contemporary Iraqi literature, which resulted in the emergence of literary works devoted to it. Ahmed Saadawi, being a real witness to military conflicts which occurred in Iraq after the invasion in 2003, created a true to life novel, which won the International Prize for Arabic Fiction in 2014. In fact, he was the first Iraqi writer to receive this prize.

The purpose of the study is to consider how the correlation between a documentary account and fiction in a literary work can convey the objective truth. Frankenstein, the main fantasy character of the novel, possesses both ugly and sublime features, which makes him a rather grotesque creature. Not only does it make the novel more vivid and impressive, but it also emphasizes the atmosphere of chaos and uncertainty in which thousands of Iraqi citizens live. Throughout the novel, Ahmed Saadawi puts fictional and real facts on an equal footing, which helps him to demonstrate the current situation from an unusual angle. Two opposite styles, realistic fiction and fantasy, are interconnected and illustrate the consistency of style and its ability to represent the author's idea and his writing style. Realistic fiction is proven to be dominant in the novel *Frankenstein in Baghdad*. This supports the idea of its documentary basis.

The ideas of justice and retaliation go through the whole novel, making readers sympathize with Iraqi civilians, who have experienced all the horrors of the military conflict.

The article attempts to study the problem of correlation between documentary narration and fiction in the context of real locations and historical events. We have revealed the author's opinion on the ongoing events, which proves the academic novelty of our research theme. In the study were applied cultural-historical and comparative-historical methods.

Key words: contemporary Arabic literature; Ahmed Saadawi; *Frankenstein in Baghdad*; documentary; fiction; realistic fiction; Iraq.

УДК 821.111

doi 10.17072/2073-6681-2020-1-120-126

ОБРАЗЫ ДВИЖЕНИЯ В КОНЦЕПЦИИ СЮЖЕТА РОМАНА СЭМЮЭЛА БЕККЕТА «МЕРФИ» (1938)

Илья Николаевич Чернышев

аспирант кафедры теории и истории мировой литературы

Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации

Южный федеральный университет

344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42. IChernyshev1993@yandex.ru

SPIN-код: 7734-2715

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3240-1904>

ResearcherID: J-7847-2017

Статья поступила в редакцию 09.10.2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Чернышев И. Н. Образы движения в концепции сюжета романа Сэмюэла Беккета «Мёрфи» (1938) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 120–126. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-120-126

Please cite this article in English as:

Chernyshev I. N. Obrazy dvizheniya v kontseptsii syuzheta romana Semyuela Bekketa «Merfi» (1938) [Images of Motion in Samuel Beckett's Novel 'Murphy' (1938)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 1, pp. 120–126. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-120-126 (In Russ.)

Рассматриваются образы романа С. Беккета «Мерфи» (1938), связанные с движением. В период написания романа писатель стремится освободиться от влияния Дж. Джойса и прийти к собственному творческому методу. Протагонист романа Мерфи – один из типичных беккетовских персонажей (Белаква, Уотт, Моллой, Мэлон), которые предпочитают уединение в ментальном пространстве собственного воображения и безразличны к тому, что происходит за его пределами. Мерфи испытывает отвращение к бесконечным циклическим процессам, присущим телесной жизни, и стремится оградить себя от соприкосновений с ними. Биографические комментарии к роману, предложенные известными исследователями творчества писателя, могут быть дополнены наблюдениями над специфической феноменологии и поэтологией Беккета, предложенными учеными в последние годы.

С помощью феноменологического анализа делается попытка выявить функции образов, связанных с движением, в раскрытии внутреннего конфликта Мерфи, который становится сюжетобразующим. В восприятии протагониста его существование определяется противодействием «большого» и «малого» миров, наполненных разнообразными пространственными и предметными образами. Сюжет романа связан с сознательным стремлением героя взаимодействовать с определенными источниками движения ради обретения телесной неподвижности, дарующей максимальную свободу пребывания во внутреннем мире. Значимыми характеристиками образов движения у Беккета становятся контролируемая и неконтролируемая цикличность, желаемая неподвижность и разрушительная хаотичность.

Ключевые слова: Беккет; феноменология; образы движения; цикличность; концепция сюжета; роман «Мерфи».

Роман «Мерфи» (1938) отличает непростая издательская судьба. Первая попытка Беккета опубликовать текст оказалась неудачной. Редактор издательства «Chatto & Windus» возвратил рукопись со следующим отзывом: «Ваша книга

требует многого от интеллекта читателя и уровня его общих познаний, а потому практически не имеет шансов на прибыль» [Nixon 2011: 48]. За полтора года, разделивших момент завершения книги и момент ее выхода, было получено

более трех десятков отказов. В итоге по протекции художника Дж. Йейтса роман был напечатан в издательстве «Routledge», несмотря на убежденность редакции в том, что данный текст «слишком хорош, чтобы стать популярным и хорошо продаваться» [Nixon 2011: 49].

Художественные достоинства произведения были отмечены рецензентами крупных литературных журналов. Писатель и драматург К. О'Брайен отозвалась о нем, как о «всеохватывающем, выразительном описании приключений героя внутри своей души» [Graver, Federman 1979: 52], а поэт Д. Томас среди очевидных сильных сторон романа упомянул энергичность стиля повествования и оригинальность юмора [ibid.: 50]. «Мерфи» был также охарактеризован как «утонченный бурлеск, комический эффект в котором достигается прежде всего за счет умелого обращения со словами» [Graver, Federman 1979: 49]. Тем не менее текст не фигурировал в критических работах вплоть до его переиздания в 1957 г. в США, где он привлек внимание американских исследователей Р. Кон и Х. Кеннера [Cohn 1962; Kenner 1962].

В следующие несколько десятилетий были написаны обзорные монографии по творчеству Беккета, в которых «Мерфи» рассматривался как один из этапов развития подлинного беккетовского языка. Так, Ф. Хоффман высказывает мнение о том, что данный роман вместе с законченным в 1944 г. романом «Уотт» выступают в качестве «финальной подготовки к тому, чтобы сбросить с себя влияние Джойса» [Hoffman 1962: 121], а Дж. Флетчер отмечает впервые начинающую проявляться в «Мерфи» лаконичность стиля [Fletcher 1964: 42]. Ю. Уэбб, сравнивая произведение с предыдущим романом «Больше тычков, чем ударов» (1934), акцентирует внимание на специфических особенностях отношений героя с окружающим миром: «Мерфи, в отличие от Беллаквы, предпринимает более серьезные попытки увидеть жизнь такой, какая она есть <...> но освободиться от условий человеческой жизни невозможно, и в беккетовском мире одним из таких условий является иллюзия» [Webb 1970: 55].

Попытки дать полноценное критическое освещение «Мерфи» были предприняты Р. Харрисоном в монографии "Samuel Beckett's Murphy: a critical excursion" (1968) [Harrison 1962] и С. Кеннеди в работе с многообещающим названием "Murphy's Bed: A Study of Real Sources and Sur-real Associations in Samuel Beckett's First Novel" (1971) [Kennedy 1971]. Однако первым по-настоящему прорывным в изучении романа и, в частности, в раскрытии особенностей его образной составляющей стал труд К. Акерли, который обратил внимание на неприметные на пер-

вый взгляд детали в тексте. Их интерпретация, по мнению ученого, «является единственно возможным способом прочтения текста в философском или художественном ключе» [Ackerley 2004: 10]. Опираясь на записные книжки писателя и другие биографические источники, он составил подробные комментарии к роману, разобрав происхождение отдельных фраз и образов. В предисловии к изданию данной работы в 1998 г. литературовед С. Гонтарски заявил, что монография Акерли «станет отправной точкой для всей исследовательской работы по «Мерфи» в XXI веке» [ibid.: 9].

Некоторые исследователи, признавая важность обращения к биографическим материалам в процессе исследования авторского воображения, тем не менее исходят из продиктованной феноменологическим методом необходимости оставаться в границах художественного текста при проведении анализа его образной составляющей [Schmitt 2017], что особенно эффективно в случае модернистского искусства [Mildenberg 2017]. Отметим, что отдельные феноменологические разработки поэтологии всего творчества Беккета предпринимались в недавних монографиях за рубежом [Kaelin 2012; Maude, Feldman 2009]. В рамках данной статьи, обращенной к роману «Мерфи», сопоставление образов, связанных с движением, позволит выявить особенности главного сюжетного конфликта, вокруг которого выстраивается повествование.

В психологическом портрете протагониста «Мерфи» наблюдаются те же характерные черты, что и у героя предыдущих романов Беккета. Сходство Мерфи и Беллаквы проявляется при описании их взаимодействия с внешним миром. Оба персонажа одинаково ощущают свою неприспособленность к жизни среди людей и стремятся избегать воздействия чужой воли. Важно подчеркнуть, что Мерфи заявляет о себе как о совокупности двух составляющих (тела и разума), каждая из которых обитает в своей реальности. Этим реальностям Мерфи дает названия – «большой мир» и «малый мир», определяя законы их сосуществования: движение в малом мире зависит от покоя в большом. При этом разум он считает своей главной частью, заявляя: "I am not of the big world, I am of the little world" [Beckett 2009: 112], и старается больше времени проводить за его изучением.

Произведение можно условно разделить на две части в соответствии с цитатой из письма Беккета Т. Макгриви, написанного 16 января 1936 г.: "I suddenly see that Murphy is break down between his [Geulincx's] «Where you are worth nothing, may you also wish for nothing» (positive) & Malraux's "It is difficult for one who lives isolat-

ed from the everyday world not to seek others like himself» (negation)” [The Letters of Samuel Beckett 2009: 299]. Первая часть, определяемая с максимальной Гейлинкса, относится к пребыванию героя среди здоровых людей, а вторая, в которой процитированы слова Мальро, – к его работе в санатории для умалишенных Magdalen Mental Mercyseat (МММ).

Для начала рассмотрим основные образы, связанные с движением, в первой части. Роман начинается фразой: “The sun shone, having no alternative, on the nothing new under the sun” [Beckett 2009: 1], которая, по мнению Акерли, отсылает нас к известной цитате из Книги Экклезиаста: “there is no new thing under the sun” [Ecclesiastes 1:9] и указывает на постоянство основ мироздания.

Движение земли вокруг своей оси, как и ее движение вокруг солнца, не зависят от осознания их человеком, но определяют ритм повторяющихся явлений человеческой повседневности. Привязав себя к креслу в углу комнаты, Мерфи пытается скрыться от солнечного света, упоминаясь в данном эпизоде вместе с другими проявлениями циклических процессов: “...somewhere a cuckoo-clock, having struck between twenty and thirty, became the echo of a street-cry, which now entering the mew gave Quid pro quo! Quid pro quo! Directly” [Beckett 2009: 2]. Однако ему не удается этого сделать, так как даже в темном углу его взгляд привлекает радуга на потолке: “The eyes, cold and unwavering as a gull’s, stared up at an iridescence splashed over the cornice moulding, shrinking and fading” [ibid.: 5]. Таким образом утверждается вездесущность цикличности.

Несмотря на болезненное восприятие солнечного света, небесные тела в целом представляют, по словам героя, единственную систему за пределами собственного ментального пространства, в которой он чувствует уверенность. Сталкиваясь с необходимостью принять важное решение, Мерфи полагается на звезды и планеты. К примеру, перед тем, как сделать предложение своей возлюбленной Селии, он изучает трактат Томмазо Кампанеллы «Город Солнца» в поиске советов по устройству жизни в соответствии с астрологией. Свои серьезные намерения Мерфи озвучивает в день, когда Луна находится между Землей и Солнцем, образуя прямую. Герой также заявляет, что они должны пожениться до того, как Луна окажется в оппозиции, т. е. перед тем, как Земля окажется на одной линии между Солнцем и Луной.

Показателен подход Мерфи к поиску работы. Первым шагом в этом процессе для него становится чтение гороскопа, принести который он просит Селию: “...as there was no possibility of his

finding in himself any reason for work taking one form rather than another, would she kindly procure a corpus of incentives based on <...> the heavenly bodies” [ibid.: 22].

Таким образом, неспособный проявлять инициативу в процессах, упорядочивающих человеческую повседневность, Мерфи обращается за помощью к небесным телам, движение которых происходит по законам, представляющимися незыблемыми. Посредством изучения астрологических толкований протагонист пытается наладить контакт с внешним миром, понять, каким должно быть его поведение.

В данном контексте стоит обратить внимание и на имя подруги Мерфи, которое исследователи романа обычно соотносят с лат. *Caelius* (восходит к «Caelum» – «небо»), а также на имя ее родственника Келли. Упомянутый факт и то, что Селия начинает вращаться, когда впервые замечает на себе взгляд Мерфи (в этот момент герой как раз занят изучением карты звездного неба), подчеркивает ее связь с астрономическими образами. «Небесное» происхождение Селии может указывать на ее роль в качестве связующего звена между главным героем и внешним миром. В то же время она заставляет Мерфи еще острее почувствовать разделенность тела и разума: “The part of him that he hated craved for Celia, the part that he loved shrivelled up at the thought of her” [ibid.: 8].

«Малый мир» получает в романе подробное описание. В соответствии с представлениями протагониста, его разум – это “large hollow sphere, hermetically closed to the universe without” [ibid.: 76] с трехчастной структурой. Светлая часть пространства сферы, являющаяся также верхней и «реальной», переходит в темную (нижнюю, «виртуальную»), минуя срединную зону полусвета.

Первые две зоны сохраняют связь с внешним миром, отражают опыт, полученный в нем Мерфи, и поэтому движение в них сопоставимо с циклическим движением снаружи.

Наибольший интерес вызывает третья, темная зона, содержащая “nothing but forms becoming and crumbling into the fragments of a new becoming, without love or hate or any intelligible principle of change <...> nothing but commotion and the pure forms of commotion” [ibid.: 112]. Здесь движение ощущается героем как внешний, независимый от него, непрекращающийся и линейно протекающий процесс: “He did not move, he was a point in the ceaseless unconditioned generation and passing away of line” [ibid.: 79]. В отличие от предыдущих зон, темная зона не имеет связи с эмпирическим опытом, что делает ее полной противоположностью физическому миру. Именно сюда ге-

рой стремится попасть, скрываясь от окружающей реальности.

В разговоре со своим духовным наставником Нири, к которому Мерфи приходит, желая освоить искусство управления сердцебиением, главный герой высказывает мысль о том, что жизнь – это скитания в поисках дома. Тем самым он обозначает непреходящий атрибут существования – движение. Описание темной зоны «малого мира» наводит на мысль о том, что протагонист находит дом в глубинах своего разума, где он фактически перестает существовать, но становится частью процесса существования в целом: “Here he was not free, but a mote in the dark of absolute freedom. He did not move, he was a point in the ceaseless unconditioned generation and passing away of line” [Beckett 2009: 112]. Сравнив ощущения героя с описанием чувств, которые испытывала Альба в романе «Мечты о женщинах, красивых и так себе» (1932), согласимся с Виндельбандом, определяющим основную цель беккетовских персонажей так: “To rest unmoved within one’s self” (цит. по: [Ackerley 2004: 30]).

Добавим, что наиболее желанным состоянием во внешнем мире для Мерфи является неподвижность на фоне какого-либо параллельно протекающего процесса.

Так, для проникновения в свой «дом» Мерфи пользуется раскачивающимся креслом, привязывая себя к нему шарфами и таким образом обездвиживая тело. Уникальность кресла среди других предметов подчеркивается с помощью описания его движения: “Most things under the moon got slower and slower and then stopped, a rock got faster and faster and then stopped” [Beckett 2009: 9]. Раскачивания и постепенная остановка помогают протагонисту покинуть мир, в котором существуют солнечный свет и крики торговцев: “The rock got faster and faster, shorter and shorter, the iridescence was gone, the cry in the mew was gone, soon his body would be quiet” [ibid.: 10].

Протагонист, привязанный к креслу-качалке, – это, безусловно, наиболее яркая иллюстрация озвученного выше утверждения, однако в романе можно встретить и другие примеры. Например, среди своих развлечений Мерфи выделяет поездки в автобусе: “One of the many things that he adored was a ride in one of the new six-wheelers when the traffic was at its height. The deep oversprung seats were most insidious, especially forward” [ibid.: 68]. Покачивания на сидении становятся источником удовольствия, тягу к которому он испытывает после бесплодных прогулок в поисках трудоустройства. В другом эпизоде герой ложится на землю после неудавшегося обеда, чтобы слиться в своей неподвижности с непрерывным движением планеты. После этого он

мысленно переносится в пространство, где “no pensums and no prizes, but only Murphy himself, improved out of all knowledge” [ibid.: 105].

Стоит отметить, что Селия вслед за Мерфи открывает для себя успокаивающий эффект кресла, которое остается в ее распоряжении после того, как герой отправляется на поиски работы: “Most of the time that he was out she spent sitting in the rocking-chair with her face to the light <...> it was never quiet in the room, but brightening and darkening in a slow ample flicker that went all day <...> She preferred sitting in the chair, steeping herself in these faint eddies till they made an amnion about her own disquiet” [ibid.: 66–67]. Подробное описание воздействия кресла на Селию служит подтверждением его универсальной функции проводника в мир разума, где исчезают привычные атрибуты физического мира и где герои оказываются в исходной точке существования, в пограничном положении между бытием и небытием: “...the days and places and things and people were untwisted and scattered, she was lying down, she had no history” [ibid.: 67].

Описав основные образы, связанные с движением, в первой части романа, можно сделать предварительный вывод о том, что кресло и планеты выступают в качестве инструментов, с помощью которых главный герой пытается сделать возможной свою жизнь в мире нормальных людей. Посредством раскачиваний в кресле протагонист достигает гармонии со своим разумом, а планеты помогают ему в принятии решений.

Действие второй части разворачивается в пространстве МММ, куда Мерфи устраивается работать санитаром. Обитатели санатория – пациенты, «отрезанные» от реальности, – в глазах главного героя становятся воплощением его идеала: “...the impression he received was of that self-immersed indifference to the contingencies of the contingent world which he had chosen for himself as the only felicity and achieved so seldom” [ibid.: 167]. Среди них Мерфи выделяет Эндона, который превосходит остальных своим великолепием: “The tiny body was perfect in every detail <...> The features were most delicate, regular and winning, the complexion olive except where blue with beard” [ibid.: 167].

Характерной чертой движений Эндона является отсутствие в них какой-либо динамики, что делает бесконечным его участие в любом процессе. Данное качество демонстрируется на примере того, как персонаж весь день курит сигару. Мерфи приходится постоянно ее поджигать: “...yet evening found it still unfinished” [ibid.: 173]. Но наиболее показательным является описание шахматных партий, разыгрываемых между протагонистом и Эндонам. Выставляя утром фигу-

ры, оба героя совершают ходы в течение дня, сохраняя до вечера все фигуры на доске.

Есть основания полагать, что образ игры в шахматы является центральным в романе. Это частично подтверждается желанием Беккета разместить на обложке своего произведения фотографию обезьян, ведущих шахматную партию [The Letters of Samuel Beckett 2009: 406]. Однако главный аргумент в пользу такой точки зрения содержится в характеристике, данной Остину Тиклпенни, который приводит Мерфи в МММ: “The merest pawn in the game between Murphy and his stars” [Beckett 2009: 85]. Из этого описания мы узнаем, что все события, происходящие с главным героем, могут быть восприняты как ходы в шахматной партии. Инициатива в этой воображаемой игре исходит от небесных тел: они указывают герою на то, каким должен быть его следующий поступок. Данное наблюдение показательно при рассмотрении реальной партии, разыгрываемой в финале романа.

После того как Мерфи начинает постоянно жить в МММ, его вера в ценность астрологических знаний исчезает. Расположение небесных тел теряет свое символическое значение: “The moon in the Serpent was no more than an image, a fragment of vitagraph” [ibid.: 162]. Мерфи перестает соотносить свои поступки с движением звезд и планет, так как теперь представляет себя одним из пациентов, избавившихся от связи с «большим миром». В то же время звезды перестают показываться главному герою: “He did not see the stars any more. Walking back from Skinner’s his eyes were on the ground. And when it was not too cold to open the sky-light in the garret, the stars seemed always veiled by cloud or fog or mist” [ibid.: 169]. Выясняется, что такая ситуация связана с расположением чердака, на котором живет Мерфи: “The sad truth was that the skylight commanded only that most dismal patch of night sky, the galactic coal-sack, which would naturally look like a dirty night” [ibid.: 169–170]. Таким образом, пространство МММ играет свою роль в разрушении связей между протагонистом и небесными телами.

Устроившись в санаторий, Мерфи утрачивает способность погружаться в свой разум. Поверив в свою способность соответствовать отрешенности пациентов, он стирает границы между «малым миром» и пространством санатория. В результате нарушается баланс между двумя мирами, в которых изначально существовал персонаж. Даже после того, как он переносит кресло в свою комнату, ему удается достичь желаемого состояния лишь однажды. В этот момент его видит Тиклпенни, который заявляет, что Мерфи похож на Кларка – пациента, находящегося в кататоническом ступоре и бесконечно повторяю-

щего фразу: “Mr. Endon is very superior” [ibid.: 171]. Затем, вплоть до ночной смены, протагонист проводит “many fruitless hours in the chair” [ibid.: 187].

Ночное дежурство, строго регламентированное и предполагающее движение по замкнутой траектории, вызывает у Мерфи сомнения в том, что ему доступен «малый мир» находящихся внутри своего разума пациентов. Во время первого обхода герой чувствует, что, возможно, по-прежнему принадлежит внешней реальности, к взаимодействию с которой он уже не приспособлен.

Разрешение развязки связано с последней шахматной партией Мерфи и Эндона. Пошаговая запись ходов приводится в романе с комментариями. В первом из них отмечено, что Эндон всегда играет черными фигурами. Таким образом, Мерфи оказывается вынужденным проявить инициативу и сделать первый ход, поставив белую пешку на E4. Затем он снова пытается вернуться к своей пассивной позиции, но зеркальное отражение ходов Эндона оказывается уже невозможным. Проследив развитие игры, можно заметить, что сумасшедший решает собственную логическую задачу. Его цель – в конце игры выстроить фигуры в положение, максимально приближенное к исходному. В итоге Мерфи признает свое поражение и сдается, что остается незамеченным для соперника.

В эпизоде с решающей партией Эндон предстает перед Мерфи в божественном облике: “Mr. Endon, an impeccable and brilliant figurine in his scarlet gown, his crest a gush of vivid white against the black shag, squatted tailor-fashion on the head of his bed, holding his left foot in his right hand and in his left hand his right foot. The purple poulaines were on his feet and the rings were on his fingers. The light spurted off Mr. Endon north, south, east, west and in fifty-six other directions” [ibid.: 198]. Кроме того, движение фигур Эндона по шахматной доске напоминает движение небесных тел по орбите – и те и другие возвращаются в исходную точку. Такие наблюдения дают нам право предположить, что в Эндоне воплощается образ бога-творца, который отстраненно руководит бесконечными процессами.

После неудавшейся партии Мерфи погибает. Он заглядывает в глаза Эндону и осознает, что тот не замечает его существования. Возвращаясь к себе после проигрыша, Мерфи впервые за долгое время привязывает тело к креслу и погибает в результате взрыва газа.

Его смерти предшествует эпизод, в котором герой тщетно пытается вызвать в памяти знакомые образы: “He tried again with his father, his mother, Celia, Wylie, Neary, Cooper, Miss Dew, Miss Carridge, Nelly, the sheep, the chandlers, even

Bom and Co., even Bim, even Ticklepenny and Miss Counihan, even Mr. Quigley. He tried with the men, women, children and animals that belong to even worse stories than this. In vain in all cases" [Beckett 2009: 200]. Утрата способности визуализировать воспоминания свидетельствует об окончательном разрыве между Мерфи и внешним миром.

Стоит отметить, что наличие газового обогревателя становится непереносимым условием, которое герой выдвигает перед тем, как согласиться на работу в МММ. В одном из эпизодов он размышляет над этимологией слова «gas», приходя к выводу, что оно родственно слову «chaos». Слишком быстрое хаотическое движение частиц газа, обусловленное реакцией, убивает протагониста.

Пакет с прахом Мерфи попадает в бар, где подвергается целому ряду воздействий: "It bounced, burst, off the wall on to the floor, where at once it became the object of much dribbling, passing, trapping, shooting, punching, heading and even some recognition from the gentleman's code" [ibid.: 203]. В итоге пепел выметают на улицу вместе с мусором: "By closing time the body, mind and soul of Murphy were freely distributed over the floor of the saloon; and before another dayspring greyned the earth had been swept away with the sand, the beer, the butts, the glass, the matches, the spits, the vomit" [ibid.: 280]. Закончив свое существование, главный герой растворяется в гротескно нарисованном внешнем мире, от которого пытался бежать.

Посредством разнообразных образов, связанных с движением, писатель конструирует сюжетобразующий конфликт, заключающийся в противоречии между разумом и телом протагониста. Мерфи придерживается пассивной модели поведения, отказываясь от общепринятых целей, и, увлеченный исследованиями своего сознания, ограничивает подвижность тела. В то же время он испытывает потребность в общении с Селией и интересуется астрологическими предсказаниями, связанными с циклическими процессами внешнего мира. Попытки Мерфи «остановить» тело, как и его восхищение перед душевнобольными, указывают на желание героя замкнуться внутри своего разума. Но эпизод с шахматной партией демонстрирует отсутствие в его характере цельности, необходимой для реализации данного стремления. В отличие от Эндона, который управляет фигурами, движущимися подобно звездам по намеченной траектории, Мерфи оказывается способен действовать инициативно. Его гибель обусловлена, с одной стороны, последовательным отказом от телесной жизни, наполненной циклическим движением, и недостаточной отрешенностью для сведения своего существования к самосозерцанию – с другой.

Список литературы

Ackerley C. J. *Demented Particulars: The Annotated 'Murphy'*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2004. 264 p.

Beckett S. *Murphy*. L.: Faber & Faber, 2009. 224 p.

Cohn R. *Samuel Beckett: the Comic Gamut*. New Brunswick: Rutgers University Press, 1962. 340 p.

Fletcher J. *Novels of Samuel Beckett*. N. Y.: Barnes & Noble, 1965. 264 p.

Graver L., Federman R. *Samuel Beckett: The Critical Heritage*. N. Y.; L.: Routledge, 1979. 392 p.

Harrison R. L. *Samuel Beckett's Murphy: A Critical Excursion*. Athens: University of Georgia Press, 1968. 99 p.

Hoffman F. *Samuel Beckett: The Language of Self*. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1962. 177 p.

Kaelin E. F. *The Unhappy Consciousness: The Poetic Plight of Samuel Beckett*. Berlin: Springer Science & Business Media, 2012. 326 p.

Kennedy S. *Murphy's Bed: A Study of Real Sources and Sur-real Associations in Samuel Beckett's First Novel*. Lewisburg: Bucknell University Press, 1971. 325 p.

Kenner H. *A Reader's Guide to Samuel Beckett*. Syracuse: Syracuse University Press, 1996. 208 p.

Maude U., Feldman M. *Beckett and Phenomenology*. L.: A&C Black, 2009. 212 p.

Mildenberg A. *Modernism and Phenomenology*. L.: Palgrave Macmillan, 2017. 183 p.

Nixon M. *George Reavey – Beckett's first literary agent // Publishing Samuel Beckett*. London: British Library, 2011, P. 41–55.

Schmitt A. *The Phenomenology of Autobiography: Making It Real*. N. Y.; L.: Routledge, 2017. 178 p.

Webb E. *Samuel Beckett: A Study of his Novels*. Seattle: University of Washington Press, 2014. 192 p.

References

Ackerley C. J. *Demented Particulars: The Annotated 'Murphy'*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2004. 264 p. (In Eng.)

Beckett S. *Murphy*. London, Faber & Faber, 2009. 224 p. (In Eng.)

Cohn R. *Samuel Beckett: the Comic Gamut*. New Brunswick, Rutgers University Press, 1962. 340 p. (In Eng.)

Fletcher J. *Novels of Samuel Beckett*. New York, Barnes & Noble, 1965. 264 p. (In Eng.)

Graver L., Federman R. *Samuel Beckett: The Critical Heritage*. New York and London, Routledge, 1979. 392 p. (In Eng.)

Harrison R. L. *Samuel Beckett's Murphy: A Critical Excursion*. Athens, University of Georgia Press, 1968. 99 p. (In Eng.)

Hoffman F. *Samuel Beckett: The Language of Self*. Carbondale, Southern Illinois University Press, 1962. 177 p. (In Eng.)

Kaelin E. F. *The Unhappy Consciousness: The Poetic Plight of Samuel Beckett*. Berlin, Springer Science & Business Media, 2012. 326 p. (In Eng.)

Kennedy S. *Murphy's Bed: A Study of Real Sources and Sur-real Associations in Samuel Beckett's First Novel*. Lewisburg, Bucknell University Press, 1971. 325 p. (In Eng.)

Kenner H. *A Reader's Guide to Samuel Beckett*. Syracuse, Syracuse University Press, 1996. 208 p. (In Eng.)

Maude U., Feldman, M. *Beckett and Phenomenology*. London, A&C Black, 2009. 212 p. (In Eng.)

Mildenberg A. *Modernism and Phenomenology*. London, Palgrave Macmillan, 2017. 183 p. (In Eng.)

Nixon M. George Reavey – Beckett's first literary agent. *Publishing Samuel Beckett*. London, British Library, 2011, pp. 41–55. (In Eng.)

Schmitt A. *The Phenomenology of Autobiography: Making It Real*. New York and London, Routledge, 2017. 178 p. (In Eng.)

Webb E. *Samuel Beckett: A Study of his Novels*. Seattle, University of Washington Press, 2014. 192 p. (In Eng.)

IMAGES OF MOTION IN SAMUEL BECKETT'S NOVEL 'MURPHY' (1938)

Ilya N. Chernyshev

Postgraduate Student in the Department of Theory and History of World Literature

Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University

105/42, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation. IChernyshev1993@yandex.ru

SPIN-code: 7734-2715

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3240-1904>

ResearcherID: J-7847-2017

Submitted 09.10.2019

The article focuses on the images connected with motion in S. Beckett's novel *Murphy* (1938). During the period of writing the book, the author wanted to free himself from the influence of James Joyce and to develop his own conception. He chose a popular Irish name for his main hero and added to the portrait some details from his own biography. The protagonist of the novel, Murphy, is one of the typical Beckettian characters (Belacqua, Watt, Molloy, Malone), who realize the infinite distance between themselves and the outer world. They prefer staying isolated in the mental space of their own imagination and are indifferent to what is happening outside of it. Murphy is disgusted by endless cyclic processes that physical life consists of. He tries not to be involved in them. The impossibility of the complete indifference, on the one hand, and the protagonist's obsession with self-contemplation, on the other hand, lead him to death. Biographical comments to the novel, made by famous literary critics, may be supplemented with observations on the specific nature of S. Beckett's phenomenology and poetology, offered by scholars in recent years.

Based on the phenomenological analysis, the article aims to discover how the images of motion are engaged in the process of revealing Murphy's inner conflict. Among the elements of Beckett's conception, we can single out the 'big world' and the 'small world', which are filled with different spatial images and images of objects. The plot of the novel is connected with Murphy's conscious efforts to interact with specific moving objects for obtaining corporal calmness, giving him freedom of staying in his mental world. Significant characteristics of the motion images in the novel are the following: controlled and uncontrollable cyclicity, desirable immobility, and destroying chaotic nature.

Key words: Beckett; phenomenology; motion images; cyclicity; plot conception; *Murphy*.

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070

doi 10.17072/2073-6681-2020-1-127-139

**ДИСКУРСИВНОСТЬ ПОНИМАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА
В СОВРЕМЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ****Камилла Ренатовна Нигматуллина****к. полит. н., доцент кафедры цифровых медиакоммуникаций****Санкт-Петербургский государственный университет**

199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 1 линия В. О. 26. k.nigmatulina@spbu.ru

SPIN-код: 4373-4174

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9146-1712>*Статья поступила в редакцию 03.10.2019***Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:***Нигматуллина К. Р. Дискурсивность понимания профессионализма в современной журналистике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Т. 12, вып. 1. С. 127–139. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-127-139***Please cite this article in English as:***Nigmatullina K. R. Diskursivnost' ponimaniya professionalizma v sovremennoy zhurnalistike [Discourse on Professionalism in Modern Journalism]. Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2020, vol. 12, issue 1, pp. 127–139. doi 10.17072/2073-6681-2020-1-127-139 (In Russ.)*

Представлены результаты исследования профессионального дискурса относительно границ профессионализма в современной журналистике. Автор отталкивается от идеи необходимости переосмысления профессионализма в условиях цифровой трансформации. На основе дискурсивно-институционального подхода и концепции институциональных логик анализируются интервью с журналистами о профессии, опубликованные за последние три года в профессиональных и общественно-политических изданиях. С опорой на зарубежные и отечественные исследования профессионализма в журналистике за последние шесть лет предлагается использовать дискурс-анализ для выявления динамики представлений о профессии. Предыдущие исследования подтвердили надежность метода при изучении составляющих профессионализма, в данной статье дискурс-анализ был дополнен интерпретацией институциональных логик. Результаты исследования показывают, что доминирующий дискурс закреплен в таких идеях, как сохранение традиций журналистики, формулирование ценностей и миссии журналистики, ориентация на лучшие образцы журналистской практики, соблюдение этических стандартов, прозрачность идеологических позиций и редакционной политики. В целом в профессиональном дискурсе последних трех лет прослеживается запрос на обсуждение проблемы единения внутри сообщества. Делается вывод о том, что журналисты адаптировались к современным профессиональным условиям, связанным с технологическими изменениями, но вместе с тем ощущается ностальгия по традиционным журналистским практикам прошлого, поскольку современные практики отражают неопределенность настоящего, т. е. ситуативный выбор ценностей и морали. Присутствуют в дискурсе и радикальные настроения: профессии не существует, сообщество расколото, поиск консенсуса невозможен.

Ключевые слова: профессионализм; профессиональный дискурс; неоинституционализм; ценности журналистики.

Актуальность

Определение границ профессионализма в медиасфере является актуальной научной и отраслевой задачей в последние как минимум пять лет. Неопределенность в ее решении заключается

в том, что изменения в медийном пространстве и последовавшие трансформации медийных профессий сложно зафиксировать и выразить в конкретных категориях, поскольку профессионализм обладает динамичностью и подвержен пе-

ременам с развитием самой журналистики. В данном исследовании постулируется дискурсивность этой категории и необходимость описать ее как динамичную переменную.

С. Вайсборд полагает, что в отношении журналистики понятие, называемое термином «профессионализм», воспринимается с двух позиций – в качестве рода занятий (деятельностный подход) и одновременно в качестве идеальной формулы журналистики (нормативный подход). За основу определения ученый берет социологический аналитический подход и считает, что профессионализм в журналистике – это «концептуальная категория, нормативный идеал, нарратив, который раскрывает, как журналистика взаимодействует с экономической, политической, социальной и культурной силами, которые формируют медиасистемы» [Waisbord 2013: 4].

В отечественной журналистике понятие «профессионализм» осмыслено, скорее, в рамках нормативности, что мешает исследователям расширить рамки, описывая границы феномена. Например, О. Копылов пишет, что это «комплекс принципов, навыков, знаний, позволяющих систематически, регулярно и эффективно осуществлять профессиональную медиатедеятельность в условиях нелинейности происходящих процессов» [Копылов 2012]. Профессионализм рассматривается как синоним эффективности и успешности журналистской деятельности. Практика же показывает, что успеха добиваются и те медиапредприятия, которые не соотносят свою деятельность с традиционными профессиональными стандартами журналистики.

Переосмысление профессионализма в журналистике – это естественный процесс, вызванный «кризисом», «переходным периодом» или просто «переменами», трансформацией профессии, в условиях цифровизации в частности. Отдельным важным дискурсом можно считать и дискуссию о «конце журналистики» в принципе [Waisbord 2013: 5]. В любом случае слово «неопределенность» отражает сложившееся положение журналистики как профессии. В зависимости от избранного подхода к определению профессионализма исследователи анализируют, как практика журналистики соотносится с профессиональными стандартами и этическими принципами или с профессиональными идеологиями и ценностями (объективность, честность, служение обществу). В рамках западных стандартов журналистики этические принципы соотносят в первую очередь с нуждами граждан демократического общества.

Как полагает С. Вайсборд, вопрос о профессиональном статусе журналистики до сих пор не решен, «профессиональная журналистика» может

быть определена через наличие высоких стандартов качества. Такая журналистика необходима для демократии, т. е. журналистика встроена в модель социального попечения [ibid. 2013: 95]. Основные направления критики профессионализма в журналистике исходят из трех подходов – марксизма, коммунитаризма и фукодианских аргументов, которые противопоставляют журналистику демократической коммуникации.

Для дальнейших рассуждений следует выделить традиционные составляющие профессионализма. Во-первых, это схожие этические принципы в редакциях. В последнее время российские медиапредприятия все чаще внедряют внутренние кодексы и редакционные регламенты, которые включают этические принципы наряду с техническими процедурами. Во-вторых, журналистика – это уникальное «эпистемическое сообщество», которое создает форму знаний, возникающую в результате организации, обработки и производства информации. В реальной практике можно говорить об утрате журналистикой «монополии» на производство особой формы знаний. В-третьих, журналистика выработала уникальный способ постижения мира, который характеризует журналистику, отсеивая огромное количество информации, чтобы произвести осязаемый, управляемый, узнаваемый продукт – новости. В-четвертых, журналистика контролирует юрисдикцию над новостями, т. е. уникальный предмет, отвечающий социальным, политическим, экономическим и культурным потребностям. При этом конкуренции за этот контроль нет. Таким образом, отсутствие институциональных альтернатив поставило журналистику в привилегированное положение, которое позволяет ей определять, что можно считать заслуживающим освещения в печати и быть предметом общественного внимания. Рациональность журналистики является основой ее претензий на профессиональную уникальность. Контроль за определением новостей укрепляет профессиональные амбиции журналистики – ее претензии на существование отдельно от внешних участников. Финальный парадокс: поскольку журналистика не требует особых полномочий, она слабо контролирует рынок труда. С. Вайсборд предлагает исследовать журналистику как профессию в ином, более плодотворном, ключе: переосмыслить, как пресса способствует укреплению демократических ценностей, подвергая сомнению власть, предлагая социальное соперничество, вытаскивая публику из зоны комфорта, бросая вызов здравому смыслу и общепринятым идеям и учитывая уникальные профессиональные нормы [ibid.: 6]. Современное состояние журналистики, с включением граж-

данских журналистов в легальное поле, ученый называет пост-профессиональной журналистикой, но не считает, что ее эпоха действительно наступила.

Исследователи М. Дёзе и Т. Витчге предлагают выходить за пределы журналистики (и ее традиционного понимания соответственно), рассматривая роль медиаорганизаций (присоединяя к ним не только новостные компании), самих работников медиа (предпринимательство не единственный выход) и аудитории (потребитель контента – не единственная роль аудитории) [Deuze, Witschge 2017: 165–181]. Все чаще при изучении профессиональных ролей журналистов в выборку включаются непрофессиональные производители контента и инфлюенсеры, альтернативные медиаплощадки и способы дистрибуции контента (см., например: [Chung, Kim, Nah 2018: 260–301]).

Российские исследователи в целом не согласны с «концом журналистики» или наступлением пост-профессиональной эпохи, однако они все же считают, что современный этап развития профессии невозможно описать уже известными критериями. В работах М. Симкачевой, В. Тулупова, В. Олешко, Г. Лазутиной и других исследователей можно найти теоретические подходы к поиску места журналистики и журналистов в современной системе медиакommunikаций и эмпирические данные о самоопределении и само-

идентификации журналистов-профессионалов в широком медийном поле.

Автор статьи предполагает, что размывание границ профессионального в журналистике происходит в том числе за счет цифровой трансформации медиасистемы, что дает возможность для непрофессиональных авторов присоединиться к традиционной журналистике и новому медиапроизводству. Правомерен вопрос: что цифровая трансформация привнесла в профессиональные стандарты? Если за точку отсчета брать классическую модель западных ценностей журналистики – общественное служение, объективность, автономность, оперативность, этику, то в цифровых границах эти ценности могут приобретать дополнительный контекст – служение обществу с учетом его цифровых прав и свобод, объективность через призму прозрачности позиций и обеспечения хранения достоверной информации, автономность как независимость от регуляторов цифрового рынка и монополистов вроде Google и Facebook, оперативность в транслировании достоверной информации и проверке пользовательского контента, цифровая этика, включающая не только ее гуманитарное, но и машинное измерение (этика алгоритмов или взаимодействия человек – компьютер).

Представим неопределенность в понимании профессионального статуса автора в виде сравнительной таблицы (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Критерии профессиональности в традиционной журналистике и медийной цифровой среде
Professionalism Criteria in Traditional Journalism and Digital Media Environment**

Критерии профессиональности	Классические медиа	Цифровая медиасреда
Наличие миссии	Ясно сформулирована	Индивидуальна
Наличие профессиональных ролей	Традиционные роли	Частично совпадают с традиционными ролями
Наличие этических принципов	Кодексы и прецеденты	Индивидуальная стратегия или политика медиа
Автономность	По отношению к государству и бизнесу	По отношению к государству и бизнесу
Отношение к аудитории	Как гражданам или потребителям	Как гражданам или потребителям
Принадлежность к редакции	В целом обязательна	Необязательна
Профессиональное образование	Необязательно	Совсем не обязательно
Цифровая адаптация (принятие трансформации)	Постепенная с перекосами в разных сегментах	Изначально цифровая ориентированность
Ориентация на традиции в профессии	Сильная	В основном отсутствует, ценность новаторства
Наличие профессиональных сообществ	Союзы журналистов, объединения	Неформальные объединения
Наличие профессиональной критики	В профессиональных изданиях	В отраслевых каналах соцсетей и мессенджеров
Наличие цеховой солидарности	В целом присутствует	Скорее, отсутствует, ценность конкуренции
Наличие профессионального языка и жаргона	Да, больше терминов	Да, больше жаргона

На основе анализа в первом приближении можно сделать вывод о том, что в целом показатели профессионализма в классических и новых цифровых медиа совпадают, за исключением важности традиций и принадлежности к классическим институтам журналистики (редакции, объединения, критика).

Обзор литературы

Понятие границ профессионализма, или пограничных состояний профессии, все чаще встречается в англоязычных исследованиях. Эти границы называются пористыми и податливыми в эпоху цифровых новостей, а появление таких границ очевидно влияет на то, как журналисты объединяются в группы и какие тексты они создают [Carlson 2018: 1755–1772].

В монографическом труде Карлсона и Льюиса концепт пограничности рассматривается в разных ипостасях. Авторы считают, что причина размывания границ лежит в трансформации медиарынка – появляется больше новых интерактивных медиаинструментов, а количество традиционных редакций уменьшается. Для определения новых профессиональных границ, по мысли авторов, необходимо ответить на четыре базовых вопроса – кого можно считать журналистом, что считать журналистикой, что такое соответствующее журналистское поведение и что можно считать отклонением от нормы [Carlson, Lewis 2015]. Из них вытекает более глобальный вопрос: кто производит знания и обладает ими (в современном цифровом мире)? Карлсон и Льюис предложили также матрицу категорий, описывающих границы профессионализма.

Автор данной статьи полагает, что изучение формирования этих границ возможно через несколько предметов исследования – самих журналистов, их продуктов труда, а в целом – дискурса о профессионализме и дискурса вокруг журналистики. Современный дискурс включает разнообразные практики, которые находят отражение в исследованиях, а также специфические профессиональные логики.

Так, австралийские ученые проанализировали характер объявлений о журналистских вакансиях [Young, Carson 2018: 452–472]. Оказалось, что этот пласт дискурса достаточно традиционный и не демонстрирует серьезных изменений в запросах работодателей. Очевидно, что метод исследования запросов на конкретные компетенции не может дать глубинной картины изменений в профессионализме, поскольку в объявлениях доминируют функции, а не роли или ценности. Однако они способны дать контекст для рассмотре-

ний о характере изменений на производственно-организационном уровне в медиа.

Финские исследователи обратились к методу критического дискурс-анализа при работе с глубинными интервью журналистов, разделив общий дискурс на три направления: 1) о профессиональном производстве новостей, 2) о гражданских дискуссиях, 3) об интерактивном процессе новостного производства. Если в первых двух дискурсах, обнаруженных в интервью, проведена четкая граница между профессиональным и непрофессиональным в журналистике, то в третьем – журналисты делегировали аудитории часть своих профессиональных ролей. В этом случае профессиональная журналистика оказалась зависимой от того, как ее потребляет и распространяет аудитория социальных сетей в виде контента [Hujanen 2016: 871–880]. Это еще одна интересная особенность современного профессионального дискурса – обсуждение ролей журналистов и ценностей журналистики больше не находится в ведении узкой группы профессионалов, а приобретает значение общественной дискуссии. Все чаще в российских неспециализированных СМИ появляются интервью с известными журналистами о профессии, тема необходимости журналистского образования затрагивает представителей других профессий, которые решили связать свою деятельность с журналистикой, наконец, само профессиональное образование (на его ремесленном уровне) давно вышло за пределы специализированного университетского образования – широко распространены журналистские кружки и школы для аудиторий всех возрастов. Основной площадкой распространения контента авторов в цифровой среде (выпускников подобных школ) являются, главным образом, социальные сети.

В последних результатах серийного исследования Д. Уивера и Л. Уилната об американских журналистах впервые появились вопросы о взаимодействии журналистов с аудиторией в социальных сетях. Большинство из опрошенных согласилось с позитивным влиянием новой медийной экосистемы на журналистские редакционные практики. Социальные медиа, делают вывод авторы, увеличили ценность подотчетности журналиста аудитории. Негативный эффект от использования социальных сетей связан с жертвой точности в пользу скорости. Несмотря на общую поддержку использования социальных сетей в работе, американские журналисты не уверены в том, что новые формы цифровой коммуникации повышают уровень журналистского профессионализма [Weaver, Willnat 2016: 844–855]. Вместе

с тем навыки работы с социальными сетями и их аудиториями однозначно востребованы для медийных специальностей, что подтверждается исследованиями журналистских вакансий.

Еще одно недавнее американское исследование продемонстрировало поколенческую разницу в восприятии профессиональных норм и стандартов. Закономерно выяснилось, что для опытных журналистов нормы важны, а для молодых специалистов важнее личный успех. Для того чтобы понять, что норма движется, пишет Ферруччи, ссылаясь на Т. Воса, Д. Зингер, М. Карлсона и С. Льюиса, необходимо сначала норму зафиксировать. Если же норма размыта, то следует заново отвечать на вопросы, как индустрия определяет журналиста и что такое новость [Ferrucci 2018: 2417–2432]. Впрочем, возрастной фактор в понимании профессиональных ролей достаточно хорошо изучен и в России, и за рубежом – при определении ценностей и норм профессии журналиста возраст и опыт в профессии создают существенную нагрузку на распределение ответов.

К анализу переменчивой нормы привлекают не только профессиональных журналистов, но и аудиторию. Опросив и тех и других, коллектив латиноамериканских ученых пришел к выводу, что профессиональные журналисты более критично оценивают новостной продукт коллег, чем пользователи [Ramirez de la Piscina, Zabalondo, Aiestaran, Agirre 2016: 71–92]. Авторы не делают при этом вывода о том, что аудитория стала больше влиять на восприятие качества новостей профессиональными журналистами, поскольку научных доказательств для подтверждения тезиса пока нет. В любом случае роль аудитории в понимании задач и ценностей журналистики в цифровом мире возросла существенно, а в индустрии появились такие обсуждаемые феномены, как «экономика внимания» (конвертация вовлеченности аудитории в прибыль) и «экономика доверия» (конвертация уровня доверия к новостным продуктам и медиа в прибыль).

Но не только аудитория может быть значимым агентом влияния в оценке качества профессионального новостного продукта. Важным актором стал рынок альтернативных медиа, для которых функция социальной мобилизации является одной из важнейших, а сами проекты производятся чаще непрофессиональными игроками медиарынка. Немецкое исследование этого сегмента, с опорой на теорию неоинституционализма, показало, что альтернативные медиа все-таки не бросают серьезного вызова базовым принципам (локальной) журналистики, но их

расчет на аудиторию, которая одновременно является аудиторией традиционных СМИ, может послужить вызовом организационной структуре местного новостного рынка, в который они вторгаются [Harnischmacher 2015: 1062–1084]. Недавние отечественные исследования, в том числе автора статьи, показывают, что в российских реалиях влияние условного альтернативного новостного рынка (например, городские и локальные паблики¹ в социальных сетях) на традиционный рынок СМИ очевидно – возросла конкурентная нагрузка, а профессиональные практики альтернативных медиа часто более адаптированы к цифровым реалиям, чем практики традиционных локальных изданий (особенно в государственном сегменте) [Нигматуллина, Градюшко 2019: 54–61].

Таким образом, в зарубежных исследованиях на основе эмпирических данных изучаются различные области дискурса, которые демонстрируют изменения в границах профессионализма. Отечественные работы рассматривают феномен на концептуальном уровне.

Исследователь конвергентных процессов в российской журналистике Е. Баранова предлагает следующие институциональные уровни фиксации изменений: на уровне журналистики как сферы творческой деятельности; журналистики как профессии; журналистики как системы СМИ; журналистики как морально-нравственного института общества, на уровне журналистики как сферы бизнеса [Баранова 2016]. Ключевым фактором изменений предстает технологический прорыв, однако с его помощью можно описать только уровень организационной культуры в современных редакциях.

Между тем российские исследователи чувствуют необходимость формулирования первичной точки отсчета. «В настоящее время перед журналистским сообществом стоит задача выработки современных критериев профессионализма современного работника СМИ. Единых критериев нет» [Баканов 2015: 16–22]. Автор данной статьи поддерживает развитие методологии в виде объединения зарубежной и отечественной исследовательских практик [Нигматуллина 2019: 84–105], например, вслед за В. Ф. Олешко: «Совмещение институционального подхода и исследования непосредственно личности журналиста – одновременно индивидуума и представителя целого сообщества – дает возможность под иным углом зрения рассмотреть представителей данной профессии и увидеть противоречия, характеризующие ее развитие в цифровую эпоху» [Нигматуллина 2018: 30–38].

Подобный анализ на эмпирическом уровне пока не проводился применительно к российской журналистике. Вместо этого исследователи опираются на традиции журналистской науки XX в.: деонтологическое осмысление профессионализма и компетентностный подход. Например, Е. Баранова ориентируется на нормативный подход: «Стандарты журналистской профессии всегда связывались с профессиональным долгом, который был ориентирован на правовые и этические компоненты» [Баранова 2018: 15–17]. А. О. Сидорова и И. Карпенко выводят профессионализм в производственную плоскость: «Профессионализм относят к компетенциям журналиста. Умение разносторонне применять профессиональные знания при решении профессиональных задач и для достижения поставленных целей. Профессионализм журналиста определяется качеством информации, которую он дает» [Сидорова, Карпенко 2018: 12–21]. Наконец, изучение профессиональных норм и критериев профессионализма в эмпирическом разрезе чаще связано с журналистским образовательным процессом, а не журналистскими практиками в индустрии – некоторое количество публикаций основано на опросе студентов профильных факультетов и кафедр.

Методология

Основной опорой для проведенного исследования стал дискурсивно-институциональный подход в изложении В. Шмидт [Schmidt 2008: 303–326]. Изучение идей и дискурсов позволяет лучше объяснять политические процессы в понимании автора, однако, на наш взгляд, данный подход может работать и применительно к институту журналистики.

Впервые к изучению профессиональных ролей журналиста этот подход применили Т. Ханиш и Т. Вос в 2017 г. Они позиционируют дискурсивный институциональный ракурс как способ совмещения двух типов эмпирических исследований, где первый рассматривает журналистов как индивидов, а второй – отдает приоритет их институциональным функциям (т. е. функциям, которые журналисты выполняют в политической и общественной жизни). Они отмечают, что правила и нормы, которые определяют, что является и не является журналистикой и как журналистику следует и не следует

практиковать, формируются в дискурсе. В сущности, журналистика – это система убеждений, и эта система убеждений находит выражение в мета-журналистском дискурсе, который следит за институтом для защиты его авторитета и активизируется во времена институционального напряжения. Таким образом, эта работа «создает институт и воссоздает его по мере того, как новые участники социализируются, и изменяет его во время дискурсивного оспаривания или отражения» [Vos, Thomas 2018: 2001–2010]. Мета-журналистский дискурс стал основой эмпирического исследования для данной публикации.

Для нашего исследования мы также выбрали фокус на категорию «институциональной логики» (в изложении И. Шмерлиной [Шмерлина 2016: 110–138], опирающейся на Р. Алфорда и Р. Фридланда), которая осмысливается в рамках неинституционализма в целом и сглаживает ограничения дискурсивно-институционального подхода. Для нас важно понимание института журналистики как постоянно создающегося в дискурсе набора идей, ценностей и практик профессии. Несмотря на критику самого подхода И. Шмерлиной, выражающуюся в отсутствии точного определения использованного ею понятия и его единого понимания среди ученых, мы опирались на ее конструктивный тезис о том, что «институциональная логика остается потенциально интересным и перспективным направлением, ориентирующим исследователей на реконструкцию смыслов, определяющих институциональное действие». В качестве отправной точки для реконструкции смыслов мы выбрали разделение дискурса о профессиональном институте журналистики на условные институциональные логики – нормативную, рыночную, логику сообщества и логику цеха, которые соотносятся с ключевыми категориями респондентов – действующие журналисты, медиаэксперты, начинающие журналисты или студенты, бывшие журналисты, журналисты в пространстве медиакритики (например, обсуждающие профессию в социальных сетях) (табл. 2).

Данная классификация является пилотной, необходимой для проверки гипотезы о наличии нескольких логик института профессиональной журналистики, которые стимулируют комплексное формирование дискурса о границах понимания профессионализма.

Институциональные логики (ИЛ) профессиональной журналистики
Institutional Logics of Professional Journalism

Тип ИЛ	Референтная группа	Содержание ИЛ	Содержание дискурса
Нормативная	Медиаэксперты (независимые, высшее образование) и медиапедагоги	Журналистика как профессия, журналистский долг, миссия, ценности профессии, стандарты работы	Авторитет профессионального образования, формулирование журналистских стандартов, апелляция к должностованию и нормам, авторитет документов и научных результатов
Рыночная	Медиаменеджеры и учредители медиа	Журналистика как часть медиарынка, ориентация на запросы аудитории и ее вовлеченность	Технологический оптимизм, ориентация на эффективные стратегии и бизнес-модели медиа, вовлечение аудитории и ориентация на редакционные метрики, понимание законов развития медиарынка и учет текущих трендов
Цеховая	Коллективы конкретных редакций, журналисты конкретных медиа	Медиапредприятие в структуре рынка и в структуре профессионального сообщества, редакционная политика и ориентация на внутреннюю этику	Поддержка коллег в сложных профессиональных ситуациях, объединение на основе общих цеховых интересов, выделение категорий «свой – чужой» внутри сообщества, соответствие идеологическим позициям коллектива редакции
Логика сообщества	Журналисты, объединенные общей журналистской культурой, традицией, ценностями, идущими из схожей общей практики и общего опыта (возможно – члены профессиональных объединений, СЖР)	Солидарность, профессиональная поддержка, поиск этических решений в конкретных кейсах, профессиональный договор / конвенции по поводу общих проблем	Сохранение традиций журналистики, формулирование ценностей и миссии журналистики, ориентация на лучшие образцы журналистской практики, соблюдение этических стандартов, прозрачность идеологических позиций и редакционной политики

Методика

Для выявления границ дискурса о профессионализме была применена комбинированная количественно-качественная методика – анализ интервью с медиаэкспертами, опубликованных в профессиональных и общественно-политических СМИ за последние 3 года (14 интервью в журнале «Журналист» и 22 интервью в общественно-политических изданиях, среди которых отдельно учитывались 3 интервью с покинувшими профессию журналистами, 2 интервью с молодыми журналистами и 5 интервью с медиаэкспертами, которые не представляют СМИ), – всего 36 текстов.

Интервью в журнале «Журналист» были отобраны в рубрике «Профессия» в том случае, если разговор шел о составляющих профессии или профессионализма, а не по узкой медийной

теме, целиком или частично. Интервью в общественно-политических СМИ отбирались по значимости респондента для аудитории и профессионального сообщества, а также по репрезентативности различных типов медиа (интернет-издание, журнал, самиздат, телеканал, радиостанция).

Анализ интервью в общественно-политических СМИ строился применительно к двум этапам: контент-анализ и последующий дискурс-анализ в соответствии с определенными выше институциональными логиками. Контент-анализ включал выделение тематик разговора, имеющих отношение к идеологии профессии и профессионализму (единица анализа – фрагмент интервью (1–3 абзаца), единица счета – 24 темы, определенные в ходе первичного мониторинга и последующего кодирования).

Институциональные логики вычленились с помощью соотнесения значимых фрагментов интервью, выбранных для интерпретативного анализа, с заранее сформулированными категориями дискурса (столбец «содержание дискурса» в табл. 2).

Результаты

Описательные статистики представлены на рис. 1 и 2. Ключевые цитаты из фрагментов интервью по выбранным категориям содержания дискурса – в табл. 3.

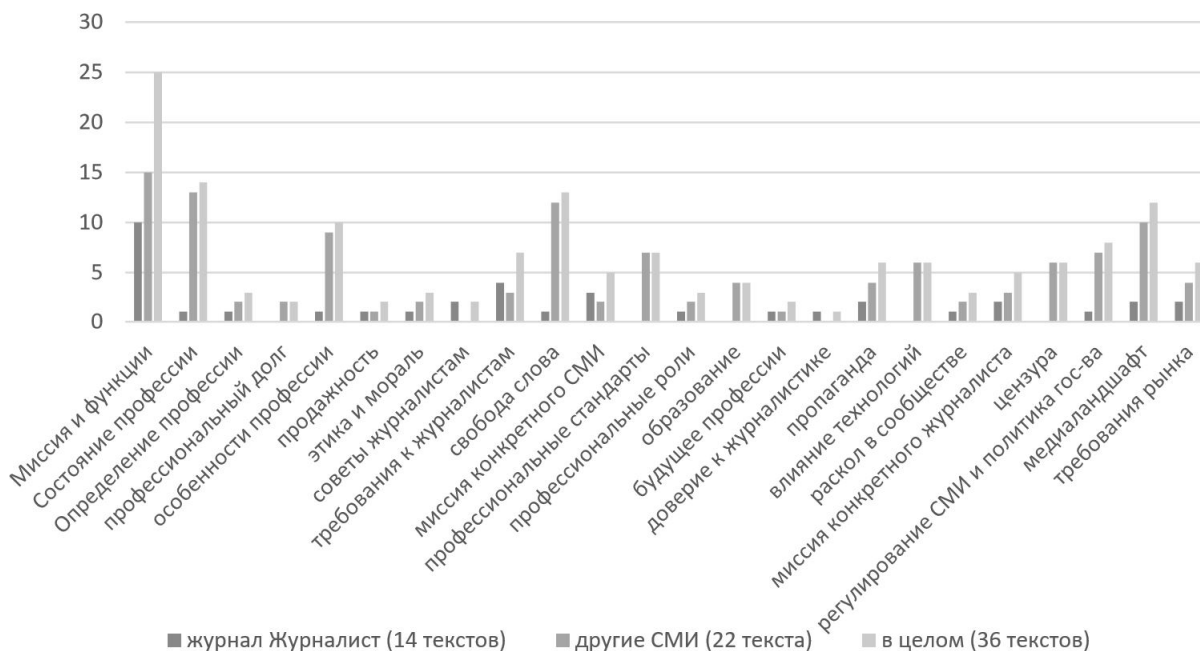

Рис. 1. Тематика высказываний журналистов
Fig. 1. Topics of Journalists' Statements

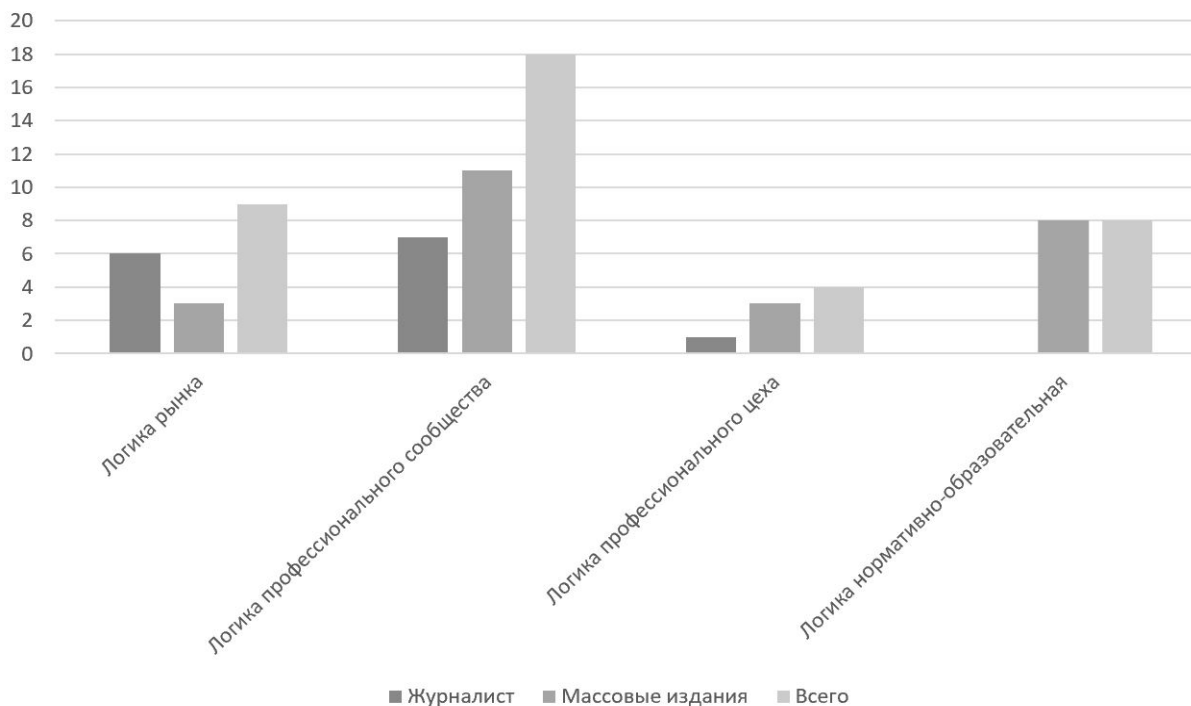

Рис. 2. Соотнесение фрагментов интервью с профессиональными логиками
Fig. 2. Correlating Interview Fragments with Professional Logics

Значимые фрагменты интервью, соответствующие институциональным логикам
Significant Interview Fragments Corresponding to Institutional Logics

Тип ИЛ	Категория содержания дискурса (избранные)	Значимые фрагменты – журн. «Журналист»	Значимые фрагменты – универсальные СМИ
Нормативная	Авторитет профессионального образования	–	Я мысленно рисую звездочки на фюзеляже всякий раз, когда отваживаю от журфака очередного абитуриента
Рыночная	Технологический оптимизм	С появлением интернета границы размываются. Фактически каждый может себя считать и называть журналистом	Любой человек, у которого есть соцсети, может считать себя полноценным журналистом, а последняя digital-революция сделала почти каждого художником
	Вовлечение аудитории и ориентация на редакционные метрики	А наша миссия, возможно, должна звучать так: делать сложное простым и комфортным, обслуживать нашего любимого читателя	Пока меня читают – я существую как журналист. Если же удастся иногда «глаголом жечь сердца», считаю такую статью особенной удачей
Цеха	Соответствие идеологическим позициям коллектива редакции	–	Мы занимаемся журналистикой не для того, чтобы соблюдать корпоративные правила (хотя, конечно, их надо соблюдать по возможности)
	Выделение категорий «свой – чужой» внутри сообщества	Сообщество разрушено, оно расколото, и раскол превращается в пропасть. Одна часть сообщества ненавидит и презирает другую. Нет профессионального разговора	–
Сообщества	Сохранение традиций журналистики	–	Профессии в ее каноническом виде больше нет и, судя по отсутствию общественного запроса в России, не будет
	Соблюдение этических стандартов	А нормы морали у каждого свои	Бывают такие ситуации, когда нужно выбирать и соизмерять, думать о том, что за этим последует

Дискуссия

Несмотря на ожидание доминирования рыночной логики в интервью к изданиям общего характера и нормативной логики для профессионального издания, на представленной выборке мы видим обратную картину. Так же в целом в профессиональном дискурсе последних трех лет ощущается запрос на обсуждение вопросов, связанных с проблемами единения внутри сообщества. Предыдущие исследования автора приводят к мысли о том, что этот запрос исходит из наличия полярных журналистских культур внутри профессионального сообщества. Фрагментация и поляризация журналистских идеологий и ценностей, пока не подтвержденная количественными исследованиями, но ощущаемая на экспертном

уровне, выражается также в разнообразии журналистских практик. Очевидно, что можно оценить этот процесс как естественно необходимый – в дискурсивной практике, таким образом, происходит кристаллизация понимания границ профессионального.

В проанализированных текстах зафиксировано движение границ, связанное с включением в профессиональное сообщество авторов, чье авторство легитимировано технологическими возможностями: «Любой человек, у которого есть соцсети, может считать себя полноценным журналистом, а последняя digital-революция сделала почти каждого художником» [Чертова 2019].

Само появление категории «автор», которое замещает традиционное обозначение «журна-

лист», также может свидетельствовать о расширении границ понимания сообщества.

Общая оценка сохранения традиций в профессии в целом схожа для разных категорий респондентов:

«Профессии в ее каноническом виде больше нет и, судя по отсутствию общественного запроса в России, не будет» [Дмитриева 2019].

В табл. 3 собраны выборочные цитаты, отражающие общие тенденции в профессиональном дискурсе. В целом журналисты адаптировались к современным профессиональным условиям, связанным с технологическими изменениями, наблюдается ностальгия по традиционным журналистским практикам прошлого, поскольку современные практики отражают неопределенность настоящего – это ситуативный выбор ценностей и морали и ориентация на повсеместный опыт и здравый смысл. Присутствуют и радикальные настроения: профессии не существует, сообщество расколото, поиск консенсуса невозможен.

Ключевым наблюдением можно считать доминирование дискурса, связанного с логикой сообщества. Он направлен на поиск достаточных связей между элементами института журналистики, включая профессиональные роли и профессиональные ценности, которые смогут обеспечить его функционирование даже в условиях поляризации профессионального сообщества.

Объективными ограничениями исследования являются характер выборки и экспериментальность подбора критериев содержания дискурса. Однако результаты нам представляются достаточными для выявления направлений дискурса и их соответствия институциональным логикам. Задача исследования – определение границ дискурса о профессионализме – выполнена за счет выявления спектра идей в профессиональном дискурсе. Гипотеза о неустойчивости коллективной идеологии подтвердилась интерпретативным анализом значимых высказываний журналистов в прессе.

Выводы

Что происходит с институтом журналистики исходя из содержания дискурса о журналистике в профессиональном сообществе? Главные признаки дискурсивности института закреплены в категориях, которые присутствуют в профессиональном дискурсе текущего времени, – определение самой профессии (что такое журналистика), ее миссии (чему служит журналистика), ее субъектов (кто такой журналист и его аудитория), ее ценностей (как строится этика и идеология профессии в актуальных условиях), ее институциональной власти (через практики установления авторитетности для других институтов).

Ценным и значимым предстает дискурс о наличии профессионального сообщества: кто является хранителем традиций и устоявшихся ценностей, кто определяет значимость текущих изменений в профессии и практик, что определяет значимость ценностей и авторитетность / нормативность профессиональных практик. В этом дискурсе доминируют логики рынка и сообщества, последнее закреплено в таких категориях дискурса, как сохранение традиций журналистики, формулирование ценностей и миссии журналистики, ориентация на лучшие образцы журналистской практики, соблюдение этических стандартов, прозрачность идеологических позиций и редакционной политики.

Примечание

¹ От англ. public pages.

Список литературы

Баканов Р. П. Профессионализм журналиста в дискурсе современных федеральных СМИ // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 3(141). С. 16–22.

Баранова Е. А. Трансформация института СМИ в условиях медиаконвергенции // Коммунология. 2016. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-instituta-smi-v-usloviyah-mediakonvergensii> (дата обращения: 24.01.2019).

Баранова Е. А. Утраченные стандарты журналистской профессии // Приоритеты массмедиа и ценности профессии журналиста: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 17–18 мая 2018 г.). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 15–17.

Дмитриева С. «Умному журналисту – везде родина». URL: <https://spbsj.ru/interview/umnomu-zhurnalistu---viedz> (дата обращения: 20.08.2019).

Копылов О. В. Профессионализм журналиста в условиях медиаконвергенции: трансформация, эволюция, апгрейд? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 3(19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalizm-zhurnalista-v-usloviyah-mediakonvergensii-transformatsiya-evolyutsiya-apgreyd> (дата обращения: 01.08.2018).

Нигматуллина К. Как веб-ресурсу регионального СМИ достичь гармонии с человеком? // Журналист. 16.08.2018. № 8. URL: <https://jrnlst.ru/site-analysis-vliferu> (дата обращения: 03.10.2019).

Нигматуллина К. Р. Профессиональная культура журналистов: поиск общих подходов в западных и российских исследованиях // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика, 2019. (3). С. 84–105. doi 10.30547/vestnik.journ.2.2019.105119

Нигматуллина К. Р., Градюшко А. А., Пустовалов А. В. Сообщества «ВКонтакте» и их роль в медийном ландшафте: опыт трех регионов // Труды БГТУ. Сер. 4: Принт- и медиатехнологии. 2019. № 1. С. 54–61.

Олешко В. Ф., Цао Лян. Профессиональная культура журналистов: российский и китайский исследовательский опыт // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24, № 3(177). С. 30–38.

Сидорова О. С., Карпенко И. И. Профессиональные компетенции современного интернет-журналиста // Современный дискурс-анализ. 2018. Вып. 3(20), т. 3. С. 12–21.

Черткова Д. «Границ больше нет» // Коммерсант. Стилль. 27.04.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4040173> (дата обращения: 27.09.2019).

Шмерлина И. А. «Институциональная логика»: критический анализ направления // Социологический журнал. 2016. Т. 22, № 4. С. 110–138. doi 10.19181/socjour.2016.22.4.4812

Carlson M., Lewis S. Boundaries of Journalism. London: Routledge, 2015. doi 10.4324/97813157-27684

Carlson M. Automating Judgment? Algorithmic Judgment, News Knowledge, and Journalistic Professionalism // New Media & Society. 2018. 20(5). P. 1755–1772. doi 10.1177/1461444817706684

Chung D. S., Kim Y. S., Nah S. A Comparison of Professional Versus Citizen Journalistic Roles: Views from Visual Journalists // Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies. 2018. Vol. 1–17. doi 10.1177/1354856518784022

Craft S. Distinguishing Features: Reconsidering the Link Between Journalism's Professional Status and Ethics // Journalism & Communication Monographs. 2017. Vol. 19(4). P. 260–301. doi 10.1177/1522637917734213

Deuze M., Witschge T. Beyond Journalism: Theorizing the Transformation of Journalism // Journalism. 2017. Vol. 19, issue 2. P. 165–181.

Ferrucci P. Are You Experienced? // Journalism Studies. 2018. Vol. 19(16). P. 2417–2432. doi 10.1080/1461670X.2017.1349550

Harnischmacher M. Journalism After All: Professionalism, Content And Performance – A Comparison between Alternative News Websites and Websites of Traditional Newspapers in German Local Media Markets // Journalism. 2015. Vol. 16(8). P. 1062–1084. doi 10.1177/1464884914554177

Hujanen J. Participation and the Blurring Values of Journalism // Journalism Studies. 2016. Vol. 17, issue 7. P. 871–880. doi 10.1080/1461670X.2016.1171164

Ramirez de la Piscina T., Zabalondo B., Aiestaran A., Agirre A. The Future of Journalism – Who to Believe? // Journalism Practice. 2016. Vol. 10, issue 1. P. 71–92. doi 10.1080/17512786.2015.1006932

Schmidt V. A. Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // Annual Review of Political Science. 2008. Vol. 11. P. 303–326. doi 10.1146/annurev.polisci.11.060606.135342

Vos T. P., Thomas R. J. The Discursive Construction of Journalistic Authority in a Post-Truth Age // Journalism Studies. 2018. P. 2001–2010. doi 10.1080/1461670X.2018.1492879

Waisbord S. Reinventing Professionalism. Journalism and News in a Global Perspective. Cambridge: Polity, 2013. 282 p.

Weaver D. H., Willnat L. Changes in U.S. Journalism // Journalism Practice. 2016. Vol. 10, issue 7. P. 844–855. doi 10.1080/17512786.2016.1171162

Young S., Carson A. What is a Journalist? // Journalism Studies. 2018. Vol. 19, issue 3. P. 452–472. doi 10.1080/1461670X.2016.1190665.

References

Bakanov R. P. Professionalizm zhurnalista v disкурсе sovremennykh federal'nykh SMI [Professionalism of journalists in the discourse of modern federal media]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture], 2015, issue 3(141), pp. 16–22. (In Russ.)

Baranova E. A. Transformatsiya instituta SMI v usloviyakh mediakonvergentsii [Media institute transformation under the conditions of media convergence]. *Kommunikologiya* [Communicology]. 2016. Issue 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-instituta-smi-v-usloviyah-mediakonvergentsii> (accessed 24.01.2019). (In Russ.)

Baranova E. A. Utrachennye standarty zhurnalistskoy professii [Lost standards of the journalistic profession]. *Prioritety massmedia i tsennosti professii zhurnalista: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Ekaterinburg, 17–18 maya 2018 g.)* [Priorities of the mass media and the values of the profession of a journalist: Proceedings of the International scientific and practical conference (Ekaterinburg, May 17–18, 2018)]. Ekaterinburg, Ural Federal University Press, 2018, pp. 15–17. (In Russ.)

Dmitrieva S. *Umnomu zhurnalistu – vezde Rodina* [Smart journalists feel like home everywhere]. 2018, November 06. Available at: <https://spbsj.ru/interview/umnomu-zhurnalistu---viezd> (accessed 20.08.2019) (In Russ.)

Kopylov O. V. Professionalizm zhurnalista v usloviyakh mediakonvergentsii: transformatsiya,

evolyutsiya, apgreid? [Professionalism of journalist in media convergence conditions: Transformation, Evolution, Upgrade?] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], 2012, issue 3(19). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalizm-zhurnalista-v-usloviyah-mediakonvergensii-transformatsiya-evolyutsiya-apgreid> (accessed 01.08.2018). (In Russ.)

Nigmatullina K. Kak veb-resursu regional'nogo SMI dostich' garmonii s chelovekom? [How can a regional media web resource achieve harmony with a person?]. *Zhurnal'ist* [Journalist], issue 8, August 16, 2018. Available at: <https://jrnlst.ru/site-analysis-vliferu> (accessed 03.10.2019). (In Russ.)

Nigmatullina K. R. Professional'naya kul'tura zhurnal'istov: poisk obshchikh podkhodov v zapadnykh i rossiyskikh issledovaniyakh [Professional culture of a journalist: the search for common approaches in western and Russian studies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnal'istika*, 2019, issue 3, pp. 84–105. doi 10.30547/vestnik.journ.2.2019.105119 (In Russ.)

Nigmatullina K. R., Gradyushko A. A., Pustovalov A. V. Soobshchestva 'VKontakte' i ikh rol' v mediynom landshafte: opyt trekh regionov [Communities 'VKontakte' and their role in the media landscape: Experience of three regions], *Trudy BGTU. Seriya 4: Print- i mediatekhnologii* [Proceedings of BSTU. Series 4: Print and Media Technologies], 2019, issue 1, pp. 54–61. (In Russ.)

Oleshko V. F. Professional'naya kul'tura zhurnal'istov: rossiyskiy i kitayskiy issledovatel'skiy opyt [Professional Culture of Journalists: Russian and Chinese Research Experience]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture], 2018, vol. 24, issue 3(177), pp. 30–38. (In Russ.)

Sidorova O. S., Karpenko I. I. Professional'nye kompetentsii sovremennogo internet-zhurnalista [The professional competencies of a modern online journalist]. *Sovremennyy diskurs-analiz* [Modern Discourse Analysis], 2018, vol. 3, issue 3(20), pp. 12–21. (In Russ.)

Chertkova D. 'Granits bol'she net' [There are no more borders]. *Kommersant Stil'* [Kommersant Style] July 24, 2019. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/4040173> (accessed 27.09.2019) (In Russ.)

Shmerlina I. A. 'Institutsional'naya logika': kriticheskiy analiz napravleniya ['Institutional Logics': Critical analysis of the direction]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2016, vol. 22, issue 4, pp. 110–138. doi 10.19181/socjour.2016.22.4.4812. (In Russ.)

Carlson M., Lewis S. *Boundaries of Journalism*. London, Routledge, 2015. doi 10.4324/9781315727684. (In Eng.)

Carlson M. Automating judgment? Algorithmic judgment, news knowledge, and journalistic professionalism. *New Media & Society*, 2018, issue 20(5), pp. 1755–1772. doi 10.1177/1461444817706684. (In Eng.)

Chung D. S., Kim Y. S., Nah S. A comparison of professional versus citizen journalistic roles: Views from visual journalists. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*. 2018, vol. 1–17. doi 10.1177/1354856518784022. (In Eng.)

Craft S. Distinguishing features: Reconsidering the link between journalism's professional status and ethics. *Journalism & Communication Monographs*, 2017, vol. 19(4), pp. 260–301. doi 10.1177/1522637917734213. (In Eng.)

Deuze M., Witschge T. Beyond journalism: Theorizing the transformation of journalism. *Journalism*, 2017, vol. 19, issue 2, pp. 165–181. (In Eng.)

Ferrucci P. Are you experienced? *Journalism Studies*, 2018, vol. 19(16), pp. 2417–2432. doi 10.1080/1461670X.2017.1349550 (In Eng.)

Harnischmacher M. Journalism after all: Professionalism, content and performance – a comparison between alternative news websites and websites of traditional newspapers in German local media markets. *Journalism*, 2015, vol. 16(8), pp. 1062–1084. doi 10.1177/1464884914554177 (In Eng.)

Hujanen J. Participation and the blurring values of journalism. *Journalism Studies*, 2016, vol. 17, issue 7, pp. 871–880. doi 10.1080/1461670X.2016.1171164. (In Eng.)

Ramirez de la Piscina T. The future of journalism – Who to believe? Ed. by Ramirez de la Piscina T., Zabalondo B., Aiestaran A., Agirre A. *Journalism Practice*, 2016, vol. 10, issue 1, pp. 71–92. (In Eng.)

Schmidt V. A. Discursive institutionalism: The explanatory power of ideas and discourse. *Annual Review of Political Science*. 2008, vol. 11, pp. 303–326. doi 10.1146/annurev.polisci.11.060606.135342. (In Eng.)

Vos T. P., Thomas R. J. The discursive construction of journalistic authority in a post-truth age. *Journalism Studies*, 2018, 19:13, pp. 2001–2010. (In Eng.)

Waisbord S. *Reinventing Professionalism. Journalism and News in a Global Perspective*. Cambridge, Polity, 2013. 282 p. (In Eng.)

Weaver D. H., Willnat L. Changes in U.S. journalism. *Journalism Practice*, 2016, vol. 10, issue 7, pp. 844–855. (In Eng.)

Young S., Carson A. What is a journalist? *Journalism Studies*, 2018, vol. 19, issue 3, pp. 452–472. (In Eng.)

DISCOURSE ON PROFESSIONALISM IN MODERN JOURNALISM

Kamilla R. Nigmatullina

Associate Professor in the Department of Digital Media Communications

Saint Petersburg State University

26, Line 1 of Vasilyevsky Island, Saint Petersburg, 614990, Russian Federation. k.nigmatulina@spbu.ru

SPIN-code: 4373-4174

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9146-1712>

Submitted 03.10.2019

The article presents the results of studying professional discourse on the boundaries of professionalism in modern journalism. The author proceeds from the ideas of the need to rethink professionalism in the context of digital transformation. Based on the discourse and institutional approach and the concept of institutional logic, the author analyzes interviews with journalists about the profession published over the past three years in professional and socio-political news outlets. Based on Russian and foreign studies of professionalism in journalism over the past six years, the author suggests using discourse analysis to identify the dynamics of ideas about the profession. Previous studies have confirmed the reliability of the method in studying the components of professionalism. In this article, discourse analysis was supplemented by interpretation of institutional logics. The results of the study show that the dominant discourse is anchored in such ideas as preserving the traditions of journalism, articulating the values and mission of journalism, focusing on the best examples of journalistic practice, observing ethical standards, transparency of ideological positions and editorial policy. In general, for the professional discourse of the past three years, there has been a request to discuss the problem of unity within the community. It is concluded that journalists have adapted to modern professional conditions associated with technological changes; however, there is nostalgia for traditional journalistic practices of the past, since modern practices reflect uncertainty of the present, that is a situational choice of values and morality. Radical moods are also present in the discourse: the profession does not exist, the community is split, the search for consensus is impossible.

Key words: professionalism; professional discourse; neoinstitutionalism; journalism values.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литератур; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

Полнотекстовая версия выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ [Elibrary.ru](http://elibrary.ru).

С 19.02.2010 журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (10.01.01 – Русская литература, 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология, 10.01.09 – Фольклористика, 10.01.10 – Журналистика, 10.02.01 – Русский язык, 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи), 10.02.03 – Славянские языки, 10.02.04 – Германские языки, 10.02.14 – Классическая филология, византийская и новогреческая филология, 10.02.19 – Теория языка, 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание, 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика).

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикации в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлекцией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редколлекции даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлекцией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в полемику и переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных. Зам. гл. редактора – Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова, администратор сайта – Алексей Васильевич Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта – Екатерина Владимировна Исаева.

Адрес редакции: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 131, 133 (Лаборатория региональной лексикологии и лексикографии, тел. (342)2396795), ауд. 172 (Лаборатория сравнительно-исторических исследований и культурных инноваций, тел. (342)2396290).

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 12. Выпуск 1 / 2020

Редакторы *Л. А. Богданова, О. И. Кирьянова*
Корректоры *Л. А. Семицветова, Е. В. Шумилова*
Компьютерная верстка: *Л. С. Нечаева*
Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 23.03.2020. Дата выхода в свет 26.03.2020
Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 16,39. Тираж 500 экз. Заказ 45

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Типография
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»
в общероссийском каталоге «Пресса России» – 41008

Распространяется бесплатно и по подписке